

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

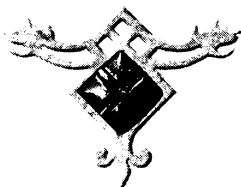
Королевство Таргалот

Королевство
Таргалот

Юджин
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Юджин
НИЖНИЙ

Юджин

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскрёбы магов
- Книга 7. Ее Высочество
- Книга 8. Королевство Гаргалом

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЩАНИЕ ВРЕМЕНИ

Книга 8

Королевство
Гаргалот

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок *А. Липаева*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 8. Королевство Гаргалот / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-84943-7

Парящего над замком дракона можно подстрелить из снайперской винтовки, заговорщиков встретить стрельбой из двух пистолетов «по-македонски», герцогиню уломать и без применения магии, но что применить против паутины дворцовых интриг? Здесь Юджину потребуется нечто, чего у него нет. Например, умения договориться с фрейлинами королевы, которые лучше всех знают тайны двора. Вот только убедить женщину порой труднее, чем дракона. Однако придется постараться...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84943-7

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Человек убивает легко — одно из первых моих открытий за последнее время. И самое вроде бы потрясающее, но почему-то не потрясшее. Все мы в мечтах уничтожаем недруга, но все остается там же, в грезах. На другой день рассеивается. Да что там день, уже через час, а то и через пару минут говоришь себе что-то успокаивающее и думаешь о другом.

Потому везде мир и гуманизм. И можно поговорить о человеколюбии, хотя наш разум — всего лишь тончайшая пенка на кипящем молоке звериных инстинктов и страстей в глубокой кастрюле черепа.

Но вот я, заполучив такую мощь, могу в реальности творить то, что раньше проделывал только в сладостных мечтах. Натура у меня мягкая, интеллигентная, потому звериная, как и положено человеку. Все это подспудное мигом поднялось с темного дна к поверхности и победно прет на выход, угрожая в клочья разорвать тонкую пленку морали, воспитанности и всего того, что и так легко сбрасываем.

Даже и не знаю, как-то не по себе, хотя и сладостно. Надо бы поковыряться в мировоззрении или в чем-то еще базовом, но в школе этому не учили, а если и учили, кто такую хрень запоминает? Тогда важнее было курнуть на перемене под лестницей да пожмакаться.

В дверь постучали.

— Открыто, — сказал я громко, в закинутой за голову ладони как будто сама по себе возникла тяжелая рукоять пистолета.

Чуть приоткрыв, из коридора вполглаза осторожно заглянул слуга в одежде цветов королевского дворца и с нашитым цветком лилии на левом плече, что дает доступ на все этажи.

— Глерд Юджин, — сказал он торопливо, — ее величество изволит принять вас.

— А-а, — ответил я, — но я вроде бы не добивался аудиенции.

Он сказал чуть строже, уже понял, что не сожру на месте:

— Вас примут немедленно.

— Хорошо, — ответил я со вздохом, — беги. Уже как бы иду.

Он исчез, а я небольшим усилием распылил пистолет, идти с ним глупо, а оставить под подушкой еще глупее, мало ли кто после моего ухода здесь все осматривает.

Спустившись во двор, я собрался двигаться среди прогуливающихся вельмож, но в этом цветном и постоянно перемешиваемом борще тут же мелькнул высокий и сурового облика офицер в металлической кирасе поверх кожаных доспехов, широкоплечий и выпуклогрудый.

Я помахал ему рукой, он моментально поймал меня взглядом, должность такая, решительно двинулся наперехват.

— Глерд, — сказал он первым, приветствуя как более знатного, — вы изволите к ее величеству?

— Руперт, — сказал я с укором, — когда это я туда изволил? Всегда как бычка на веревочке.

— Вы здоровый бычок, — определил он, делая тем самым комплимент. — Вас надо на крепкой цепи. И тащить втроем. Ее величество?

Я сказал с оскорбленным видом:

— А что, меня может вызвать повариха?

— Не может, — заверил он, — даже не знаю, кто вас может... помимо ее величества.

— Так что королева, — подтвердил я, — у нас такая продвинутая демократия, что королева — это все!

Он не стал поправлять, что не королева, а ее величество, некоторых горбатых даже могила не правит, быстро поглядывает по сторонам, всех замечая и все схватывая цепким взглядом, с виду элитный боец, вон на худом костистом лице шрамы и шрамики, но вообще-то его вельможный род идет из глубины веков, когда Нижние Долины еще были не Нижними, а Великими, мог бы не служить, а наслаждаться высоким положением знатного глерда.

— Охрана как? — спросил я.

— Удвоена, — ответил он коротко.

— Из королевской гвардии?

Он покачал головой.

— Нет, взял из казарм. Есть такие, с кем стоял в боях плечо в плечо. Мне нужны надежные, а не... красивые.

Я ухмыльнулся, понимаю, у входа в главное здание красивые гвардейцы королевской стражи лишь смирили меня настороженными взглядами, но Картер кивнул, они послушно отступили в стороны.

Придворные по дороге почтительно кланяются, от улыбок растягиваются лица, как у готовых к броску крокодилов.

— Не отставайте, — велел Картер сухо. — Что-то вы расчерепахились.

— От привольной жизни, — сообщил я.

— Вы только что прибыли!

— А долго ли умеючи...

Никем не задерживаемые, взбежали на королевский этаж, резко отличаясь от важных вельмож, шествующих медленно и степенно. Королевские слуги у двери королевского кабинета переглянулись, один широко распахнул

обе половинки, выказывая тем самым, что признает мой высокий ранг.

— Я подожду здесь, — сказал Картер.

Я перешагнул порог, королева у окна задумчиво смотрит во двор, повернулась, лицо бледное и усталое, в глазах тревога.

— Глерд, — произнесла она, — рекомендую переселиться на это время из башни Рундельштотта во дворец. У вас здесь свои покои. Не понимаю, почему отказываетесь? Побойваетесь, что придется отбиваться от моих фрейлин?

— Ваше величество?

Она пояснила:

— Люди глерда Иршира выявили и арестовали еще троих. Все из влиятельных вельмож, предки служили отважно и честно... Вам не надо объяснять, почему сейчас такое?

Я пробормотал:

— Хотите сказать, ваше величество, где трое, там больше?.. Это точно. А этих троих уже... расспрашивают?

Она поморщилась, кивнула.

— Да.

— Умелые люди? — спросил я. — Нужно получить весь круг их знакомых. Помимо видимого еще и тот, о котором умалчивают.

— Иршир этим занимается, — ответила она. — Я вас вызвала, чтобы предупредить, за вами идет охота. Вас считают ответственным за провал с принцессой, а также...

— Ваше величество?

— Полагают, — закончила она, — что можете представлять угрозу и в дальнейшем. Видимо, это похвала. Я настоятельно рекомендую воспользоваться охраной. Глерд Картер, который о вас почему-то крайне высокого мнения, готов выделить любое количество своих людей охранять вас денно и нощно. Это он и напомнил, что вам стоит ночевать здесь.

— Спасибо, ваше величество, — ответил я почтительно, — а позвольте спросить... Почему вы сказали «рекомендую» вместо «повелеваю»? Я же видел, вы даже губы успели сложить иначе! Как будто хотели не то поцеловать, не то укусить, у вас одинаково государственное выражение как бы лица.

Она сказала с досадой:

— Потому что повеление из-за своей невоспитанности и дурных манер пропустите мимо ушей! А к рекомендации, возможно, прислушаетесь.

— Гм...

— Я в самом деле хочу, — сказала она жестче, — чтобы вы уцелели.

— Спасибо, ваше величество, — повторил я. — Ваше величество, вы вообще-то мудрая королева, что удивительно при вашей броской внешности. Это не оскорбление, честное слово, но вы в самом деле очень красивая... кто бы подумал, женщина.

— Глерд, — сказала она строго. — Вы говорите с королевой Нижних Долин!

Я сказал смиренно:

— Даже я вами любуюсь, даже величество, хотя, конечно, издали. Очень издали. Ваши подданные в вас верят и поддерживают. А ваши тайные враги в королевстве сразу заткнутся, как только Антриасу обломают рога. И сразу все эти заговоры и мятежи погаснут сами.

Она поморщилась.

— Глерд...

— Да ладно, — ответил я, — хороший политкорректный термин. Бодливой корове бог рогов не дает, Антриас их сам у бога украл или выпросил. Вы должны восстановить справедливость и обломать эти лишние образования! Я бы предпочел снести их вместе с верхним отростком тела. Подумаешь, король.

Она сказала устало:

— У него столько трюков, начинаю сомневаться...

— На этот раз обломает зубы, — пообещал я.

— Почему так уверены?

— Вы же видите, закусил удила, а против него уже три королевства!.. И каким бы ни был гением в военном деле, но трое против одного — что еще? Нужно только самим не убиться о стену. Мне кажется, вы это сумеете. Не убиться. И тогда все эти охотники на меня и опасных фигур сами вернутся в свои норы. А дома займутся разведением кур. Или, как здесь говорят, курей. Сейчас же неплохо бы убрать заказчика... Ваше величество?

Она кивнула, я видел по ее отстраненному взгляду, что мне сказала все и мысленно уже возвращается к более важным государственным делам.

— Будьте осторожны, глерд. И переселяйтесь.

— Ваше величество, — напомнил я, — армия Антриаса уже на подступах к границам вашего королевства. Со дня на день придет посла с просьбой пропустить его армию по двум-трем дорогам через все королевство к границам Дронтарии.

Она смотрела на меня хмуро, привычный взгляд свысока сменился на взгляд исподлобья.

— Уже, — произнесла она холодно.

— Ваше величество?

Она сказала мертвым голосом:

— Сегодня я получила послание Антриаса. Он просит в свойственной ему категорической манере пропустить его войска. Обещает не творить бесчинств по пути следования. Заверяет в своем прежнем расположении и почтении.

Я подумал, посмотрел внимательно.

— Похоже, сообщение выслал еще до того, как нам удалось выкрасть принцессу. Иначе просьба не звучала бы столь категорично.

— Не знаю, — ответила она сухо. — Он завоеватель. Война — его стихия, от вторжения в Дронтарию не откажется, даже если попытаюсь перекрыть ему все дороги. Предполагаю, успел послать гонцов к ряду могущественных глердов моего королевства с сообщением, что он с нами не воюет, а идет на Дронтарию.

— И даже мог позвать с собой, — добавил я, — пообещав богатую добычу. Вы же знаете своих глердов... Они, как и везде...

— Он мог, — ответила она нейтральным тоном, но я уловил скрытую глубоко нотку горечи. — Хуже того, есть ряд глердов высшего ранга, что со своими войсками могут принять его предложение.

— А после захвата Дронтарии, — закончил я ее мысль, — помогут Антриасу установить власть и над Нижними Долинами.

Она слегка наклонила голову.

— Я об этом тоже думала.

— Люди, — сказал я философски, — есть люди, а то и вовсе человеки. Ваше величество, уверяю вас, хотя неожиданности еще наверняка будут, но общий расклад сил в нашу пользу... в смысле, вашу, я тут пришей кобыле хвост. Не забывайте, Антриас уже потерял важнейшего союзника в лице королевства Опалосса!.. Более того, король Плаций, освободившись от власти регента Ригельта, может попытаться захватить Уламрию, откуда король увел всю армию...

Она покачала головой.

— Это было бы слишком хорошо. Но мне пришлось научиться быть осторожной. И не верить в желаемое.

— Сочувствую, — сказал я искренне.

Она напомнила уже более твердым голосом:

— Глерд, вам нужно ночевать в своих покоях во дворце. Я поклонился.

— Ваше величество...

Картер в коридоре шагнул навстречу, лицо окаменевшее, я сказал с досадой:

— Да что все дергаются, когда захожу к королеве?

— Глерд, — ответил он сухо, — вы такая свинья, что можете чем-то обидеть ее чувствительность. Ее величество... особенная женщина. Вам такое не понять и не оценить.

— Да уж, — согласился я, — это вы сама деликатность, дорогой Руперт. На каком инструменте играете?..

Он опустил ладонь на рукоять меча.

— На этом. С пяти лет.

Я буркнул:

— Спасибо, обратно сам дойду. Вряд ли кто-то остановит, хотя с вашей охраной может быть все наоборот.

И ушел, довольный, хотя с чего бы, обидел хорошего человека, но у нас почему-то трудно удержаться, чтобы не забить гол даже в свои ворота, если подворачивается удачное положение.

Во дворе неспешное гуляние родовитых вельмож, так это выглядит со стороны, но на самом деле это их повседневная и кропотливая работа. Здесь поддерживаются связи, заводятся новые некие союзы и соглашения рушатся, зато устанавливаются свежие, именно здесь уговариваются, кого протолкнуть из подопечных повыше, а кого придержать...

Когда я, отвечая на поклоны, выбрался во двор, Понсоменер подошел со спины неслышными шагами, но я ощутил, поинтересовался, не оборачиваясь:

— Как там Фицрой?

Он пробормотал:

— Предполагаю, сейчас в таверне «Веселый кабан».

— Он же тебя тащил с собой, — напомнил я.

Он пошел рядом, холодный и бесстрастный, ответил тем же ровным голосом:

— Да. Но в таверне «Серебряный гусь» ему наскучило, никто с ним драться не хотел, и он пошел в «Белый едино-

рог». Сейчас, думаю, в «Веселом кабане», но потом пойдет в «Мокрые розы». А я хорошо пообедал в «Серебряном гусе», вино там вполне, и вернулся.

— Вот свинья, — сказал я в сердцах. — Фицрой свинья, а ты еще непонятно, что за гусь. Ладно, когда вернется, позовешь меня.

— В трактир?

Я поморщился.

— Нам некогда засиживаться, море зовет вольных альбатросов! Это мы — альбатросы. Птицы есть такие. С крыльями.

— Позову, — ответил он.

Рундельштотта я застал вопреки ожиданию не на ложе с чашей вина, суетится у стола, раскладывает по кучкам листочки и корешки, оглянулся, быстро и суетливо, как радостная мышь, украшая огромный кусок свежего сыра.

— Не помешаю? — спросил я вежливо.

Он отмахнулся.

— Вид у тебя... никакой. Ляг полежи, могу дать вина. А я тут заново перебрал свои запасы. Оказывается, твоя магическая штучка очень точно определяет, сколько чего в какой траве... представляешь? Часть травы могу выбросить, засохла, но некоторые корешки, напротив, накопили каким-то образом!

— Не представляю, — сказал я и в самом деле лег на его ложе, закинул ладони за голову. — Мастер, не уйду, пока не научите меня создавать или хотя бы творить вино!.. И буду здесь спать, а вам придется у порога на тряпочке. Не сгоните же гостя.

Он отмахнулся.

— Сгоню. Но с тобой потом-потом, вот закончу... Пока отдохни. Почему возлежишь не во дворце?

— У вас удобств больше, — сообщил я.

— Да ну?

— Ни одна придворная дама на такую высоту не полезет, — сказал я. — Заморится платье держать на весу. Так что понимаю, почему вы под самую крышу.

— Seriously?

— Там, — пояснил я, — ко мне скорее подберется злодей, чем здесь. А сюда по приказу королевы кого попало не пропустят!.. Те два мордоворота по-прежнему стерегут вход в вашу башню. Колдуйте, мастер, не обращайтесь на меня внимания. Меня как бы нет, хотя я все вижу!

Он занялся своими травками, а я прикрыл глаза и начал представлять себе мир темной материи, что заполнен такой же темной энергией. Что она за, уже определил для себя, это то, что в народе называют маной, дескать, колдуны собирают и творят чудеса. Темную материю пока не представляю, хотя умом понимаю, она везде, вселенные в ней не крупнее, чем крохотные пузырьки, что могут сколько угодно лопаться и возникать снова, как во время дождя на поверхности бесконечного озера, только вот темная материя не ограничена плоскостью, как рисует мой убогий умишко. Смутно ощущаю, что темная материя вообще существует не только в трех измерениях...

Начал засыпать, как вдруг на грани перехода в сон завис в абсолютной черноте, нет верха, низа, нет времени или гравитации, но все равно испуга почему-то нет, ощущение такое, словно сейчас все еще в материнской утробе, там защищено, и никакой опасности.

Сосредоточившись, раз уж вроде бы не сплю, попытался двигать руками, ногами, повертел головой, все еще темнота, однако появились некие темные массы, что странно, темнота в темноте, донеслись странные бухающие звуки, словно вселенная дает указания галактикам, затем блеснула искорка света...

...я уцепился за нее взглядом и начал всеми фибрами души расширять, расширять, наконец увидел в окошечке часть стены с пучками трав и корешков, ощутил узнава-

ние, и тут же темнота исчезла, я лежу там же, где и лежал, а Рундельштотт стоит у стола и, глядя выпученными глазами в мою сторону, повторяет:

— Юджин... Юджин... Ты цел? Ты... где?.. Юджин...

Я ответил в недоумении:

— Да здесь я... А что, меня плохо видно?

Он проговорил прерывающимся голосом:

— Юджин... Что с тобой случилось?.. Постарайся ответить... Соберись!

Я крикнул уже во весь голос:

— Я здесь, профессор!.. То есть мастер!.. Все в порядке... я рядом!

В теле появилась слабость, я прислушался, отпустил странное состояние, чувствуя, как нечто исполинское уходит из моего тела, пронизывая насквозь, как нейтринный ветер.

Рундельштотт вздрогнул, отшатнулся.

— Ты здесь и лежал?.. Или переносился?

— Здесь, — заверил я. — Это ваши амулеты и заклятия, мастер... Что-то я наконец-то сделал правильно!.. Сработало!.. Меня совсем не было видно? Даже тени?

Он проговорил вздрагивающим голосом:

— Ты не просто исчез, ты совсем исчез... Понимаешь?

— Нет, — ответил я, — как это — совсем?

Он сказал быстро:

— Я вижу тех, кто пользуется простыми заклятиями исчезновения, невидимости или незримости. Даже не простыми. Но ты... а ты все здесь видел?

— Так же хорошо, — ответил я, — как и раньше. Хотя да, сейчас чувствую, что немного что-то по-другому... будто был в другом мире, что рядом, но скрыт от наших глаз... и бесцветный. Может, это и есть мир темной материи, что есть мир чистой магии?

— Что, — спросил он в недоумении, — что за мир темной материи?

— Мир чистой материи, — повторил я. — А в нем темная энергия... что есть именно магия. Ничем ее не уловить, кроме как сам человек всеми фибрами... Что такое фибры — не знаю, наверняка что-то магическое. А что, это объяснение!.. Оно самое умное, пока не придумаем лучше, что вряд ли, я же самый умный на свете, не считая вас, мастер, но вы такой ерундой заниматься не станете.

Он создал две большие чаши с вином, одну ухватил сразу и жадно припал губами к краю. Несколько красных капель сорвались на грудь.

Я взял вторую в обе руки, но спросил:

— Мастер, а если вино не удастся создать надолго... оно как?

Он допил, поднял на меня взгляд.

— Вино? А что вино... Как только выпил, уже не вино. Ты думай про то, что сумел, а не про какое-то вино! Ты же совершил такое, о чем даже в древних хрониках никто не упоминал.

Я пробормотал:

— Возможно, тогда не знали о существовании темной материи?

— Ее так и называют?

— Да это так, — ответил я уклончиво, — придумываю термины... Он так же хорош, как и остальные. Ладно, мастер, сейчас вам не до обучения такого олуха. Пойду к себе, но завтра я с вас не слезу! Научиться вино делать — это круче, чем алмазы, кому они нужны?

Глава 2

В своей комнате там же в башне я рухнул на ложе и, закрыв глаза, попытался снова погрузиться в тот же мир. Не вышло, сердце бухает, как молот, в голове будто раскаленные угли кто-то ворокает железной кочергой.

Все логично, все происходит вовремя. Радиоволны существовали всегда, но человек узнал о них не раньше, чем сумел создать ловушку для радиоволн, названную им радиоприемником, то есть приемником радиоволн.

Темная материя и темная энергия существовали изначально, еще до Большого Взрыва, что на самом деле знаменовало всего лишь рождение еще одного из пузырьков в океане Темного мира, но человек узнал о них не раньше, чем подошел к пониманию их сути. От этого остался крохотный шаг к овладению. Причем на этот раз приемником темной энергии может являться также и сам человек с его сложнейшей нервной сетью тончайшей настройки.

Допускаю, что и раньше находились с неким сбоем в генах, улавливали радиоволны или темную энергию, становились магами, но сейчас уже все человечество подошло вплотную, чтобы понять и овладеть этим океаном.

И хорошо, что я успел первым. Первому все пряники. Он успевает снять все сливки, если, конечно, не прощелкает хлебалом. Я вроде бы не слишком щелкаю, а когда щелкаю, то, конечно, это виноват не я, а весь остальной мир, у демократов только так.

Все-таки снова закрыл глаза и начал старательно настраиваться на ловлю частиц темной энергии, чувствуя себя сплошной антенной. Долго ничего не происходило, слишком всего трясет, затем начал погружаться в странную темноту, что не темнота, но все же темнота, разве что не привычная, а та, когда света вообще не существовало.

Темнота вечности, настоящей вечности, когда и времени не было, не существовало, появилось оно только вместе с Большим Взрывом, как утверждает лучший космолог святой Августин Блаженный.

Затем, когда я ее прочувствовал и стал тоже частью темной материи, начал чувствовать струящуюся сквозь меня темную энергию. Она струится и струится, как те же нейтрино, что с легкостью пронизывают Землю и мчат-

ся дальше, не замечая никаких препятствий и ничуть не отставая от тех, кто промчались мимо нашей планеты, не задев и краешком.

Дергаясь так и эдак всем телом, так неуклюже помогаю мыслительным процессам, про выпучивание глаз вообще молчу, в какой-то момент уловил, что да, часть темной энергии начинает где-то застревать во мне, наполняя некой мощью, осталось только научиться высвободить ее...

...да еще так, чтобы не взорвалась со мной вся планета, а то и Солнечная система.

«Давай, — прошептал я мысленно, — мы одной крови, ты и я, в том смысле, что атомы те же, осталось научиться только переставлять их по неким схемам, отпечатанным в мозгу».

Ощущение вселенской огромности ушло, я ощутил себя выброшенной на берег рыбой, распластался, часто дыша и стараясь удержать в памяти все, что чувствовал.

Удержать и запомнить надо, в следующий раз заходить будет легче. Но теперь я это не оставляю.

Фицроя не узнать, за время моей аудиенции у королевы каким-то образом успел, судя по его виду, посетить всех столичных портных: новая светло-коричневая шляпа с гигантским хвастливым пером, расшитый золотом камзол, щегольские брюки, а сапоги такие, что и короли позавидуют. Есть модники, для которых обувь — это все, а у Фицроя все с головы до ног обувь, ну не может не выпендриваться.

— Как прошло у королевы? — спросил он бодро.

На него оглядываются все прогуливающиеся во дворе, женщины сладко и обещающе улыбаются, а мужчины кланяются почтительно и с достоинством, тоже стараются понравиться герою, которому покровительствует королева.

Мне и то кланяются меньше, у меня дресс-код не совсем, я кивком отвел героя в сторону от магистрального

прогуливания, но Фицрой и оттуда помахивал шляпой и грациозно раскланивался.

— Перед королевой дрожал, — сообщил я. — Стоял и трясся. Иначе перед королевами нельзя.

— Да ты чего?

— Это перед королями трястись не обязательно, — пояснил я, — им же не надо нам выказывать, что самцы круче, сами знаем, а у женщин это пунктик со времен капризной Евы. А то и Лилит.

— Чем наградила? — перебил он.

Я покачал головой.

— Пыталась, но я увернулся. Ей так обиднее. Пусть повернется!..

— Жаль, — сказал он со знанием дела. — За принцессу можно такое содрать... С другой стороны, у меня короли еще в долгу не бывали. Ты прав, так интереснее. А ты, выходит, злой? От мешка с золотом отказаться, чтобы устать!.. Или ты в нее уже?

Я посмотрел зверем.

— Что-что?

— Влюблен, что!

Я шарахнулся, будто ударили.

— Чего пугаешь?.. Зайкой можно стать!

— А что, — сказал он хладнокровно, — у вас похоже. Так в народе и начинается всякое... А народ и власть, ты сам говорил, едины в порыве. Каком — не понял. Ну что, прощаемся с Рундельштоттом и прем в Дронтарию?

— Да, — ответил я, — там как раз должны были спустить на воду еще корабль. Даже два, мы же потеряли времени больше, чем думали.

Он спросил в патетическом изумлении:

— А когда теряли меньше? Кто когда успевал быстрее, чем рассчитывал? Что бы ни задумал, клади времени в полтора раза больше! Тогда уложишься хотя бы в два.

— Стареешь, — сказал я. — Ишь, опыт у него. Бывалый, тертый! Как был Нечеса-князь... Хорошо, завтра с утра выступим. Успеешь отдохнуть?

Он посмотрел с уважением.

— А ты ого... Другой бы месяц отдыхал и хвастался. Я не думал, что столько с тобой протопаю. Полагал, как только докажу, что круче, сразу пойду дальше, оставив тебя копаться в прошлых заслугах и перебирать награды. Но вот доказал, а все равно тебе покровительствую. Из жалости, наверное. Добрый я.

— Фицрой, — сказал я с сочувствием. — Беги, пока не поздно.

Он спросил с интересом:

— А чего?

— У меня впереди такое, — сообщил я, — даже вышептать не могу. Самому страшно.

Он посмотрел с жадным интересом и потер ладони с такой силой, что едва не вспыхнули, как дощечки в руках австралийского аборигена.

— Брешешь?

— Ничуть. Видишь, уже руки трясутся? Но кур не крал.

— Пойду скажу Понсоменеру, — заявил он, — пусть собирает коней и мешки. Завтра на рассвете и выступим?

Огромное оранжевое солнце закрывает весь запад, но опускаться будет еще почти полдня, однако здесь никто не выезжает «на ночь», наш отъезд сочтут поспешным, и сразу начнутся разговоры, что могут повредить королеве.

— На рассвете, — согласился я. — Если понадобится раньше, знаешь, где меня искать.

Он ухмыльнулся.

— Ну, а меня... тоже примерно знаешь.

Я проводил его взглядом, красавец и бретер, но что-то в нем еще, и чем это еще опаснее, тем старательнее должен выставлять напоказ эти нарядные костюмы, бретерство, лихость, фанфаронство, чтобы видели только эту витрину.

Мимо меня шел слуга в цветах главного дворца, на миг остановился, расправляя складки на широком рукаве, я едва расслышал шепот:

— Глерд, вас ждут в главном дворце на третьем этаже в комнате фрейлины Кареллы Задумчивой.

— Некогда, — буркнул я.

— Что-то важное, — шепнул он, глядя мимо меня.

— Готовлюсь к отъезду, — сказал я.

— Дело касается жизни, — произнес он и, не дожидаясь ответа, пошел своей дорогой, все еще поглядывая на рукав, красиво ли колыхнется цветная тесьма.

Я уже сделал шаг в сторону башни Рундельштотта, но тревожное любопытство, на чем все самцы горят и ловятся, все-таки перебороло. Я развернулся и пошел обратно, злой на себя, но, с другой стороны, хотя любопытные обезьяны гибнут первыми, но именно самые любопытные из уцелевших стали людьми, а более правильные все еще скачут по деревьям.

— Не слишком отставайте, глерд, — прошептал он, не поворачивая головы. — Я не могу идти медленно, не положено, а вас без меня туда не пропустят.

— Не отстану, — сообщил я. — Я такой, неотставательный.

На второй этаж гвардейцы пропустили без вопросов, но у третьего вышли навстречу с явным желанием бдить и не пущать. Слуга сделал им весьма повелительно некий знак, оба тут же отступили в стороны.

Понятно, такой же слуга, как я глерд. Подрабатывает и в ведомстве Кливарда, а то и у самого Иршира, всем нужны свои люди на разных уровнях.

На третьем этаже я пошел медленно, поглядывая по сторонам и вглядываясь в двери. Этот коридор всегда пуст, во всяком случае от слуг и стражников. Королева оберегает фрейлин как от домогательств вельмож, так и от гвардей-

цев, есть среди них красавцы, так что пусть лучше дежурят внизу у нижней ступени лестницы.

Странно и то, что сообщение передал безвестный слуга, а не Анна, служанка Кареллы, все-таки я Анну уже знаю, достаточно хорошо знаю.

К комнате Кареллы я подходил чуть ли не на цыпочках, вслушивался и вчувствовался. Опасности пока вроде бы нет, никто не притаился, ни синих силуэтов по ту сторону стены, ни голубых, только тонкий аромат нежных духов без примеси мужского конского пота.

Толкнув дверь, я быстро ухватил взглядом пространство комнаты, Карелла на том конце спиной ко мне стоит на балконе и смотрит через высокие перила вниз во двор.

Перешагнув порог, я зыркнул направо-налево, все чисто, я один в комнате, не считая хозяйки, пошел вперед, громко топая.

Карелла обернулась, вся озаренная золотом солнца, лицо вспыхнуло счастьем, торопливо вышла мне навстречу, в глазах ликование, настоящая женщина, умеет делать себя такой, какой должна быть в данный момент.

— Глерд, — прошебетала она, — как я счастлива... Нет-нет, не пугайтесь, в постель не поташу.

— Правда? — сказал я с подчеркнутым сожалением. — А я уж размечтался...

Она сказала с мимолетной усмешкой:

— Уже вижу, почему-то избегаете меня. Точно злые языки что-то сказали обо мне дурное.

— Мир таков, — согласился я, — а двор — еще тот мир.

Она договорила:

— Я искала способ, как сообщить вам, что вы в опасности. Простите, ничего лучше не придумала.

Я настороженно всматривался в ее юное и такое бесхитростное лицо. Мяффнер осторожно обронил насчет ее железного характера, но так, деликатно, не навязывая

свое отношение и не показывая, что его мнение является единственно верным.

— Я это чувствую, — согласился я, — смотрю на вас — и вижу, как вы отбираете у меня сердце.

Она мило улыбнулась, но тут же посерьезнела и показала головой.

— Глерд, прошу вас, сядьте. Вот сюда, это удобное кресло.

Я оглянулся, кресло в самом деле фрейлинское, сплошная роскошь, но взялся за спинку соседнего:

— Прошу вас...

Карелла, придерживая обеими руками с боков платье, улыбнулась и царственно опустилась на мягкое сиденье. Не вся, конечно, опустила только задницу, ноги на полу, но почему-то считается, что это вот и есть опустилась в кресло, как будто задница — наше все и поместить ее в кресло — уже сесть целиком.

Я сел напротив и заглянул ей в милое личико с серьезными глазами.

— Госпожа Карелла...

Она покосилась по сторонам и сказала страшным шепотом:

— Мне удалось случайно услышать обрывок разговора... В общем, некоторые считают вас серьезной помехой.

— Помехой чему? — уточнил я.

Она вздохнула.

— Больше ничего не расслышала. Но, глерд, сам тон, интонация... Говорили очень знатные глерды. А таким лучше не становиться поперек дороги. Вы собираетесь уехать?

— Да, — ответил я.

— Постарайтесь забраться подальше, — посоветовала она серьезно. — Если вам в Дронтариин дали землю, то лучше и не придумать. Когда едете?

— Завтра с утра.

Она снова вздохнула.

— Жаль, буду скучать, но вам вдали от столицы будет безопаснее. А на эту ночь усильте свою охрану. Говорят, у вас верные друзья? Неплохо, если проведут ночь в вашей комнате с оружием в руках... Глерд Юджин, я очень серьезно!

Я кивнул, не сводя с нее взгляда. То, что говорит серьезно, не сомневаюсь. Как и в том, что слышала чуть больше, чем говорит. Но без явных доказательств не станет указывать пальцем на людей знатных и могущественных.

— Что-нибудь придумаю, — пообещал я. — Хотя у меня крохотная комнатка в башне.

— У вас во дворце есть комната! Даже покои.

— Туда вряд ли пропустят мою ватагу, — ответил я, — да еще вооруженную до зубов. Пока не знаю.

Она улыбнулась.

— Глерд, я бы предложила эту комнату, но вы откажетесь.

— А вы предложите, — ответил я.

Она рассмеялась.

— Нет-нет, мне будет очень обидно, когда откажетесь прямо в лоб. Раньше у вас всегда отыскивались предлоги.

— Значит, — сказал я, — когда сам напрашиваюсь, уже вы увиливаете?

— Я не увиливаю!

— Тогда...

Она посмотрела мне в лицо, набрала в грудь воздуха и выпалила:

— Глерд Юджин, вы разделите со мной ложе?

— Разделю, — ответил я, — только уговор, мне две трети, а вам остальное.

— Это бессовестно, — заявила она, сразу оживая на глазах. — Я же хозяйка, две трети должно быть у меня!

Я подумал, кивнул.

— Хорошо, но только если мне будет тесно, предупреждаю, я залезу сверху.

Она ответила тихо:

— Стерплю. Вы вроде бы не слишком толстый... Может быть, и нетяжелый?

— Если не наедаться на ночь, — сообщил я.

Она подумала, кивнула.

— Ладно, наедайтесь. Хотя какое-то удовольствие получите.

— Госпожа Карелла, — сказал я, — кстати, можно я вас по имени?

— Буду счастлива.

— Карелла, — повторил я, — вы оказываете мне услугу, я это ценю. Не могу сказать, что готов тут же взять на себя бремя как-то благодарить, но... спасибо.

Она сказала милым голоском:

— Этого достаточно, глерд. Вы оказываете услуги ее величеству, а я служу ей не за высокое положение фрейлины, а потому что считаю ее великой королевой.

Я поднялся, она взглянула снизу вверх несколько испуганно, я сказал поспешно:

— Не рискую остаться прямо сейчас.

— Глерд?

— Можете звать меня по имени, — сказал я. — Это так приятно.

— Глерд... Юджин, — произнесла она с усилием, словно мое имя произносить труднее, чем остальные, — но вы придете?

— До ночи еще далеко, — объяснил я, — но обязательно приду, если вы еще не передумали.

— Никогда не передумаю, — заверила она и, уловив что-то в моем лице, добавила: — Вы же такой полезный ее величеству человек!

Я поклонился и вышел. Коридор на всем протяжении пуст и безлюден, с обеих сторон лестничные площадки,

но гвардейцы все внизу, только у королевского кабинета особая стража, но те от двери не отходят.

Спустившись в зал, все-таки уловил настороженно-завистливые взгляды гвардейцев у лестницы, принял довольный вид, дескать, настоящие орлы и за пять минут находят и сжирают добычу, даже рубашку в штаны уже заправил, хоть и криво, видите, прошел мимо, а затем через запруженный вельможами и сановниками холл сбежал по широким мраморным ступенькам во двор.

Глава 3

Наша миссия осталась как бы тайной, принцессу никто не похищал, но слишком многие посвящены в случившееся, так что при дворе все равно узнали достаточно быстро. Фицрой купается в лучах славы, даже Понсоменер нарасхват среди знатных дам, репутация Рундельштотта восстановлена, только я несколько в сторонке, хотя тоже приходится лавировать между знатными вельможами, которым срочно нужно установить связи, и знатными матронами, у которых на выданье выводок дочерей, но с этими проще.

Предостерегающий холодок в спине я чувствовал дважды или трижды, это значит, обмануть удастся не всех, кто-то да сообразил, что все-таки главная сила в нашей группе я, так что будут бить по мне.

Среди прогуливающихся во дворе и саду прошло оживление, на аллее показался невысокий и толстенький глерд, одетый без всякой роскоши, даже непривычно здесь, разве что золотая цепь на груди, но и она не украшение, а указание на его ранг.

Я не двигался, но он ухватил меня взглядом, заспешил навстречу, улыбающийся во все пухлое розовое лицо.

— Глерд Юджин!

Я поклонился.

— Глерд Мяффнер... Чем могу?

Он взял меня под руку и повел по аллее в сторону, где много низкорослой травы и нет придворных, там каблуки не очень для мягкой почвы.

— Уезжаете из-за Антриаса? — спросил он тихонько.

Я посмотрел с обидой, даже с высокомерным видом вскинул голову, чтобы заметнее была выдвинутая нижняя челюсть.

— Глерд Мяффнер, за кого мы меня имеее так грубо?.. Я не настолько уж и навредил королю Уламрии, чтобы его величество лично объявило на меня, простого и незаметного, как бы охоту.

— Гм, — сказал он, — но если он узнает, что это вы все там учинили...

— Я человек просвещенный, — напомнил я, — и донельзя гуманный, у нас полная зачистка считается нормой. Свидетелей не остается.

Он напомнил:

— Но вы оставили в живых женщин и... заключенных?

— Я им не представился, — уточнил я. — Безымянный разбойник. Даже непонятно, чье поручение выполнял, освобождая принцессу. Может быть, герцога Карлейского, который в нее влюблен!.. Или принца Роммельса, который не принц, но для народа принц. Нет, дорогой канцлер, просто у меня важные дела на берегу моря.

— Подаренный его величеством королем Астрингером замок? — переспросил он. — Это достойный дар, глерд Юджин. Только мне казалось, вы не совсем тот человек, что с головой уйдет в хозяйствование...

— Заглядывая вперед, — договорил я, — могу сказать, что зрю великие перемены... Режим Антриаса падет, это несомненно, а королевства Нижние Долины и Дронта-

рия сблизятся настолько, что... это будет нечто вроде конфедерации. И ее величество получит выход к морю... Нет-нет, я не имею в виду брак с его величеством Астрингером!

Он смотрел на меня внимательно и несколько исподлобья.

— Вы заглядываете очень далеко, глерд... Насколько ваши видения... или это грезы, обоснованы?

Я ответил негромко:

— Вы же знаете, это не видения, а ваши пожелания, глерд Мяффнер. Как и пожелания глердов Иршира, Джоэла, Брандштеттера... Ее величество подобрало хороший состав Совета, я заметил. Много в нашем мире можно добиваться переговорами, удачным торгом, сделками, пактами, а не только войной или замужеством.

Он кивнул, лицо оставалось рыхлым и мягким, но во взгляде мелькнула сталь.

— Глерд, мне нравится ваше удивительное понимание, несвойственное, уж простите, юному и не очень умному с виду человеку. Это прекрасно, но какова в этом ваша цель?

Я пробормотал:

— Надо ли знать, глерд?

— Не обязательно, — ответил он. — Но, вы же понимаете, находясь вблизи королевы и защищая трон... подзреваешь всех.

— Я уезжаю, — напомнил я.

Он мягко улыбнулся, но взгляд оставался твердым.

— Но у вас и здесь владения... и, что главное, влияние при дворе.

Я заглянул ему в глаза, Мяффнер ответил прямым и откровенным взглядом, дескать, смотри даже то, что там на самом дне моей души.

— Королева вам доверяет, — проговорил я медленно, — это я заметил. И вы умеете хранить тайны. Хорошо, но

пусть это будет только между нами, договорились?.. Я же вижу, вы храните многие ее секреты.

Он бросил по сторонам осторожные взгляды. Я ждал, он ответил шепотом:

— Все, что скажете, умрет со мной.

— Моя цель, — произнес я тихо, — острова в океане. Это не повредит ни ее величеству Орландии, ни королю Астрингеру, к которому питаю уважение и признательность. Но, как вы видите, любая война помешает мне и моим планам.

Он подумал, все еще рассматривая меня испытующе.

— Если это так... можете рассчитывать на мою поддержку. Я даже не спрашиваю, зачем вам острова.

Я наклонился к его уху.

— Просто хочу попасть обратно. Когда-то выбросило при кораблекрушении на этот берег. Выжил только я, да и то чудом прицепился к обломку мачты. Ураган был страшный, наш кораблик несло несколько недель сквозь тьму и ливень. Мы не знали, где находимся, а потом страшный удар, корабль рассыпается, а нас всех смывает волной высотой с этот дворец.

— Понятно, — пробормотал он, — понятно, почему так рветесь к морю. И даже понятно теперь, откуда у вас определенные знания и умения, неведомые здесь. Вы ведь не простолюдин там, в своих землях? Теперь понимаю лучше... Хорошо, глерд Юджин! У меня гора с плеч. Нет, не потому, что вы исчезнете, а что узнал разгадку... Спасибо за все.

— У меня странное чувство, — пожаловался я, — что не закончил здесь, в Санпринге и вообще Нижних Долинах, что-то очень важное...

— Глерд?

— Это только чувство, — сказал я. — Может быть, вспомню. Может быть, вспомните вы.

Краешек оранжевого солнца опускался долго, но наконец мир охватила полная тьма, я выждал, когда поднялась огромная красная луна, покинул башню и, настороженно прислушиваясь, перебежал двор к главному зданию.

Гвардейцы впустили молча, я поколебался насчет Кареллы, но обещал прийти на ночь, а сейчас еще вечер, поэтому прошел мимо ее двери на цыпочках, отыскал «свои покои», а там, не раздеваясь, рухнул на роскошнейшее ложе.

В этом явно умысел королевы, чтобы дать мне в пользование большую роскошную комнату на том же этаже, где комнаты всех ее фрейлин. Если спросить в лоб, то наверняка холодно ответит, что какая мне разница, а покои там для гостей самые лучшие, и если что, то я сумею защитить ее фрейлин.

И прекрасно понимает, что самому защищаться от фрейлин здесь будет труднее.

Лежать, похоже, в этом мире я разучился. Поворочавшись, взял последнюю из стрел, которые покупал для Понсоменера, и, ощупав всю и чуть ли не исцеловав, принялся воображать, что группирую хаотично прыгающие атомы в нечто упорядоченное, имеющее цельную структуру, как вот здесь, в этой стреле.

Через несколько минут тягостных усилий на ладони возникло нечто холодное и тяжелое. Я торопливо открыл глаза. Сердце екнуло, блин, я же сосредоточился как-то не совсем так... не совсем правильно.

Стрела, как понимаю, из перестроенного углерода, он же обыкновенная сажа, что при замене одного-единственного атома превращается в алмаз. Я же сосредоточился на прочных и долговечных стрелах, вот и получилась... прочная. Насколько долговечная, гм, определим, оставив ее на столе и прикрыв тряпочкой, а вот прочность нужна иная. Зачем такая прочность, когда хрупкость выше нормы?

Такое улучшать не могу, образования недостает, единственное выполнимое требование — это создать точно такую, какие распечатал вместе с луком, желательно живущую предельный для моего умения срок.

Если получится, смогу наделать Понсоменеру заранее, но даже если не истратит все, не страшно, моя впитывающая темную энергию одежда постоянно наполняет меня магической мощью, так что могу творить без всяких усилий и не чувствовать усталости, как было раньше.

Хотя, если честно, мне кажется, я поглощаю своими фибрами энергии больше, чем собирает одежда, но проверю в другой раз. Все, на сегодня хватит.

Я выскользнул в коридор, отыскал дверь комнаты Кареллы и вежливо постучал. С той стороны прозвенел счастливый женский голосок:

— Заходите... Юджин!

Я переступил порог, держа в руках пару стрел и кусочек гранита, его тоже создал для проверки, поклонился.

— Карелла... Я что, сопел, хрюкал за дверью или шумно чесался?

Она пошла навстречу, я торопливо положил на столик возле двери обе стрелы и камешек, остановился, вдруг да бросится в объятия, что еще хуже, вlepит поцелуй, как же они все любят это непонятное для мужчин дело.

Карелла остановилась и с улыбкой протянула мне руки.

— Совсем не шумно, — заверила она, — я же вас жду, разве забыли? Прислушиваюсь к каждому шороху за дверью.

— Только о встрече и думал, — заверил я.

Она с напряженной улыбкой наблюдала, как я бережно взял ее ладонь и коснулся губами тыльной стороны, странный и пугающий ритуал, но я не грызнул и даже не укусил, и она с облегчением поинтересовалась:

— Тогда почему так поздно?

— Робел, — признался я. — Я такой, знаете ли, робкий, застенчивый и доверчивый, что просто до наивности. Вы к наивным как относитесь?

— Вы не наивный, — ответила она серьезно.

— Правда? А какой?

Она чуть улыбнулась.

— Не наивный, этого пока достаточно. Юджин, я велела накрыть стол, вдруг вы голодны...

— Что значит «вдруг»? — спросил я оскорбленно. — Мужчина всегда голоден!

Она вернулась к столу, там под белоснежным покрывалом топорщится нечто, закрывающее всю столешницу, красивым жестом сдернула накидку.

Я охнул и жадно сглотнул слюну. Мощно пахнуло свежеподжаренным нежнейшим мясом. На широком блюде толстая, как кабан, коричневая тушка откормленного гуся с задранными культяпками лапок и распоротым брюхом, откуда выглядывают коричневые комочки мелких птичек, на блюдах ломти прожаренной оленины, телятины, впрятины, отдельно собраны блестящие от жира бараньи ребрышки, лопну, но все обглодаю, а еще и филе из красной рыбы разных пород.

— Впечатляет, — выдохнул я.

Она счастливо прощебетала:

— Нравится? Это я еще не сказала, что у меня в гостях будете вы, глерд! Иначе бы повара расстарались!

— Я что, и у них популярен? Кстати, меня зовут Юджин.

— Юджин, — повторила она с сияющей улыбкой, — прошу прощения. Вы у всех здесь популярны даже не знаю насколько. Мы все зависим от королевы, а вы ее защитник.

Я взглядом указал на стол.

— Приступим? Это ничего, что я в ваших апартаментах вас же и зову к столу?

— Вы мужчина, — напомнила она. — Мужчины везде хозяева.

— Как мне это нравится, — пробормотал я и, указав ей на ее кресло, сам сел ближе к центру, — как мне нравится ваше отношение к проблеме полов и вашему победоносному неравноправию.

Она напомнила:

— Юджин... хозяин садится обычно во главе стола.

Я отмахнулся.

— То простой хозяин, а настоящий садится там, где ему изволится. И ничего не теряет во мнении окружающих, если он в самом деле чего-то стоит. Мне отсюда стоит только руку протянуть!

— А туда я могла бы вам подавать, — мило сказала она, — но вы правы, настоящий хозяин сам знает, что делать за столом, с лошадьми и женщинами.

За женщинами никогда не умел ухаживать, да на хрен учиться, пусть теперь они за нами, а здесь как в воду глядел: Карелла с мягкой материнской улыбкой перекладывает мне на тарелку новые вкусности, по мере того как я очищаю там со скоростью лесного пожара в жаркий сухой день.

Уже когда я распустил пояс и ощутил, что дышать как-то трудновато, а дышать надо, впереди еще пироги и всякие сладости, поинтересовался:

— Карелла... ик!.. а что вы не лопаете?.. Вроде бы... вкусно...

Она жалко улыбнулась, я спросил участливо:

— Что, слишком сладкое?

Она произнесла с вялой улыбкой:

— Не обращайтесь внимания, глерд. У меня от кислого, жирного и сладкого начинаются рези в животе. А потом сильно болит голова. Голова вообще-то и так часто болит, но это у многих женщин.

— Сочувствую, — ответил я автоматически. — А у меня еще хуже, ночами спать хочу!.. Столько времени пропадает зря.

Она покачала головой.

— Глерд... простите, Юджин, но это же так сладко и приятно, когда спишь... да еще если хорошие сны. Хотя да, я вас понимаю, вы мужчина, вам бы действовать, а не грезить о счастье.

Она налила в чаши вина, я смотрел на ее нежное бледное лицо — совсем не бывает под солнцем, аристократки должны прятаться от его жарких лучей.

Кончики моих пальцев словно сами по себе нащупали пряжку пояса. Легкий шелчок — встроенная коробочка выкатилась на ладонь нечто теплое, разогретое моим пузом.

Карелла смотрела с изумлением, таких поясов не видела, хоть и в королевском дворце, где все-все, а я протянул ей капсулу сине-красного цвета.

Она с недоверием приняла это странное изделие, в ее нежных тонких пальчиках капсулка показалась мне огромной и даже грубовато сделанной.

— Это... что?

— Проглотить и запить, — велел я. — Лучше водой, я не очень доверяю здешним винам.

— Это... лекарство?

— Внутри истолченный порошок, — объяснил я. — Хотя если истолченный, то уже порошок? В общем, это остановит вашу головную боль. Оболочка растворится, она из сушеных кишок добытого на охоте благородного оленя. Очень благородного. С родословной. Думаю, есть даже королевские олени, раз уж есть пингвины и гуппи...

Она проговорила слабо:

— Ой, спасибо... Я верю вам, Юджин.

Я проследил, как глотнула и запила водой. По нежному горлу прокатился комок, я почти увидел, как эта капсула

двигается по пищеводу, а там ее с недоверием принимает и начинает придирчиво рассматривать желудок.

— Вот и хорошо, — сказал я с облегчением. — Спасибо, что без женских штучек.

Она сказала тихо:

— Я верю вам, глерд. И слушаюсь. Все, что скажете, правильно... Голова перестает болеть на весь день? Или только на этот вечер?

— Гм, — сказал я с неловкостью. — Вообще-то совсем перестанет. Это снадобье не от головной боли. Оно усиливает вашу защитную систему обороны, начиная от часовых на входе. А гарнизон у вас теперь вообще просто звери... Все хвори подавят и выбросят за стены вашей крепости, а новых не пропустят.

Она тихо улыбнулась.

— Глерд, вы говорите так образно... Стихов не пишете?

— Обижаете, — ответил я с достоинством урожденного глерда. — И факелами не жонглирую. А то если попробую, полкоролевства спалю!

— Позвольте, — сказала она и налила мне вина, — это лучшее в Нижних Долинах...

— Верю, — сказал я, — вы же лучшая! И вино должно быть самое-самое... Что вы так смотрите? Ах да, пора в койку?

Ее щеки зарделись нежнейшим румянцем.

— Юджин... Я стесняюсь.

— Будем стесняться вместе, — сказал я решительно. — Нет-нет, это платье сбросить нужно обязательно, а это вот сооружение надевать не стоит вовсе!

Она сказала жалобно:

— Но это ночное платье... Спать положено в нем.

— Здесь что, — поинтересовался я, — ночами мороз?.. Тогда одеялом укроемся. А этот ворох платьев... нет-нет, его лучше с моей стороны, люблю вытираться мягким.

Глава 4

В постели она, как и все женщины королевства, умеет только лежать, раздвинув ноги, но потом ожила, чирикает и щебечет, старается понравиться, обеспокоенная, было ли мне хорошо.

Я в расслабленном состоянии слушал ее торопливые рассказы о дворцовой жизни, придворных, их интригах, состоянии дел королевства, как его понимает знать, о борьбе за место возле королевского трона, что является основной целью жизни высокопоставленных глердов.

Женщине положено мужчин развлекать, она старательно рассказывала, что в королевстве борьба идет между могущественными родами Райансов и Мишеллистов. Те и другие проталкивают своих людей на высшие должности при дворе, а королева старается соблюдать равновесие. Есть и другие силы, но Райансы и Мишеллисты самые могучие, с ними считаются в первую очередь...

Я ловил на себе ее обеспокоенный взгляд, вдруг уже давно сплю, на всякий случай пробормотал:

— Есть варианты лучше...

— Глерд?

— Не заниматься, — буркнул я, — соблюдением баланса, не королевское это дело, а принимать на службу... скучно такое говорить, но в самом деле талантливых и работоспособных... Неужто таких нет?.. Кстати, у тебя красивые сиськи.

Она спросила смущенно:

— Правда?

— Точно, — подтвердил я, — торчат, как у козы. Здорово. Интересная форма... Рахитом не болела? Химер в родне не замечено?.. Тогда просто редкостное сочетание генов... Одобряю. И пузо просто чудо, нетолстое, но все равно нежное и мягкое. Люблю такие щупать. Значит, ничего

конкретного не слышала? Только считают меня угрозой и не прочь как-то прижать так, чтобы копыта отбросил?

Она закусила губу, вижу, как борется сама с собой, наконец прошептала, зябко вздрагивая голыми плечиками.

— Я не уверена, — шепнула она совсем тихо, — но однажды прозвучало имя герцога Лонгшира... Мне показалось, он вовлечен, но в какой степени... не знаю.

Я погладил ее по голове, шелковые длинные волосы ниспадают на плечи и грудь, красиво смотрится, а голенькая она совсем не такая уверенная, как при всех регалиях, и жутко стесняется, то и дело тащит на себя одеяло.

— Не знаю такого... Хотя неважно, королевство большое, не все герцоги толкутся при дворе.

Она кивнула.

— Да, у некоторых дворцы не уступают королевскому.

— Ладно, — сказал я, — спи.

Она застенчиво улыбнулась.

— Я еще никогда не спала с мужчинами. Вот так, в одной постели. Говорят, так только у самых бедных крестьян... А вы, Юджин, полководец...

— Что-что? — перепросил я.

— Не придворный, — пояснила она. — Вы утолили мужской голод и... все. Ничего сверх. Из того, что требуется пресыщенным глердам двора. Кем бы вы ни прикидывались, но в постели каждый мужчина себя выдает, кто он есть и чего стоит. Вам не нужно никаких утех...

— Гм...

— Вы ворвались в меня, — пояснила она, — как захвативший крепость полководец. Крепость ваша, а все ее украшения вам неинтересны.

— Любопытное сравнение, — пробормотал я.

Она посмотрела на меня серьезными глазами.

— Глерд, не буду от вас скрывать... красивой, но бедной девушке, это я о себе, приходится уживаться при дворе, уступая домогательствам и желаниям высшей знати. Для

того нас и набирают, чтобы распаленные страстью вельможи не уходили по ночам в притоны на окраину города, где их могут ограбить и даже зарезать... Потому я уже научилась разбираться в мужчинах. От вас будет многое зависеть в этом мире, глерд!

— Спасибо за пророчество, — сказал я, — хотя я в них не верю.

— Я тоже, — сообщила она. — Это не пророчество, а понимание мужской сути. Всегда вы таким были или недавно взматерели, неважно. Сейчас вы настоящий, каким должен быть мужчина. И мне хорошо и защищенно в кольце ваших рук... Кстати, голова уже не болит, а чувствую я себя так хорошо, как никогда в жизни.

Я развернул ее к себе задницей, подгрреб ближе, вжимая в себя ее мягкое нежное тельце. Так и заснули, как сложенные в кухонном ящике столовые ложки.

Наверное, чтобы лучше понять женщину, проще всего провести с нею ночь под одним одеялом. Утром я проснулся первым и некоторое время смотрел на это теплое и незащищенное существо, что, как бы мы ни поворачивались во сне, все равно подгрребалось ближе и почти заползло на меня, инстинктивно ища защиты у более сильного и свирепого существа.

Она сняла не только одежду, но и роль, которую играет при дворе, поняла женским инстинктом, что с настоящими мужчинами, а меня считает именно таким, это бесполезно и даже вредно. И вот теперь у меня вместо настороженности только жалость и желание чем-то помочь, но, увы, в такой помощи нуждается все население этого королевства и всех остальных.

Осторожно начал выползать из-под ее теплого нежного тела, сперва переложил кудрявую головку с эротично распущенными волосами с моего плеча на предплечье, аккуратно сдвинул согнутую ногу с моего пуза.

Карелла жалобно прошептала что-то, не просыпаясь, а я наконец поднялся, тихонько оделся и бросился к маленькому столику, где вчера оставил стрелы.

Никаких стрел, никакого следа. Значит, все-таки несколько часов они держатся. Сколько точно, выясним в другой раз. А вот примитивный камешек все еще лежит.

Осторожно приоткрыл дверь, придержал, чтобы не стукнула, и вышмыгнул в коридор.

Двое гвардейцев внизу у лестницы коротко переглянулись, но смолчали, их работа реагировать на вторжение, а я сказал наставительно:

— Завидовать нехорошо!

И гордо прошел мимо.

Понсоменер зашагал рядом так неожиданно, что я вздрогнул, вот бы так научиться, я бы даже не знаю, ну, сперва, конечно, подкрадывался и гавкал над ухом... хотя нет, пора кончать с этой дурью, я же теперь знатный глерд и вообще обладаю силой, так что надо вести себя иначе, но как... еще не понял. Точнее, не определился.

— Коней седлать? — спросил он.

— Разве уже не утро? — спросил я бодро. — Фицроя искать нужно?

— Нет, — ответил он. — Я знаю, где он.

— Тогда и седлай, — сказал я, — и Фицроя приведи, а еще маковые зерна в мешке пересчитай.

— В каком мешке? — спросил он.

Я посмотрел на его серьезное лицо.

— Ух ты, в самом деле можешь. Ладно, мешок ввиду особых обстоятельств пока отменяем. Седлай коней. Три нам и три в запас.

Он кивнул и удалился, вроде бы уходил медленно, но как-то слишком быстро исчез, что-то у меня с восприятием пространства-времени...

Издали донесся веселый голос:

— Все равно я поднялся раньше всех! Пришел, здесь никого и... отлучился ненадолго. Понс с лошадьми?

Я обернулся, Фицрой идет от группы щегольски разодетой молодежи бодрый, веселый, чуточку хмельной и самый яркий, как павлин в знойном солнечном свете среди простых петухов и кур.

— С лошадьми, — ответил я, — слушай, ты такой нарядный... Может быть, оставить тебя на потеху местным глередам? Жалко такого тащить через лес, где тролли, вопри и вот такие лягушки, а то и вовсе жабы, даже жабищи.

Он изумился:

— Тебе что, меня жалко?

— Одежду, — пояснил я. — Ты же у нас экспонат.

Он беспечно отмахнулся.

— Как только выедем за город, переоденусь. У меня в мешке всегда есть дорожная. А та, что ты у Рундельштотта спер, всегда на мне!

— Хитер, — согласился я. — Ладно... а вон и Понс!

Понсоменер вывел трех коней, за ними еще трое с мешками, у двух за седлом, а у одного свисают по обе стороны.

Фицрой лихо вскочил в седло, я вставил кончик сапога в стремя, начал разбирать повод, как за спиной раздался хриплый вопль:

— Что... а хде мой конь?

Стражники у башни Рундельштотта весело смотрят вслед старому мастеру, а он, пошатываясь, двигается зигзагом к нам, всклокоченный и с опухшим то ли от пьянства, то ли от недосыпа лицом.

Фицрой гыгыкнул, пьяных все любят, а я спросил настороженно:

— О чем вы, профессор... э-э... мастер?.. Мы уже вернулись, все в порядке! Отдыхайте. Это не Уламрия, правда-правда!.. Видите вон дворец? Правильно, это королевский... А в нем ее величество королева Орландия.

— У вас такое вино, мастер, — сказал Фицрой с завистью и облизнулся, — что можно всю жизнь провести на ложе с чашей в руке. Даже без баб, хоть и недолго. А с бабами долго.

Рундельштотт огрызнулся:

— Я еще не выжил из ума!.. Не надо мне вот такое!.. Здесь, по мнению ее величества, я потерпел крах и едва не погубил все королевские драгоценности, хотя чувствую, что кое-что удалось... но на новом месте могу если не совершить нечто, то хотя бы увидеть это новое!.. Так что еду с вами.

Я сказал мягко:

— Мастер... После того как удалось вернуть принцессу, королева сама вас будет целовать в задницу и сделает для вас все, что пожелаете. Может быть, не стоит?

Он покачал головой.

— Она не сделает того, что мне нужно. А замка и слуг мне как-то не требуется. Это мальчишек нетрудно купить такой ерундой.

Фицрой заулыбался шире, даже Понсоменер посветлел лицом, а я сказал:

— Мастер, без вас мы провалили бы дело, вы несколько раз спасали наши шкуры. Так что вы имеете право...

— На отдых, — вставил Фицрой.

— И даже с нами, — закончил я, — только не жалуйтесь, будет трудно.

Понсоменер молча подвел Рундельштотту его прежнего коня, уже оседланного и с вещевым мешком позади седла.

Рундельштотт посмотрел на него пристально, но смолчал, а Понсоменер выждал, когда чародей вставит носок сапога в стремя, и помог подняться на конскую спину.

— Минутку, — сказал я, спохватившись, — я мигом... Одна нога здесь, другая там.

Они провожали меня недоумевающими взглядами, а я вбежал в башню, поднялся на самый верх, прыгая через

две ступеньки, а там, влетев в лабораторию с Зеркалом Древних, открыл стрельбу с двух рук сперва в зеркало, но там ничего не произошло, пули уходят как в туман, а когда сообразил, что стараюсь зря, шагнул ближе и начал методично всаживать разрывные пули в стену по кромке Зеркала.

Гранитные блоки уступают нехотя, пули высекают глубокую борозду, а если бы строили из простого кирпича, просаживало бы насквозь.

Я перевел дыхание, зашел с другой стороны, но когда и так прорубил канаву, зеркало против ожиданий осталось таким же прилипшим к стене. Сцепив зубы, прострелил канавку и снизу, попробовал отодрать. Сверху крикнуло, тяжелая рама поползла по стене вниз, тяжело ударилась краем о пол.

— Минуточку, — сказал я хрипло и пощупал поверхность, попробовал надавить, но теперь это всего лишь твердая пластина из неведомого металла, если кому придет в голову, что через нее можно проходить, тот наверняка сумасшедший.

Фицрой и Рундельштотт с интересом оглянулись на грохот моих сапог, когда я выскочил из башни. Понсоме-нера с ними нет, а Фицрой крикнул:

— Помочь?

— С королевой не попрощался, — крикнул я и ринулся в сторону главного корпуса. Придворные по дороге почтительно кланяются, я пронесся через холл, взбежал наверх, а там гвардейцы забеспокоились, когда я с решительным видом устремился к двери королевского кабинета.

Один из дежурящих в коридоре слуг торопливо выступил навстречу и спросил в нерешительности:

— Вам... назначено?

— Мне всегда назначено, — отрубил я.

— Но... где сопровождающий?

— Мне без надобности, — ответил я и, отпихнув, распахнул дверь. В кабинете королевы три ее фрейлины,

Джеффрина, Аннароза и Карелла, устроились на крохотных скамеечках у трона, у королевы у руках длинный свиток.

На меня оглянулись в испуге, я сказал быстро от порога:

— Кони уже оседланы, ваше величество, мои спутники меня ждут! Но я забежал на минутку, чтобы, рискуя навлечь на себя ваш гнев, напомнить об одном незаконченном деле.

Фрейлины притихли, рассматривая меня с испугом и любопытством.

Королева произнесла холодно:

— Глерд?

Я указал взглядом на фрейлин, она сделала небрежное движение пальцами, и все три, послушно поднявшись, упорхнули мимо в коридор, обдав меня мощным запахом духов, а Карелла постаралась задеть и одарить нежным напоминающим взглядом.

Едва за ними захлопнулась дверь, я сказал негромко:

— Зеркало Древних.

Королева вздрогнула, зрачки сузились, явно тоже иногда о нем вспоминает с тревогой.

— Что с ним?

— Пока ничего, — пояснил я осторожно, — однако побаиваюсь, что в принципе умному человеку можно найти другой способ, чем отыскал Рундельштотт. Более дешевый и простой. А это очень даже не в ваших интересах, как я понимаю.

Он спросила быстро:

— И что предлагаете?

— Либо уничтожить, — ответил я, — либо поставить в ваших личных покоях. Где никто, кроме вас, не сможет его даже увидеть. Я его уже подготовил к транспортировке.

Она не сводила с меня испытующего взгляда.

— Странно, что предлагаете такое именно вы.

— Ваше величество, — ответил я смиренно, — мне так понравилось здесь, теперь меня палкой не выгнать обратно.

Ее губы слегка дернулись, то ли удержала язвительную усмешку недоверия, то ли признак раздражения на слишком заметную брехню.

— Зеркало уберем, — ответила она сухо. — Хотя по сравнению с угрозой вторжения войск Антриаса...

— Мониторите? — спросил я. — В смысле, следите за продвижением его войск?

Она наклонила голову.

— Конечно. Докладывают ежедневно. Мне показалось, он очень рассчитывал использовать Андрианну. Сейчас даже не знаю, ускорит нападение или замедлит, придумывая что-то еще.

— Оба варианта хороши, — сказал я почтительно. — Но войска короля Астрингера, как я вам уже сообщил, занимают позиции на границе. Везде строятся засеки и защитные полосы, так что Антриаса встретят достойно.

— Если ничего нового не придумает, — сказала она усталым голосом. — Но все равно мы не сдадимся.

Я отступил на шаг, поклонился.

— Позвольте откланяться, ваше величество. Я рад, что во главе вашего вполне демократического правления стоит самодержец, который железной рукой ведет королевство к победе и всеобщему счастью.

Она кивнула с самым кислым видом, я отступил еще, повернулся и вышел в коридор.

Глава 5

Все три фрейлины скучились в дальнем конце коридора, шепчутся. Я махнул им рукой и указал на дверь королевского кабинета широким жестом, дескать, можете вернуться, а сам прибавил шаг, чтобы не догнали.

Гвардейцы и слуги сделали вид, что вообще меня не видят, а я сбежал вниз, на первом этаже придворные прохаживаются парами и группками, степенно беседуют, раскланиваются. Я быстро направился к выходу, как вдруг ощутил острый холодок между лопатками.

Нечто подобное чувствовал во дворце часто, слишком многим встал поперек горла, но привык отсеивать, мало ли что не нравлюсь кому-то, даже остро не нравлюсь, мне тоже многое и многие не нравятся, ну и что, не повод бросаться с топором, но сейчас кольнуло настолько остро, словно кто-то в самом деле подкрадывается с обнаженным кинжалом.

Ко мне действительно быстро идет молодой глерд в богатой, но сшитой без вычурности одежде придворного. Я обернулся, он тут же изменил направление и прошел мимо, а я уловил злость и разочарование, типа какая жалость, но ничего, в другой раз.

Не оставляя его взглядом, я выждал чуть и двинулся следом. Он умело двигался по узким коридорам, успевал свернуть, слышав шаги стражей, затаивался в нишах, пропуская мимо себя беседующих придворных.

Чем-то я себя выдал, он резко обернулся, глаза в испуге расширились, а рука метнулась под полу камзола.

— Стоять! — рыкнул я.

Он выхватил кинжал, я едва-едва успел уклониться, второй замах перехватил на полпути, вывернул руку и, с хрустом сломав запястье, отобрал кинжал.

— Замри, — велел я, — иначе умрешь страшной смертью.

Он, кривясь от боли, проговорил с трудом:

— Чего вдруг...

— Чего не убью? — договорил я. — А зачем убивать простых исполнителей? Ты и мои приказы будешь выполнять за хорошую плату, а вот твой хозяин как был мне врагом, так им и останется. Кто послал?

Он прошептал:

— Ты меня убьешь...

— Лев мышей не давит, — ответил я с презрением великого глерда. — Кто тебя послал? И что велел?.. Хозяину твоему в любом случае придет конец, так или иначе я его вычислю, а вот жить или умереть тебе — в твоих руках.

Он сказал слабо:

— Это герцог Лонгшир...

— Зачем ему я?

— Не знаю, — ответил он стонуше. — Слышал только, что мешаёте его планам и... планам других людей.

— Каких?

— Не знаю, — проговорил он. — Но герцог говорил о них с огромным почтением...

— Понятно, — сказал я. — Хорошо, я тебя отпускаю.

Он с облегчением перевел дыхание, но в моей ладони уже пистолет, выстрел грянул негромко, а дыра во лбу тут же закупорилась изнутри сгустком крови.

По отношению к нему, мелькнула мысль, я в некоторой мере неблагороден, кто-то из недругов со злорадством будет кричать о недостойном поступке, но я же политик, а политик старается блюсти права общества. Права отдельных людей тоже хорошо бы, но это как получится.

Из двух зол надо выбирать меньшее, из двух добров — большее. Вот я и выбрал с позиции чистого разума, как и велел Гегель, чисто по-человечески логично и правильно.

Когда вышел из дворца, там народу уже прибавилось, кроме щеголеватых гвардейцев появились и первые придворные из немолодых, а Фицрой вскричал бодрым голосом:

— Ну ты и улитка!.. Хотя да, королева, а мы тогда кто?

— Чуть задержимся, — объявил я. — Нет-нет, откладывать на завтра не будем, нужно только сперва кое-что выяснить... Да не мы, это пусть выясняет Картер. А вы пока проверьте, ничего ли не забыли. А то потом начинается!

Рундельштотт спросил серьезно:

— Что-то случилось? Чую кровь...

— Вот уж нет, — возразил я. — Крови почти не было. У меня к ней что-то все больше некоторого неодобрения.

Фицрой подпрыгнул в седле.

— Без крови?.. Ну ты и чудовище!

Понсоменер проговорил негромко:

— Начальник королевской охраны. Идет к нам. Очень зол.

— Все спокойно, — велел я.

В нашу сторону широкими шагами через заполняющийся придворными двор перед главным зданием двигается Картер, как могучий бык, раздвигая стадо коз.

Взгляд его цепких глаз сразу требовательно уперся в меня. Я подумал и решил не слезать с коня, а то вдруг поймет как-то не так, хотя вообще-то меня все понимают не так.

— Глерд, — сказал Картер строго, — вы были в главном здании?

— Был, — согласился я.

— Что там случилось, вы знаете точно?

Я любезно улыбнулся.

— Вообще ничего не знаю. А что случилось?

Он вздохнул, покачал головой.

— Ну конечно, вы всегда в стороне. В одной из проходных комнат нашли тело убитого.

— О, — сказал я заинтересованно, — несчастная любовь? Ревность?.. Кто убит, любовник или муж?.. Хотя мне вообще-то никого не жалко.

Он посмотрел на меня с укором.

— По одежде глерд среднего достатка, но никто не мог его признать. Сейчас ведется дознание, как незнакомец прошел в самое охраняемое здание. Пусть и не на самый верх, но все же...

Я спросил с сомнением:

— Так что тот, кто его убил, естественно, из ревности, сделал вам услугу?

Он кривился.

— В какой-то мере. Но я предпочел бы взять его живым. Зачем вы его убили?

Я охнул.

— Глерд, я думал, мы друзья, а вы на меня такое!.. Как можно без всяких на то оснований?

— Рана больно странная, — буркнул он без приязни в голосе. — Ладно, если собрались ехать, к вам претензий нет, можете убраться. Без вас спокойнее.

Я улыбнулся ему чарующе.

— Я вас тоже люблю, глерд. Искренне, но по-братски. Ребята... в путь! Можно пока без песни, чтобы народ не пугать.

— Народ пугать надо, — заявил Фицрой, — но петь все равно не буду.

Понсоменер тронул коня и привычно поехал впереди. Рундельштотт взглянул на меня в нерешительности, но я придерживал коня, и он пустился догонять Понсоменера.

Фицрой мигом поравнялся со мной, пахло запахами по крайней мере трех сортов вин, когда он только успел, но глаза блестят живо, тут же спросил шепотом:

— Кто тот убитый, не узнал?

— А я при чем? — буркнул я. — Это дело королевской охраны. Мы скоро вернемся к своему флоту.

Он всмотрелся в меня хитрыми глазами.

— Точно ни при чем?.. И не связано с возвращением принцессы?

Я подумал, пожал плечами.

— Вот это не знаю. Возможно, пятой колонне пришлось перейти к запасному плану. Какому? Не знаю. Но если Антриас не дурак, а он точно не дурак, то наверняка подстраховал каждый шаг. Или хотя бы важные шаги.

— Думай, — сказал он, — чтоб не застало нас врасплох.

— Нас? — спросил я. — Фицрой, ты вообще-то кто?

Он нагло рассмеялся.

— Еще не понял? Вот и хорошо, а я не скажу. Ты собираешься проследить ниточку или же сразу, как всегда, к главному?

— А что я ему скажу? — поинтересовался я. — Этому главному?

Он изумился:

— Скажешь? Что-то новое. Я думал, сразу в лоб!.. Стареешь, умничать начинаешь.

Гвардейцы у ворот королевского сада распахнули обе створки, а офицер отдал честь. Я помахал рукою, а Фицрою буркнул:

— Начинаю. Что-то меня метаморфозит. Чем становлюсь сильнее, в смысле — старше, тем больше трушу. Все думаю, а вдруг не так, а вдруг неправомерное применение силы.

— Чего-чего? — переспросил он в диком недоумении. — Это чего такое?.. Как может быть сила неправомерной в наших благородных руках? Другое дело, если у противника, а то и вовсе у врага... Мы же всегда правы, не знал?

— Если бы не знал, — согласился я, — то не спал бы так крепко. Пока что совесть не мучает. Так, иногда попискивает...

— Придуши, — посоветовал он. — Ишь, распискивалась!.. Нечего попискивать в серьезных делах.

— В серьезных, — согласился я, — не до совести.

— Я же вижу, — сказал он, — ты нацеливаешься на что-то серьезное, тут не до попискивания.

Я взглянул исподлобья.

— Что, заметно?

Он ухмыльнулся.

— Еще бы. Можно подумать, ты потерял дар Улучшателя, но мне со стороны виднее. Ты ничего не теряешь, а

только гребешь к себе, как всякий зверь. За это время у тебя аппетиты выросли, уже не до прялок...

— Только бы другие не заметили, — пробормотал я. — Прибьют!.. Надо осторожненько. У нас же ничего нет, кроме силы.

Он вытаращил глаза.

— Так чего тебе еще?

— Не прикидывайся, — посоветовал я. — Ты не настолько прост, как рисуешь себя для нас, таких наивных и доверчивых, что даже бить их рука не поднимается.

Понсоменер и Рундельштотт впереди проехали под аркой городских ворот, дальше распахивается такой чистый и ясный простор, словно там вообще не ступала нога человека.

Здесь не гвардейцы, стражники попроще, но и они, похоже, слышали о моей грозной славе, выпрямились и проводили меня блистающими глазами.

Ехали, время от времени переходя на рысь, в прежнем порядке: Понсоменер впереди, я следом, дальше Рундельштотт, а за ним, то догоняя, то отставая, Фицрой, но быстро устал нести караульную службу, я услышал настигающий стук копыт, рядом оказался такой же разукрашенный конь, как и сам Фицрой, кто-то из них спросил:

— Не люблю тащиться по уже знакомой дороге.

— Что делать...

— Что делать, — сказал он сварливо, — где-то да существуют монги?.. Я бы рискнул! Лежал бы и пил вино, а через сутки — ура, внизу Дронтария!

Рундельштотт услышал, придержал коня.

— Монги часто горят, — сказал он сердито. — Там городской магией и не пахнет! Какой-то Улучшатель придумал в древние времена, но так с тех не появился Второй, чтобы довел до ума. Третий тех, кто пытается улететь, гибнет.

Я вздохнул.

— Нас это не устраивает. Но, обещаю, займемся этим. И будем передвигаться быстрее, чем те неуклюжие чудовища.

Они посмотрели на меня с таким уважительным ужасом, что я поспешно пустил коня к Понсоменеру, тот ничему не изумляется, даже не удивляется, надо будет как-нибудь поговорить с ним о межпланетных путешествиях и яблонях на Марсе.

Город скрылся за очередным поворотом дороги, теперь лес спереди, сзади и по бокам, мир юн, чист и невозделан.

Фицрой повертел головой по сторонам, оглянулся на Понсоменера.

— Тоже чувствуешь?

— Еще далеко, — ответил Понсоменер. — И не готовы. Я потребовал сердито:

— Вы, умники, о чем разговариваете?

— О вовколаках, — сообщил Фицрой небрежно. — Пока их двое или трое. А чтобы напасть, им нужна стая.

Я вздохнул с облегчением.

— Значит, не нападут?

— Нападут, — заверил Фицрой. — Когда соберут стаю.

— А когда...

— Да уже почти собрали, — заверил он успокаивающе. — Или еще чуть...

Понсоменер покачал головой.

— Собрали. Сейчас нюхают наши следы и прикидывают, бежать следом или обогнать и напасть спереди и с боков.

— И что решили?

Он не понял юмора, ответил очень серьезно:

— Побегут следом, а также обгонят, а еще нападут и с боков.

— Скажи проще, — посоветовал Фицрой, — окружат. И сожрут.

— Вот уж чего не люблю, — сказал я, — так это воевать с животными. Я из королевства, где животные всегда правы, а люди всегда виноваты. Перед животными и женщинами виноваты как-то совсем уж изначально.

Рундельштотт пробормотал:

— Наверное, потому, что сильнее и умнее?

— Именно, — сказал я недовольно. — Какое же равноправие, когда от нас требуют больше?

— Равноправие? — переспросил Рундельштотт с интересом. — А что это?

Я запнулся, с трудом выявил:

— Очень хорошая штука в теории, но ужасная по ударной мощи воздействия. Способна стереть с лица земли целые королевства, а их земли отдать тем, кто не купился на демократию. Отогнать этих тварей как-то можно?

— Женщин? — спросил Фицрой. — Я им лучше сдамся!

— Не видел ты настоящих раскрепощенных женщин, — буркнул я. — А отпугнуть их чем-то не? Репеллентом или пугалкой? Запахом хищника, которого боятся?

Фицрой хохотнул.

— Этого хищника надо добыть, содрать шкуру, чтобы еще свежей была и сохраняла запах... Но мне кажется, любовью вовколак сдерет с тебя шкуру раньше. Если, конечно, ты выйдешь с ним на честный бой.

— В жопу твою честность, — огрызнулся я. — Щас я буду на кулаках драться с медведями!.. Я демократ, знаешь ли, в теории. Ты демократа скреб? Ну то-то. Пока я хожу по этой земле, я пользуюсь ее правилами.

— Ага, — сказал он с удовлетворением, — значит, стальную стрелу в лоб?

— Придется, — ответил я со вздохом. — Не люблю... Не такой уж я и миротворец, но когда убиваешь противника, тем самым признаешь себя дураком, не сумевшим переубедить... А я позиционирую себя как интеллектуала! Это

значит настолько умного, что и шнурки себе на башмаках уже сам не завяжу, надо по слуге на каждый.

Я умолк, глядя на Понсоменера, он остановился и ждал на развилке дорог. Фицрой сказал в нетерпении:

— Чего встал? Даже я помню, мы приехали вон по той!.. Видишь, дуб с растопыренными? Я еще сказал, что на тебя похож. Чем-то.

Понсоменер молча взглянул на меня, а я сказал торопливо:

— Диспозиция меняется. Едем не прямо в Дронтарию, а по дороге сперва заскочим в гости к одному типу... Правда, дело касается только меня, так что можете двигаться дальше по прямой, я вас догоню.

Рундельштотт спросил удивленно:

— Что с тобой? Зачем тебе какой-то тип?

— Только спросить, — ответил я, — зачем ко мне подсылал убийц прямо во дворец. И будут ли еще. Все-таки герцог Лонгшир не последний человек в королевстве, у него есть связи и возможности.

Рундельштотт охнул.

— Ничего себе... Это из-за принцессы?

— Частично, — ответил я и уточнил сразу: — Думаю, агентура Антриаса не спит, отрабатывает деньги госдепа. Должен же у них быть какой-то запасной план? А я так, мелкий камешек на дороге.

— Который все же нужно убрать, — сказал Фицрой с подъемом. — Везет тебе, Юджин!.. Иногда и мне хочется тебя прибить, но это не чаще, чем пару раз в день, а эти так и вовсе... Но если убийцу присылал герцог, то наверняка не из лесной избушки... Как думаешь брать его замок? Штурмом или некой осадой, что еще быстрее штурма?

Я помотал головой.

— Никаких драк. Пора переходить к дипломатии.

Фицрой поморщился, заявил решительно:

— Не хочу быть умным! Это так скучно и неприбыльно.

— Успокойся, — утешил Рундельштотт. — Глерд Юджин шутит. Ты посмотри на него! Он что, выглядит умным?

Фицрой внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Нет, — ответил он честно.

— Ну вот, — сказал Рундельштотт, — все будет по-прежнему. Слово за слово, это чтоб начать по-умному, мы же двигаемся к культуре и просвещению, а потом постараемся... Как думаешь, Понсоменер?

Понсоменер, если и удивился, что интересуются его мнением, ответил ровным голосом:

— Старые методы надежнее.

Фицрой с облегчением перевел дыхание.

— Люблю проверенные решения, — сказал он с чувством. — Не надо умничать, когда можно все легко и просто. На этом мир стоит! Мы же люди? Хотя насчет тебя не уверен.

Глава 6

Среди леса начали подниматься каменные стены гор. Через пару часов справа и слева воздвиглись так высоко, что мы двигались как по широкому ущелью. Потом стены сдвинулись, зеленая трава внизу уступила место каменным россыпям, теперь это в самом деле ущелье, даже видно, как узор на одной стене из серого гранита продолжается на другой.

Камней, свалившихся с вершин и выпавших из стен, многовато, приходится лавировать между ними, но меня больше тяготят сами горы, чувствую себя букашкой, которую так легко задавить сорвавшимся сверху камнем. И хотя умом понимаю, что такие камни срываются с высоты раз в тысячу лет, иначе горы уже рассыпались бы к

нашему появлению, но инстинкты уму не подчиняются и ничего не слушают, страшно, и все, а плечи горбятся сами по себе.

Впереди слева страшно и мощно заблестало. Я оторопел: там стена залита золотым огнем, отчетливо видно, как сверху текут струи расплавленного золота, хотя, присмотревшись, я вздрогнул: жидкое золото течет и вверх по стене, перемешиваясь со встречными струями!

Рундельштотт озадаченно покачивал головой, Фицрой смотрит жадными глазами на несметное богатство, только Понсоменер впереди поднял голову и спросил:

— Что там?.. Ах, это... Камень, просто камень.

Я всмотрелся, да это же... разлом горы прошел по мощной кварцевой жиле, вон продолжается на той стороне, но солнце освещает только левую часть, потому она и залита жарким огнем, а та, что в тени, выглядит скромно и тускло.

Фицрой тоже наконец сообразил, а Понсоменер даже не обратил внимания, блестит и пусть блестит, подумаешь, только Рундельштотт смотрит восторженно, даже про усталость на время забыл, все чародеи, женщины и сороки обожают блестящее.

В двух местах стены ущелья на огромной высоте соединены каменными мостами, совершенно бессмысленными и созданными точно не людьми, а хитроумной природой, кому, кроме птиц, нужен мост, на который не спуститься и не подняться? Вот уж искусство ради искусства, а человек все же тварь практичная, хоть и брешет насчет идеи, но за свои художества жаждет получить гонорар, да побольше, побольше...

Впечатление такое, что когда каменный пласт раскололся и стены начали раздвигаться, то были вязкие, как мокрая глина, даже как клей, а потом все вот так и застыло. Клейкие нити между стенами окаменели, хотя, понятно, это абсурд, но что в нашей жизни не абсурд?

Рундельштотт пару раз посмотрел на меня внимательно и, как мне показалось, насмешливо. Наконец сказал доброжелательно:

— Не ломай голову.

— Почему?

Он отмахнулся.

— Некоторые вещи нужно принимать такими, какие есть. Не доискиваясь.

— Понимаю, — ответил я задиристо, — почему здесь наука даже не просыпается. Мы, философы, все подвергаем сомнению, как сказал один из великих вождей угнетенного народа.

Он переспросил непонимающе:

— Какого-какого народа?

— Угнетенного, — пояснил я. — Народ всегда угнетенный, других не бывает. Если не угнетенный, то какой это народ? Даже не человеки, а так, черт-те что. Наверное, химеры какие-то. А когда есть угнетенный народ, то есть и угнетисты. Угнетатели, как говорят в народе.

Он поморщился.

— Ну да, если такие философы, то и народ такой. Далеко владения герцога? А то я знаю только направление.

— К сожалению, — ответил я, — далековато. Но близко. К.

— Понятно, — сказал он, — в таких случаях местные глерды часто принимают покровительство сюзеренов соседних королевств. Дескать, мы на окраине королевства, а когда короли дерутся, можно вообще отколоться и жить отдельным герцогством. А потом, глядишь, и королем себя объявить.

— Боюсь, — проронил я, — здесь еще хуже.

— Что может быть хуже?

— Антриас, — ответил я коротко, но Рундельштотт смотрел с непониманием, я пояснил без особой охоты: — Антриас — военный гений. Интуитивно ищет и находит

новые методы войны. Я бы рискнул сказать, что он тоже Улучшатель, но только в стратегии войны и военных действий!..

— Нащупал что-то новое?

— Да, — подтвердил я. — Сейчас он создает основы гибридной войны.

— Какой-какой?

— Гибридной, — повторил я со вкусом. — Когда победу армии готовит пятая колонна мерзавцев, оппозиция королевы и сепаратистские настроения всяких там меньшинств, а то и просто бунтарей по натуре и недостаточному развитию коры головного мозга. А он их не просто подогревает...

— Разжигает?

Я сказал невесело:

— Все верно схватываете, мастер. Неужели везде все так одинаково? Хотя да, это же война, а что в ней нового?.. Именно разжигает и тратит на этот мерзкий процесс немалые деньги. Дабы потом отыграться и все вернуть стократ и с лихвой. Репарациями.

Фицрою надоело слушать непонятное, это Рундельштотт вцепился в меня, как голодный клещ в толстого и сытого шенка, начал засыпать вопросами. Среди бестолковых, к моему удивлению, попадались и дельные, я ощутил, что старый мастер начинает выстраивать некую новую систему понятий, странную и для него непривычную, но все же работающую.

— Ты... стратег, — проговорил он наконец с величайшим уважением. — Так все увязывать!

Мне стало неловко, я отмахнулся.

— Мастер, таких стратегов на монетку кучка. Не вздумайте рассчитывать на меня, как на стратега. Из меня даже тактик никакой.

— В самом деле?

— Только в одиночном бою, — подтвердил я, — но и там не сразу соображаю... Торможу чаще, чем хотелось бы.

— А хотелось?

— Нет, — буркнул я, — так говорится. Хотя не знаю, почему. Так что будем учиться все вместе.

Он кивнул, заговорил об Антриасе, я в ответ как мог популярно рассказал о благоприятной на определенном этапе роли самовластия, когда самодурство многих мелких корольков ограничено железной властью одного самодура. Один самодур лучше, это всегда расцвет культуры, архитектуры и всего, что зовется прогрессом, но потом, конечно...

— Ладно-ладно, — прервал он, — дальше вообще, чувствую, пойдут страшные вещи.

— Так как создавать вино? — спросил я тут же. — Чтобы надолго?

Он поморщился.

— Планируешь создавать запасы? Не зная, где завтра ночевать будешь?

Понсоменер остановился впереди, обычно так привлекает внимание таких ротозеев, как мы, иначе можем проехаться и не заметить что-то необычное.

Когда мы приблизились, лошадь Рундельштотта вздернула голову и, насторожив уши, тревожно ржанула. Я в беспокойстве оглянулся, еще одна из наших запасных повернула голову в сторону дальних кустов.

Понсоменер сказал несколько напряженно:

— Там за кустами люди!.. И у них кровь на топорах!

— Быстро в круг, — велел Фицрой. — Не совсем хорошо, что вон те заросли подступили близко.

Я поднялся во весь рост, прокричал:

— Эй, мы видим вас!.. Кто бы вы ни были, но вам лучше поискать другую добычу!

Рундельштотт пробормотал:

— Нехорошо. А другие чем виноваты?

— Другие пусть сами, — огрызнулся я. — Эволюционный отбор!

Кусты распахнулись сразу в десятке мест, в нашу сторону ринулись с дикими воплями крепкие мужики с топорами в руках. Я машинально отметил, что Понсоменер как-то угадал, ни у одного ни меча, ни ножа, у двух передних кровь на лезвиях.

Фицрой крикнул:

— И это все?

Понсоменер выхватил стрелу из тулы, я увидел только стремительное движение, как он накладывает стрелу на тетиву, щелчок, и вторая стрела на тетиве... Щелк, щелк, щелк — четыре стрелы в воздухе, но разбойники не успели сделать второй шаг, как четверо передних пошатнулись, роняя топоры и хватаясь за древка вонзившихся стрел.

Фицрой заорал оскорбленно и прыгнул вперед, размахивая мечом.

Рундельштотт чуть пригнулся, губы шевелятся, мне показалось, что старый чародей спокоен, то ли успел приготовить защитное заклятие, то ли уверен, что справимся.

Я пригнулся тоже, руки изготовил в позицию для стрельбы. Рундельштотт осторожно шагнул вперед.

— Там еще пятеро. Странно, как будто чего-то ждут...

— И спрятались хреново, — согласился я.

Понсоменер оглянулся в нашу сторону.

— Бей, — разрешил я.

Он поднял лук в позицию для стрельбы, я снова залюбовался отточенным артистизмом, когда молниеносные движения превращаются в блюр, пять стрел ушли одна за другой.

Рундельштотт с сомнением смотрел, как он опустил лук.

— Что, уже?

— Прятались плохо, — ответил Понсоменер ровно. — Почему-то.

Его лошадь, повинаясь хозяину, послушно двинулась через кусты. Те распахнулись неохотно, но сила соломой ломит, мы продрались на ту сторону, мужики какие-то странные: откормленные и жилистые, все как один, и у всех под тряпьем добротные кожаные доспехи.

Понсоменер покинул седло и принялся выдергивать стрелы, впереди затрещали кусты, Фицрой возвращается торжествующий, на ходу вытирает лезвие меча клочком рубашки убитого.

— Главное достал! — сообщил он гордо. — Представляете, в кольчуге был!.. Хорошо живут разбойники!

— Это были не разбойники, — буркнул Рундельштотт.

Он развернул коня и галопом послал его обратно. Фицрой с интересом посмотрел старому чародею вслед.

— Я тоже так подумал. Нас преследуют?

— Похоже.

Из-за дальних кустов, где мы неосторожно оставили коней, раздался горестный крик.

— Рундельштотт! — вскрикнул Фицрой.

Его конь сорвался с места, как гончая, зачуявшая совсем близко зайца. Я послал своего следом, наши запасные кони на месте, как и мешки, но Рундельштотт в отчаянии вздымает к небу руки.

— Мастер! — заорал Фицрой. — Что стряслось?

Рундельштотт прокричал в отчаянии:

— Они украли мою сумку!.. Это все было нарочно...

Фицрой спросил быстро:

— Что нарочно?

Рундельштотт в бессильном отчаянии опустился на землю, упершись спиной в ствол дуба.

Я оглянулся на трупы.

— Мне тоже показалось, что маневр был отвлекающим.

— О чем ты говоришь? — спросил Фицрой.

— Вон даже Понсоменер понял, — ответил я. — Этих послали в лобовую атаку, а кто-то мелкий и не такой за-

метный украл сумку Рундельштотта. Что плохо, но... и хорошо.

Рундельштотт прошипел злобно:

— Что хорошего? Я бессилен!

— Хорошо то, — объяснил я, — что обо мне, похоже, не знают. Или не принимают в расчет. Ваш посох с вами, мастер!.. Одежда тоже, остальное соберем по дороге.

Фицрой пробормотал:

— А если наш колдун в самом деле готовил что-то необыкновенное?

— Спасибо на добром слове, — буркнул Рундельштотт. — Я в самом деле собирался обеспечить вам незри-мость на несколько часов, если наступит опасный момент.

Фицрой изумился:

— Опасный? Откуда?.. У нас они все опасные, иначе как жить?.. В неопасном засыпаю на ходу, такое у меня свойство замечательного и светлого характера. Но коней, конечно, надо оберегать лучше. Эти мерзавцы могли бы попытаться угнать всех!..

Понсоменер подъехал ближе, тоже чистит от крови наконечники добытых стрел, заметил мирно:

— Мы бы их догнали, понимают. С чужими конями быстро не поскачешь. А украсть сумку и спрятаться в лесу намного проще.

— Поехали, — сказал я. — Враг совершенствует свои трюки. Вообще-то едем достаточно беспечно.

— Будем бдить, — пообещал Фицрой.

Глава 7

Понсоменер остановил коня на вершине небольшого холма, ладонь ребром у глаз, защищая от слепящего сол-нца, спина прямая, а плечи широкие, настоящий перво-проходец новых диких земель.

Мы ехали шумной толпой, как цыгане по Бессарабии, он не оглядываясь указал на далекие дымки.

— Если поедem по этой дороге, оттуда нас увидят.

— А кто там? — спросил я.

Понсоменер всмотрелся, странно щурясь и прикрываясь ладонью от двух солнц.

— Кракеры, грибукеры и даже ангерцы. Обычные копатели могил, искатели чудо-цветков, редких жуков, зачарованных колец, браслетов... Они для нас не помеха. Если захотят ограбить, разгоним.

Рундельштотт отмахнулся.

— Не захотят. Они предпочитают получать дорогие вещи без всякого риска, просто выкапывая из могил.

Фицрой пробормотал:

— Да? А я слышал, что как раз самый большой риск у тех, кто раскапывает могилу... Понс, ты раскапывал?

Понсоменер ответил равнодушно:

— Немного.

— Опасно?

— По-разному, — ответил Понсоменер.

— Но все-таки?

— Одна из двадцати бывает опасной, — сообщил Понсоменер. — Или даже из сорока. Но можно всю жизнь копать, находить сокровища и ни разу не нарваться.

Рундельштотт спросил задумчиво:

— А нарваться... это хорошо или плохо?... Раньше думал — хорошо, сейчас вот уже лет семьсот как начал сомневаться...

— Стареете, мастер, — сказал Фицрой беспечно. — У вас и коленки хрустят, как у старого кузнечика.

Я ощутил озноб, Рундельштотт сказал так просто и равнодушно, словно речь о семи днях, поспешил застучаться:

— Это процесс не старения, а мудрения! Еще лет семьсот — и наш мастер станет мудрым, как сова на дереве.

Рундельштотт сказал саркастически:

— Ну спасибо! Вижу, какие у меня друзья.

— Мы вас чтим, — сказал Фицрой преданно. — Настолько, что сделали бы чучело и держали на самом почетном месте. А то вдруг утопнете по дороге в болоте, а у молодежи не будет наглядного светоча, на кого равняться и с кого брать пример в жизни и бою, хотя жизнь — это тоже вечный бой.

Понсоменер подождал, все такой же спокойный на спокойном коне и, вытянув длань, как полководец, указывающий, где заложить город, сказал бесцветным голосом:

— Вон за тем ручьем владения герцога.

— Откуда знаешь? — спросил Фицрой.

— Вкопаны столбы, — пояснил Понсоменер и указал вдаль и чуть в сторону, где никто из нас столбов не увидел.

Рундельштотт пробормотал:

— Так делают вообще-то редко. Видимо, у герцога свои порядки в землях. Будем ехать, ничего не нарушая.

— А как это? — спросил Фицрой живо.

Рундельштотт посмотрел на него предельно строго.

— Лучше не нарушать, — ответил он зловеще мягко. — Во избежание.

— Избегу, — заверил Фицрой испуганно. — Вы не поверите, мастер, но я такой избегун!.. Особенно когда речь о моих обязанностях, они с ума сошли, что ли...

Понсоменер, как обычно, когда обнаруживает что-то интересное, снова остановил далеко впереди коня и ждет, ровный и неподвижный в седле, даже не повернул голову.

Мой конь поравнялся с ними и приветливо ржанул, Понсоменер молча указал вперед. Я присвистнул, в самом деле крепость, а не замок, целый город за высокой крепостной стеной, а вокруг стены еще и земляной вал с широким рвом, наполненным водой.

Мост широкий, но деревянный, такой легко разрушить с их стороны, если завидят приближающиеся силы противника.

Что сразу бросается в глаза — донжон массивный и широкий, всего в два этажа, а из крыши вырастает чудовищно высокая башня красного кирпича. Шириной, как мне показалось отсюда, не больше чем в одну комнату, но даже трудно представить, словно нужно карабкаться на самый верх человеку, привыкшему к удобствам.

На вершине башни смотровая площадка, ограниченная высоким барьером, а из ее середины вздымается еще и медленно сужающийся к вершине шпиль из серого гранита.

А там на самом верху гордо трепещет знамя герцога. Я вытащил бинокль и, с трудом поймав скачущее в стороны изображение, рассмотрел с одной стороны шпиля металлические скобы, вмурованные между камней.

На площадке расхаживает часовой, места достаточно, шпиль у основания не шире, чем толстое дерево, а ввысь сужается и сужается, так что на верхушке истончается до толщины древка лопаты.

Все рассматривали крепость молча, наконец Фицрой спросил нетерпеливо:

— И какой план у нашего мудрого с сегодняшнего дня и даже как-то странно миролюбивого командира?

— Действуем по обстановке, — изрек я мудро.

Он переспросил:

— Здорово, но... как? Нападем? Или пусть они нападут сами?

— Сперва вступим в отношения, — сообщил я, Фицрой в изумлении вскинул брови и нагло заулыбался, я крикнул строго: — Но-но! Не давай волю фантазии. Вступим в дипломатические отношения. Как и положено. Но сперва представимся.

— А-а-а, — протянул он разочарованно.

Я указал на центральную башню замка.

— Как тебе тот флаг?

— Хорош, — ответил Фицрой. — Символ власти и могущества. А что?

— Для начала уроним, — сообщил я. — Точнее, заставим склониться. Что значит — перед кем?.. Как только подцепят снова, собьем еще разок... А потом поздороваемся. Здесь люди простые, любят ясность и наглядность...

— В отношениях, — досказал Фицрой.

— Да, — согласился я, — в отношениях. Так что располагайтесь на отдых, не слишком длительный, а я пока попробую подготовить их к вежливому разговору.

Фицрой хохотнул.

— А в окна постреляешь?

— Это нехорошо, — укорил я мягко. — Что я, мальчишка, бросаться камнями?.. А вдруг кому пулей в глаз попаду?.. Только флаг! Флаг — это символ, а окна — просто окна. Такое категорически недопустимо. Лишать жизни нужно только с ясно осознанной и великой целью.

— Это да, — согласился он, — нечаянно убивать нельзя, сам знаю, все удовольствие испорчено.

— Вот-вот, — подтвердил я, — а человек создан для удовольствий, как утверждают демократы, потому их слушают больше.

Он вряд ли понял мое умничание, по лицу вижу, сказал в нетерпении:

— Значит, флаг, понятно. Одобряю. Если вон с того холма, достанешь?

Я ответил с полнейшим превосходством:

— Обижает.

— Тогда я сам понесу твой мешок, — предложил он с азартным блеском глаз. — А Понсоменер пока за старичком посмотрит.

Рундельштотт проговорил с угрозой в голосе:

— Ты о ком, существо?.. Что-то мне кажется, твоя кожа начинает зеленеть, а между пальцами, вон смотри, растут перепонки...

Фицрой невольно взглянул на руку.

— Мастер, я пошутил!.. Это у нас такой особый юмор, солдатский!.. Грубый, но изящный. С намеком... Дескать, говорю, что старик, а всякий видит орла сизокрылого! И с во-о-от таким клювищем!.. И когтями, когтями... чтобы разгребать всякое... в поисках жемчуга.

Он торопливо ухватил мой мешок, я не успел слова сказать, как уже с двумя, свой тоже цапнул, ринулся по склону вверх.

Рундельштотт крикнул в спину:

— Не задерживайтесь. А то у меня приступ вдохновения...

Фицрой оглянулся, выворачивая шею.

— Творить вино?

— А что еще творится с вдохновением? — спросил Рундельштотт.

Фицрой в муках дернулся назад, шагнул было вперед, остановился, я сказал сурово:

— У мужчины на первом месте долг! Вино, женщины и прочее — даже не на втором!

Он сказал со вздохом:

— Да понял-понял... Нет, сам понесу, береги дыхание. Понял, насколько я суровый и умеющий отказывать себе в простых человеческих радостях?

— Зато ради общечеловеческих, — утешил я. — Хотя общечеловеческими как раз и назовут потом те, что у всех общие и ниже пояса... Неси-неси, не развешивай уши! Меня слушать вредно.

На вершине холма десяток широко раскинувших ветви деревьев, кусты высокие, но редкие, Фицрой бережно опустил мешки в тени так, чтобы из крепости нас не увидел никто даже из дальнозорких.

Я вытащил из мешка сложенную снайперскую, у Фиц-
роя глаза расширились в восторге.

— Это... это другое, — сообщил он. — Побольше и...
пострашнее!

— Чувствуешь, — одобрил я. — Тебе бы в поэты... Му-
зицировать не пробовал? А рисовать?

— Поссоримся, — предупредил он.

— Да ладно, — сказал я миролюбиво, — какой из тебя
музыкант...

Собирать несложно, лучшие умы человечества рабо-
тали над упрощением конструкции, сошки хорошо раз-
двинулись и уперлись в мягкую землю, а я залег, широко
раскинув ноги и всматриваясь в окуляр.

Спохватившись, Фицрой выудил бинокль, что в свер-
нутом виде не крупнее двойной монеты, умело и подчерк-
нуто лихо разложил, расположился поудобнее рядом.

Подкручивать верньер не приходится, автоматическая
настройка сама следит за резкостью изображения, а кре-
стик прицела смещается, учитывая силу легкого ветерка
слева.

— У меня все отчетливо, — доложил Фицрой. — Вот
прямо готов протянуть руку и пощупать... каждый кир-
пичик вижу!

— Кирпичики он щупает, — буркнул я, — скажи чест-
но, баб нет, смотреть не на кого.

Он ухмыльнулся.

— Так уж и нет! Просто еще не увидел.

— Плохой из тебя корректировщик, — сказал я. —
Правда, из меня такой же снайпер... Ладно, начинаем.

Крестик покачивается из стороны в сторону, я выждал,
поймал древко знамени в прицел и придавил пальцем ско-
бу. Несколько секунд ждал, но знамя реет все так же гордо
и надменно, стиснул челюсти и выстрелил снова.

Фицрой поинтересовался, не отрываясь от бинокля:

— Ну как?

— Пристреливаюсь, — ответил я. — Необходимый этап работы мастера.

— А-а, — протянул он, — а я уж подумал, промахиваешься.

— Я? — спросил я с изумлением. — С чего бы?.. Это же элемент игры! Снайперство — высокое искусство, а профессия киллера давно стала эталоном красивой жизни. Разве мы с тобой не искусствоведы в штатском?

Он проворчал:

— Ничего не понял.

— И не надо, — заверил я. — Освобождая головной мозг от всякой ерунды, готов туда складировать вечное, важное, ценное, что подороже.

Третья пуля ушла тоже мимо, но четвертая все-таки задела древко, я видел, как содрогнулось, а на державке слева появились глубокая канавка.

Приободрившись, я вручную ввел поправку, припал к окуляру, но тут древко под напором ветерка переломилось, но не повисло, а, красиво ныряя в воздушных волнах, пошло вниз.

Фицрой вскрикнул:

— А-а, знамя упало!.. Прямо на крыльцо донжона!..

— Правда? — спросил я. — Кто бы подумал? И чего это оно вот так раз и само...

— Дурное какое-то, — согласился он. — Или колдовство. Что теперь? Когда падает знамя — это дурной знак!

— Доставай вино, — велел я. — И не делай вид, что в твоём мешке был только бинокль.

Он ухмыльнулся.

— И как ты сумел заметить всего один бурдюк? Глазастый.

Я с удивлением смотрел, как он вытащил помимо большого раздутого бурдюка еще и две серебряные чаши с затейливой чеканкой.

— Хорошо живешь, — заметил я. — Удобства ему подавай. Сибарит. Изнежун!

— Если вся жизнь в переездах, — возразил он, — то почему нет?

Я смотрел, как лихо наполняет чашу до краев и, не пролив ни капли, протянул мне.

— Долго ждать?

— Не думаю, — ответил я. — Почти уверен, что зная попробуют повесить снова. И сразу же, раз уж плохая примета.

Он налил себе, отпил чуть, но то и дело подносил бинюкль к глазам и смотрел между кустами на далекую крепость.

Я осушил до половины, другой рукой нащупывая в мешке завернутое в чистую тряпицу вяленое мясо, по моей прикидке, успею плотно и неспешно перекусить, а Фицрой торопливым шепотом сообщал, что вот знамя подняли, все мечутся, как муравьи по горячей сковородке, морды тупые, а глаза выпученные, идиоты вообще во всем видят дурные знаки, а это не дурной знак, а всего лишь дурная примета...

— Как насчет знатных? — поинтересовался я.

— Уже, — сообщил он. — Похоже, это они и велели принести другое знамя... так и есть, несут! Видишь, как я все предвижу?... Ага, сунули молодым парням и чуть ли не пинками гонят их наверх, а у тех морды шире задниц...

Я дожевывал мясо, Фицрой торопливо сообщал, что молодые да шустрые уже взобрались на самый верх, один лезет по скобам на шпиль, вот уже почти привязывает...

— Пусть привязывает, — пробурчал я с набитым ртом. — Да покрепче.

— Ну сколько можно жрать!.. — сказал он в нетерпении. — Ты бы видел, как они боялись!

— А теперь?

— Не поверишь, повеселели!

— Решили, — предположил я, — что ветер сильный... Или древко червяки изгрызли.

— Их жуки грызут, — поправил он победно.

— Хорошо смеется тот, — пробормотал я, — кто стреляет последним...

Он сказал настойчиво:

— Вставай, кабан! И так все пожрал, сиротам не останется!

— У тебя, сиротки, — сообщил я, — скоро морда лопнет от нашей трудной жизни. Ладно, шас посмотрим...

Через оптический прицел хорошо видно, как красиво трепещет на ветру знамя, как ярко блестит под солнцем каменный шпиль. Я, еще когда жевал, обмусоливал новую идею и теперь молча лег, прицелился.

Фицрой следил жадно, а после выстрела сказал разочарованно:

— Снова мимо!

— Не скажи, — ответил я. — Посмотри ниже...

Пока он искал, на что смотреть, я выстрелил, целясь в то же место, не попал, но пуля легла на ладонь правее. Осколки камня брызнули во все стороны, красиво искрясь на солнце.

Фицрой охнул.

— Так вот ты куда...

— Понял?

Третья пуля смачно ударила в камень, брызнули мелкие крошки, превращаясь в облачко пыли. Шпиль вздрогнул, грузно просел, а затем рухнул, ударившись в барьер смотровой площадки. Обломки посыпались во двор.

Там началась суета, как жаль, крики не слышно. Кого-то прибило, кого-то покалечило, а когда камнепад закончился, народ начал с опаской высовываться из окон и дверей и, выворачивая шеи, с недоумением смотреть вверх.

Фицрой почти завизжал ликующе:

— Ты смотри, смотри на их рожи!.. Ох, и аппетит у меня сегодня будет. И счастливый крепкий сон.

— А как же без баб?

Он отмахнулся.

— Какие бабы, когда такое!.. Бабы все просто бабы, а здесь красота!.. Будешь еще?

— Надо, — ответил я со вздохом. — Культура согласных ведет, несогласных тащит мордой по земле, а то и по битому камню. Милосердие обязывает быть жестокими. Давай еще по чаше, а потом закончим...

Он разлил по кубкам вино, спросил неожиданно:

— Когда вернемся, чем займешься?

— В Дронтарию?

Он изумился:

— Разве мы теперь не дронтарцы?

— Океаном займемся, — ответил я серьезно. — А ты что думал?.. Нет, бабы подождут. У нас ситуация просто уникальная, не воспользоваться глупо... Понимаешь, в океане наверняка сотни и тысячи островов, больших и малых... Да что там островов, там могут разместиться десятки континентов!.. А кто первый, того и тапки. У нас земли может быть побольше, чем здесь у всех местных королей.

Он смотрел блестящими глазами, не сразу перевел дыхание.

— Ты... у тебя и размах...

— Не земли важны, — сказал я серьезно. — У кого земли, у того и закон. Можно сразу начинать выстраивать рай на земле!.. Ну, для начала посадить дерево познания Добра и Зла...

— Чего-чего?

Я отмахнулся.

— Да это шуточка такая. Имею в виду, не бороться с людьми, насаждая разумное, доброе, вечное, а попробовать с самого начала.

Он поинтересовался скептически:

— Людей где брать? Если из Дронтарии перевозить, то те уже привыкли к старым обычаям. Если местных... Кстати, а вдруг там на островах уже обитают, да еще такие, что нас порвут голыми руками?

Я пробормотал:

— Прибудем к их берегам, увидим, кто кого порвет...

— Ты наш миротворец, — сказал он в восторге. — Что-то мне гуманизм и твое человеколюбие нравятся все больше!

Я взял трубку прицела, одним движением отстегнув ее от винтовки, поднес к глазу.

На башне толпятся люди в богатых одеяниях, точно знатные глерды, а еще двое простых рабочих, тоже судя по одежке. Один держит в руках знамя, глерд объясняет ему что-то, тыкая пальцем в сторону изуродованной верхушки каменного шпиля.

Фицрой приложил к глазам бинокль.

— Ого... Ты прав, в самом деле попытаются поднять снова!

— Обязаны, — ответил я, — это же дело престижа. Ладно, пора напомнить, что с нами нужно разговаривать уважительно, а не.

— Давай, — сказал он ликующе, — люблю смотреть!

— Смотреть я тоже люблю, — буркнул я.

Я подождал, пока рабочий вскарабкается на заметно укоротившийся шпиль, а как только прикрепил там знамя, на этот раз крепко примотав древко веревками, я начал ловить в крестик прицела на этот раз не самое уязвимое место, а как раз самое надежное у основания шпиля.

Фицрой жадно смотрел, как я задерживаю дыхание и медленно нажимаю на скобу. В круглый экран прицела видно, как мощно и беззвучно брызнули осколки камня. Глерды, что смотрят с ожиданием вверх на рабочего, отшатнулись, кто-то присел, остальные трут глаза кулаками.

Рабочий в испуге сорвался вниз, вскочил и отбежал к барьеру, едва не перевалившись на ту сторону.

Фицрой сказал мстительно:

— Ну подстрели хоть одного!

— Рано, — ответил я, чуть сдвинув прицел на часть каменной плиты, что поддерживает шпиль. Целиться в толстое основание намного проще, я снова нажал на скобу и со злой радостью увидел, что не промахнулся.

Пуля разнесла камень в пыль, шпиль рухнул целиком, придавив одного из знатных. Глерды разбежались, но тут же вернулись и начали вытаскивать придавленного.

— Все, — сказал я, — возвращаемся.

Как только я собрал винтовку, Фицрой подставил раскрытый мешок и сказал бодро:

— Я понесу!.. Твой арбалет потрудился на славу. Он заслужил, чтобы его нес такой нарядный красавец, как я.

Глава 8

Рундельштотт и Понсоменер в тени раскидистого дуба живописно расположились перед расстеленной скатеркой на зеленой траве, рубенсы хреновы, жрут неспешно, но в три горла.

Увидев нас, Рундельштотт встрепенулся.

— Уже? — спросил он живо. — Садитесь, перекусим вместе. А то эта дорога прибавляет аппетита...

Я ответил отстраненно:

— Фицрой покушает за себя и за меня, в него все что угодно влезет. А я нанесу визит герцогу.

Понсоменер промолчал, а Рундельштотт поинтересовался:

— Благоразумно ли?.. Он подсылал к тебе убийц, теперь идешь к нему сам... Это как?

— Нужно торопиться, — ответил я. — Нас ждет море!.. А тут какие-то местные феодалчики расфеодалничались... Нужно как-то договориться, раз уж заехали по дороге.

— Ну да, — поддержал Фицрой, — случайно заехали.

— Вот-вот, — сказал я. — Спасибо, Понс.

Понсоменер вяло улыбнулся, а я поднялся в седло уже приготовленного им к дороге коня и послал в галоп по хорошо утоптанной дороге.

Крепость выдвинулась из-за холма и величаво поплыла навстречу, разрастаясь с каждым конским скоком, массивная, тяжелая и внушающая уважением размерами и толщиной стен.

Как только меня заметили со стены, я перевел коня с галопа на рысь, выпрямился с достоинством, а к воротам подъехал вовсе шагом. С верха стены меня с любопытством рассматривали из-за красиво выложенных умелыми каменщиками зубцов, что вообще-то существуют не для красоты, а для стрельбы из луков и как подставки для тяжелых арбалетов.

— Глерд Юджин, — назвался я, — требует к себе герцога Лонгшира.

На воротах грубо захохотали. Один крикнул звонким визгливым голосом:

— Требуется?.. Самого герцога?

Я ответил жестко:

— Ты, тупое ничтожество!.. Если герцог не выйдет ко мне для переговоров немедленно, то здесь я повешу всех, понял?.. А этот муравьиный холмик, который считаете крепостью, сравню с землей!

На воротах умолкли, тихо посовещались, такого на их памяти еще не было, потом один сказал кому-то с той стороны стены:

— Пошли человека к хозяину. Тут что-то непростое. Да побыстрее!

Я остался ждать, минут через десять в воротах открылась дверца, вышел, сильно пригибаясь, высокий и крупный человек, в добротной одежде вельможи, где золотые цепи и крупные звезды молча говорят о его высоком положении.

Не отходя от ворот, он выпрямился и рассматривал меня молча и враждебно.

Я покинул седло и, не выпуская повод, сказал вежливо:

— Герцог, мой разговор не для посторонних ушей ваших воинов. Отойдем чуть, если вы не против?

Он медленно наклонил голову, не сводя с меня испытующего взгляда.

— Так вы и есть тот самый глерд Юджин?

— Тот самый, — ответил я коротко.

Он пробормотал в некотором замешательстве:

— Не ожидал... Но меня предупреждали, что вы человек неожиданных решений.

Я наклонил голову, соглашаясь, он прошел со мной немного, оглянулся.

— Уже не услышат. Если не будем орать.

— Мы не будем орать, — заверил я. — Мы глерды, приличия соблюдаем даже в неприличные моменты.

Он продолжал смотреть на меня испытующе.

— О вас рассказывают разное, даже небылицы... Но все равно не могу поверить, что вы явились вот так в одиночку.

Я покачал головой.

— Вы правы, что не верите. Мне армия не нужна, но я не мог отказать своим друзьям, великому чародею Рундельштотту и величайшему воину всех времен и народов Фицрою, а также некоторым... весьма необычным существам, кто сопровождают меня и помогают даже сейчас. И наблюдают за нами издали.

Он нервно дернулся, попытался взглянуть поверх моего плеча в сторону леса, но взял себя в руки, пробормотал:

— Весьма... разумно.

— Вообще-то, — сообщил я, — мы заехали к вам по пути, потому Фицрой предложил чародею Рундельштотту снести всю вашу крепость с лица земли, но тот честно признался, что его сил недостаточно. Может только обрушить башню над донжоном, она у вас настолько громадная, что сметет в падении все этажи до самого нижнего зала.

Герцог зябко передернул плечами.

— Это бесчеловечно! У меня там жена и трое детей!..

— Я велел не торопиться, — согласился я. — Разве что не вернусь достаточно быстро, тогда да, не жалко, пусть рушит все. Но все-таки жену и детей советую срочно убрать из крепости, иначе их гибель будет на вашей совести. Я предупредил, так что виноватым считать себя не стану, если вы вдруг наделаете глупостей...

Он ответил сдержанно:

— А я в том возрасте, когда глупости оставляют в прошлом.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, нам договориться будет проще. Еще раз, чтобы у вас не было иллюзий, сообщу, что за нами постоянно и неотрывно наблюдают мои люди. Если с вашей стороны будет нечто враждебное, они примут меры.

— Обрушат башню?

— Возможно, — ответил я, — или же пошлют гонца к ее величеству, а по ее повелению сюда явятся верные ей войска. Вы меня поняли?

Он проговорил медленно:

— Значит ли это, благородный глерд, что ее величество... пока не знает о вашем визите?

Я кивнул.

— Верно. Я не стал сообщать о вашем предательстве, скажем прямо. Иначе ее величество тут же выслала бы армию и сровняла здесь все с землей. Сейчас времена жестокие, глерд... Для вас не секрет, что грядет война?

Он дернулся.

— Предательство? О каком предательстве речь?

— А кто подослал ко мне убийц? — поинтересовался я. — Ладно, герцог, это дело личное, вам я лично не нравлюсь, но, кроме того, вас обвиняют в переговорах с Антриасом! А это уже государственное преступление. Карается, как во всех просвещенных и гуманных королевствах, четвертованием и развешиванием на крюках частей тела в разных районах столицы.

Он потемнел лицом, съежился, но собрался с силами и поинтересовался:

— Простите, глерд... но чем вызвано ваше странное миролюбие?

— Отвращением к убийствам, — пояснил я. — Ваше расхождение во взглядах с ее величеством легко ведет к вооруженной конфронтации, но я решил попробовать уладить дело миром. Вдруг получится?.. А чтобы вы понимали, что этот разговор не от слабости, я сшиб ваше знамя с башни. Когда те дураки продолжали упорствовать и пытались нацепить его снова, я разнес вдрызг весь тот каменный флагшток. Могу и саму башню раздрызгнуть, если сомневаетесь в моих словах.

Он потряс головой.

— Нет-нет, я хоть и сомневаюсь, но этого делать не нужно. Вы должны понять мою ошарашенность. Человек, способный сбивать знамя на вершине башни, обычно не ведет переговоры... Разве что о сдаче?

— Нет, — ответил я, — речь не о сдаче. Хочу понять мотивы вашей конфронтации и попыток убить меня. Хотя насчет меня, как догадываюсь, ничего личного, просто помеха у вас на пути.

Он дернулся, кому такое обвинение в подготовке убийства понравится, но взял себя в руки, герцог все-таки, а не трактирщик, произнес холодно и чопорно:

— Королева решила отнять у нас, верховных глердов, ряд привилегий, что передаются из рода в род!

— Глерд, — ответил я тихо, — вы же знаете, Антриас готовится вторгнуться в королевство! Как, по-вашему, должна действовать королева? Она просто вынуждена сосредоточить как можно больше власти в своих неженских, хоть и женских, руках. В мирное время одни законы, в военное — другие. Как и мы тоже то одни, то другие.

Он сказал хмуро:

— Верите, после войны ослабит хватку?

— Разумеется, — ответил я. — Это ее политика! Дать больше власти регионам, пусть все проблемы решают сами на местах. Так эффективнее. А вам кажется, Антриас свобод даст больше?

Он дернулся, посмотрел на меня с подозрением.

— На что вы намекаете?

— Разве намекаю? — спросил я жестко. — Я указываю, что Антриас вам пообещал различные свободы, на что вы как-то совсем, уж простите, неразумно польстились. Похоже, не знаете, что Антриас и своих лордов держит в кулаке, пискнуть не смеют!.. А чужим какие свободы?

Он сказал нервно:

— Если на то пошло, на таких больших территориях Антриасу придется договариваться с нами, а не пытаться подмять, как в своем королевстве!

— Это ошибка, — сказал я кротко, — но ладно, опустим. Вы человек чести, я уже слышан. Я хочу удостовериться, намерены вы и дальше вести свою борьбу против ее величества либо же под угрозой полного истребления вас и вашей семьи обязуетесь перейти в лагерь ее величества и поддерживать все ее усилия?

Он высокомерно вскинул голову, глаза блеснули гневом..

— Что? Истребление всей моей семьи?.. Ее величество никогда не позволит себе такого!

Я кивнул, ответил кротко:

— Верно. Но такое позволю себе я.

Он дернулся.

— Что?

Я постарался говорить как можно более холодно и расчетливо:

— Можете не сомневаться, после этого нашего выяснения отношений сделаю все быстро и весьма качественно. От вашей крепости не оставим камня на камне. Разумеется, ваш род исчезнет из летописей королевства. Историю, как вы догадываетесь, надо время от времени переписывать. Это улучшает почерк, развивает фантазию и оттачивает яркие эпитеты. А делают это, кто бы подумал, победители... У меня есть все необходимые полномочия... для подобного переписывания на местах. Я не милосердная королева, герцог. Как вы догадываетесь, члены Тайного Совета, пусть и не все, полностью одобряют мою решительную неразборчивость. А вслух для успокоения народа нетрудно сказать, что здесь у вас все само завалилось и всех поубивало. Для меня соврать, как и для вас, раз плюнуть через верхнюю губу. Мы же взрослые люди, не дети.

Он помолчал, взглянул на меня с ненавистью.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Не оставляю, — согласился я. — Вы враг, герцог Лонгшир. Вы соблазнили на посулы короля Антриаса, ваши действия против ее величества преступны и злокозненны. Вам не нравится, как я себя веду? Вы предпочли бы сейчас на моем месте глерда Брандштеттера, главнокомандующего королевскими войсками?

Он запнулся, некоторое время боролся с собой, наконец проговорил с заметной неохотой:

— Вынужден согласиться, вы ведете себя крайне мудро. Глерд Брандштеттер не стал бы вести переговоры вообще, а начал бы осаду... Вы правы, ваше предложение в интересах королевы и всего королевства. Выгоднее запо-

лучить меня на свою сторону, чем оставить на месте моей крепости руины и сотни трупов. В какой-то мере, глерд Юджин, я благодарен вам. Если, конечно, это политика ее величества...

Я покачал головой.

— Это ее политика, хотя она об этом случае не знает. Если договоримся, то о вашем предательстве... будем называть вещи своими именами, и не узнает. У всех бывают минуты слабости, на которых старается сыграть враг. Иногда это ему, увы, удается.

Он смотрел на меня пристально.

— А что от этого получаете вы?

— Удовлетворение, — пояснил я.

— Глерд?

Я пожал плечами.

— За очень короткий срок я многих... как бы помягче, в общем, убил. Многое, как шпиль на вашем донжоне... вздрызгнул. Слишком много! Если растянуть на годы, может быть, считал бы нормой. А так вижу, все можем встать в позу и не отступать из-за ложной гордости, что ведет к смертям и разрухе. Но для процветания королевства конфликты хорошо бы решать миром. Вот как я красиво пытаюсь сейчас.

Глава 9

Он посмотрелся на меня исподлобья, я чувствовал его нерешительность и сильнейшие колебания, наконец он перевел дыхание и произнес предельно церемонно:

— Глерд Юджин, я убедился, что разговариваю с очень благородным и великодушным человеком. Жестоким, но мудрым.

Я поклонился.

— Польщен...

— Ее величество, — сказал он, — должны быть счастливы, что ее трон поддерживают такие люди. Сказать по правде, я не считаю, что правление короля Антриаса лучше. Расчет лишь на то, что на таких огромных территориях он вынужден дать большую свободу глердам на дальних от его центра землях... Но вы меня переубедили.

— Тогда я выполнил свою задачу, — сказал я и поклонился. — Герцог...

— Погодите, — прервал он. — Могу пригласить вас с вашими друзьями в крепость? Чтобы закрепить наши дружеские отношения и чтобы вы уверились, что я отныне буду верен королеве?

Я всмотрелся в него снова, враждебность из него вроде бы ушла целиком, теперь лишь грусть, чувство потери, однако и рост некой уверенности в своем будущем. Или в правильности избранного пути.

— Можете, — ответил я. — Мои друзья останутся на своих местах, а я с удовольствием посижу немного с вами за вашим столом, выпью вина и поговорим о королевстве. Или о женщинах.

Он широко улыбнулся.

— Глерд, благодарю вас!

— Минутку, — сказал я, — надо предупредить моих друзей, что иду в гости и крепость рушить пока что не нужно.

Он спросил с пониманием:

— Вернетесь в лес?

— Зачем? — спросил я. — Мы же военные чародеи.

Он с непониманием смотрел, как я, не вынимая меч из ножен, потрогал рукоять, подвигал там что-то, а оттуда раздался громкий голос очень немолодого человека:

— Да, это Рундельштотт. Что там?

— Я схожу в крепость, — сказал я. — Но если не вернусь до ночи, можете ее снести с лица земли.

Голос Рундельштотта прозвучал несколько озадаченный:

— Да, конечно...

А еще донесся бодрый голос Фицроя:

— Камня на камне не оставим!

— Конец связи, — сказал я. — Ну что, герцог, пойдемте?

Он вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

— Если вы вот так переговариваетесь на больших расстояниях... то победа в любой войне... ваша!

— Не стану спорить, — ответил я любезно. — Хотя я не человек войны.

На воротах что-то прокричали вниз, а когда мы приблизились, изнутри распахнули обе створки. Во дворе несколько вооруженных копьями начали присматриваться ко мне очень внимательно, но с мест не сдвинулись.

Карелла права насчет богатств и могущества подобных удельных герцогов: просторный двор уложен широкими гранитными плитами идеально точно, ни одна травинка не пробивается в щели, сам донжон высится как крепость в крепости — величественный и несокрушимый, уже не просто толстая башня, чем обычно являются донжоны, а центральное здание крепости, что медленно перетекает из укрепленного форпоста в роскошный дворец.

Даже вход распложен на первом этаже, широкий и с гостеприимно распахнутыми дверьми, я издали увидел просторный холл, пол из цветной мозаичной плитки, а когда мы с герцогом переступили порог, ощущение власти и могущества нахлынуло с новой силой. Здесь все, начиная от отделки стен и потолка, кричит о самых дорогих материалах и лучших мастерах.

Навстречу то и дело попадают слуги, просто челядь, иногда стража, пистолеты в обеих руках не спасут, если в тесных коридорах начнется яростная схватка, потому внимательно всматривался в лица, вслушивался в ощущения, нет ли за спиной у кого-то желания всадить в спину нож, но пока лишь сдержанное любопытство,

традиционная враждебность к чужакам, а то и полное равнодушие.

Герцог еще в холле отдал какие-то распоряжения насчет обеда, и когда мы вошли в огромный роскошный зал, то едва сели за стол, как слуги по нетерпеливому взмаху руки герцога быстро-быстро начали носить со стороны кухни разнообразные блюда и расставлять на столешнице.

В центре поместили, естественно, большой серебряный кувшин, серебряные чаши с изумительно ажурными сценками охоты поставили перед нами и по кивку герцога тут же наполнили вином.

— Я не очень лажу с придворными, — сказал он, словно извиняясь, — слишком простые и недалекие, потому вы поймете, что я сейчас уцепился за возможность установить контакт с вами, человеком, заметным при дворе и которому явно доверяет ее величество. За ваше здоровье!

— За ваше, — возразил я. — Вы хозяин, и вы старше меня во всех отношениях. Насчет заметности при дворе... мне кажется, вы преувеличиваете. Мне двор не нравится. Я вообще стараюсь там не появляться. Разве что в случаях острой необходимости.

Он сделал большой глоток, взглянул на меня испытующе поверх края чаши.

— Но ее величество вас не любит отпускать, верно?

Я подумал, что даже в такой глуши народ в курсе интриг, сплетен и дворцовых слухов.

— Слухи...

— А еще ее величество, — закончил он, — подарило вам земли глордства Остеранского.

— Верно, — согласился я. — Только я пробыл там едва ли неделю. Не мое это дело, ваша светлость. Сейчас, кстати, я на пути к другому своему замку, что в королевстве Дронтария. К вам заехал по пути, тут не так уж далеко от нашей прямой дороги... Я рад, что недоразумения улаже-

ны. Все случившееся останется между нами. У ее величества и так хватает проблем и хлопот. А что улажено, то улажено.

Некоторое время мы ели хорошо прожаренное оленье мясо, мелких и совсем мелких птичек, нежную рыбу совсем без костей и с вкуснейшим хрящиком вместо позвоночника, потом слуги так же молча и без лишних движений принесли всякого рода пироги, начиная с начиненных мясом и заканчивая медовыми и заполненными сладкими ягодами.

Я насыщался неспешно, всем видом показывая, что мне здесь уютно, хорошо, еда из лучших продуктов и приготовлена просто отменно.

Он поглядывал на меня испытующе, оба знаем, совместная трапеза укрепляет доверие друг к другу и даже создает некий мост, но уже на пирогах с медом со двора донесся стук копыт, коней не меньше десятка, громкие уверенные голоса, шум, конское ржание.

Герцог прислушался, сказал без особой радости:

— Мой младший брат Лерман. Молодой, но деятельный.

— Знакомо, — согласился я. — Пока свободой горим, пока сердца для чести живы... Обычные забавы с пьянками и доступными женщинами не устраивают?

Он криво усмехнулся.

— Нет. Он еще не верит, что мир давно поделен. Любая попытка что-то в нем поменять может улучшить и ухудшить, но второе намного вероятнее.

— Особенно, — снова согласился я, — если менять берутся молодые, горячие и честные.

Он взглянул с любопытством.

— Но вы тоже молоды. Еще моложе моего брата. Но вы осторожны, остальные молодые могут назвать ваше поведение, уж не обижайтесь, трусостью.

— Сам так называл, — ответил я. — Я же понимаю, все, кто думает не так, как мы, дураки набитые. И обязательно тупые и ничего не понимают.

Вошли молчаливые и вышколенные слуги, быстро и аккуратно зажгли свечи у входа, а потом и вдоль стен всего зала. Вечер, оказывается, уже наступил, я за ужином и не заметил, что значит, он оказался совсем не таким напряженным, как мне чудилось.

Слуги исчезли, тихие, как тени, а в зал быстро и шумно вошел, почти вбежал, высокий воин в доспехах, несколько щеголеватых, но добротных и прекрасно подогнанных, шлем на сгибе локтя левой руки, а правой на ходу придерживает на боку ножны с торчащей рукоятью меча.

Вперив в меня взгляд огненных глаз, он даже остановился, посмотрел на герцога с гневом и возмущением.

— Брат! — вскрикнул он таким голосом, что больше пристало бы на заполненной народом площади. — Что я вижу?... Мне во дворе сказали, что у тебя за столом презренный прислужник королевы?

Герцог нахмурился, бросил на меня виноватый взгляд.

— Лерман, — сказал он резко, — если хочешь сказать нечто мне лично, у тебя будет время.

— Я говорю сейчас! — вскрикнул воин.

— Если готов разделить с нами трапезу, — сказал герцог настойчиво, — переоденься и приходи к столу.

Воин вздернулся, словно его ударили снизу.

— Что-о? — вскрикнул он. — Брат, что ты говоришь?

Герцог произнес еще резче:

— Лерман, умолкни. Ты чересчур горяч, твой язык говорит раньше головы. Глерд Юджин — мой гость, он в неприкосновенности. Кроме того, нам стоит осмыслить лучше наши перспективы и пересмотреть наше отношение к происходящему в королевстве.

Лерман бросил ладонь на рукоять меча, но откуда ни возьмись появились рослые стражи с копьями в руках

и, загородив нас, выставили перед собой блестящие острия.

Лерман посмотрел на них неверящими глазами, перевел взгляд на герцога.

— Неужели ты изменил нашим светлым мечтам? — вскрикнул он. — Неужели... Как ты мог, брат? Чего ты испугался?

Герцог сказал резко:

— Меня ничего не страшит. Но я не хочу и не позволю себе делать ошибки. Наша задумка, как сам знаешь, была не слишком... продуманной. Мы учли далеко не все.

— Что не учли? — вскричал Лерман.

— Что у королевы, — ответил герцог сухо, — могут быть не только войска. Доводы в ее пользу мы даже не рассматривали, верно? А это не совсем правильно, брат. Это несправедливо.

Лерман вскрикнул:

— Что? Она узурпатор наших свобод и прав!

— Лерман, — сказал герцог, морщась. — Давай отложим этот разговор.

За спиной брата герцога появлялись еще вооруженные люди, на этот раз из его дружины, вижу по их лицам.

Я чувствовал его лютую ненависть и жажду убить, но она идет только от него, а остальным, как чувствую, все по барабану. Велят убить — убьют, велят не трогать — не тронут.

Чуть повернувшись в кресле, я изготовил ладони, даже пальцы согнул, чтобы в момент появления пистолетов сразу ударили по спусковым скобам.

— Лерман, — повторил герцог предостерегающе, — я приказываю тебе, вернись!

Лерман вскричал:

— И не подумаю! Взять этого королевского прихвостня!

Его люди, обнажив оружие, бросились ко мне, однако герцог вскочил так резко, что едва не опрокинул стол, а

чаши покатались по столешнице, проливая вино на белую скатерть.

— Назад! — крикнул он громовым голосом. — Это мой дом и мои правила!.. Я буду защищать своих гостей, как себя самого!

Воины остановились в замешательстве, одно дело — сразиться со мной, другое — поднять оружие на самого герцога в его доме.

Лерман закричал, как раненый зверь:

— Брат!.. Как ты можешь?.. Ты принимаешь врага за своим столом! И ты готов драться со мной?.. Твоим братом?

— Это ты готов драться, — холодно отрезал герцог. — А теперь уходи. Ты слишком... горяч. Поговорим, когда успокоишься. Ты не просто брат, а младший брат!

Лерман крикнул:

— Я никогда не успокоюсь!

— Но остынешь, — сказал герцог. — Тогда поговорим. Горячность должна стоять за умом, а не впереди.

И не вместо, договорил я мысленно. У этого братца ума не больше, чем у божьей коровки, что вообще-то хищный жук, несмотря на мирное название.

Лерман, не вкладывая меч в ножны, отступил на шаг, ожег меня ненавидящим взглядом.

— Мы еще встретимся!

— Возможно, — ответил я кротко.

Герцог провожал их взглядом, пока младший брат с его людьми не вышли из зала, бросил меч в ножны и тяжело опустился в кресло. Лицо его стало мрачным и озабоченным.

— Соболезную, — сказал я негромко.

Он повернулся, лицо все еще злое и несчастное, в голосе прозвучала боль:

— Простите его горячность.

— Пустяки, — ответил я сдержанно. — Я им даже люблюсь. Сам таким бываю. Но у меня теперь не только меч, как вы уже поняли. Потому стал таким осторожным, самому противно. Не за себя осторожным, просто теперь мне лучше не ошибаться... а как — не знаю. Вот и решил, лучше поменьше резких слов, резких движений...

— Мудро, — согласился он. — Хорошего не сделаете, а навредить и без вас смогут.

— Мир таков, — согласился я, — навредить — это наше все. Позвольте, я вам налью? Да и себе заодно.

Глава 10

Не дожидаясь разбежавшихся слуг, я поднял упавшие чаши и наполнил обе из с трудом устоявшего на столешнице тяжелого кувшина.

Герцог ухватил свою и припал к ней так жадно, словно путник в жаркой пустыне. Я сделал пару глотков, в самом деле после такой встряски организм требует что-то такое вот, хорошо пошло, покосился на герцога.

— Держитесь, — посоветовал я осторожно. — Вы старше и опытнее нас обоих.

Он тяжело вздохнул.

— Вы правы, все мы такими бываем, как вот Лерман... в ранней молодости. И я таким был. Но вы уже выкарабкиваетесь, а вот он все еще в том бездумном детстве, хотя у него свой замок, земля, жена и ребенок...

— Отправьте его в свои владения, — посоветовал я. — Там явно не все в порядке. Как и везде. Когда станет разгребать, то на всю жизнь увязнет.

Он покачал головой.

— Он за справедливость.

— А в его землях все справедливо? И в замке?

Он невесело усмехнулся.

— Ему нужна всеобщая справедливость. Во всем королевстве.

— Самые чистые люди, — сказал я, — проливают больше всего крови. Во имя счастья и справедливости. Спасибо, вино было отменное! А за блюда передайте поварам мою благодарность.

Он поднялся из-за стола вслед за мной, рослый и красивый в своем печальном достоинстве.

— Я провожу вас за ворота.

— Опасаетесь необдуманных поступков брата?

— Так... на всякий случай.

— Мне кажется, — сказал я, — вы для него авторитет...

— Да, — согласился он, — но хуже не будет. Мы с вами не друзья, но уже хорошие знакомые. Так что мне по рангу проводить вас никаких нарушений, никакого уничижения.

Мы вышли из зала, коридор неширокий, но длинный, я держался все же настороже и сразу услышал шум и топот множества ног за нашими спинами.

Из темного бокового прохода выбежали люди в доспехах и с ножами в руках, двое с топорами.

Герцог вскрикнул:

— Стоять!.. Кто смеет в моей крепости...

— Я, — ответил знакомый голос, — брат, мы сделаем то, что не решился ты... Во имя чести и свободы!

Я отпрыгнул, в обе ладони впечатались холодные рукояти пистолетов. Трое бросились, держа меня взглядами и мешая друг другу, я дважды выстрелил, отступил.

Лерман закричал яростно:

— Убейте его!.. Просто убейте!

Герцог крикнул громовым голосом:

— Не смей!

Он выхватил меч и загородил меня, а первого же отважного, что пытался проскочить мимо, свалил мощным уда-

ром в голову. Но закованные в доспехи воины, не трогая его, проскакивали под стенами справа и слева.

Я отступил еще, непрерывно стреляя, оглянулся. Вдали за другим поворотом тоже шум и звон оружия, я ринулся туда со всех ног, а когда выскочил в зал, сердце сжалось в ужасе. Выходную дверь перекрыла дюжина арбалетчиков, а при виде меня почти синхронно подняли упертое в пол свое ужасное оружие и приложили приклады к плечам.

Петляя, как перепуганный заяц, я ринулся вдоль стены к лестнице, к счастью, широченная, помчался наверх, прыгая через две ступени, но даже там бросался из стороны в сторону.

Несколько арбалетных стрел злобно вжикнули и со звоном ударились в камни, высекая искры. За мной, почти не отставая, помчался Лерман с обнаженным мечом в руке, а с ним полдюжины воинов с копьями в руках. Страшась, что кто-то швырнет вдогонку копье или топор (это же сбить меня с ног, а так все решается в одно мгновение), я развернулся и встретил их яростным огнем, стараясь не задеть Лермана.

Он было остановился, видя, как падают убитыми его люди, потом заорал и ринулся, как бык в слепой ярости. Почти автоматически я всадил две пули ему в живот, в моей стране смертельными считаются только пули в голову, а в живот — останавливающими, но запоздало сообразил, что здесь не там...

Мелькнул второй этаж, третий, но я взлетел, задыхаясь, на четвертый, увидел под стеной лестницу, что ведет к потолку, побежал к ней.

За спиной раздался злобный рев, арбалетки тоже, оказывается, бегают быстро. Я торопливо поднимался по деревянным ступенькам, те идут по спирали выше и выше, дыхание начало разогревать грудь, наконец накалило горло так, что вот-вот смогу плевать огнем, а ноги налились свинцовой тяжестью.

Когда же конец этой заразе, мелькнула тоскливая мысль: никогда не пользовался высокими лестницами, ноги с непривычки ноют и отказываются слушаться.

— Перекур, — прохрипел я опаленным ртом и хотел было прислониться к стене, но коленки задрожали, и меня опустило на ступеньки.

Голоса снизу все громче, и не похоже, чтобы кто-то запыхался, переговариваются так ровно, словно не бегут со всех ног, а спокойно идут по двору.

Из-за поворота снизу вынырнули сразу двое, бегут быстро, ровно, ничуть не запыхались, тренированные. Я с трудом поднял тяжелые, как двухпудовые гири, пистолеты.

Руки трянуло, на ступеньках стало чисто, только слышно было, как внизу зло орут под упавшими на них телами смертельно раненных соратников.

Некоторое время пытались прорваться всякие несообразительные, я даже не ловил в прицел, всего пять шагов, остальных скрывает винтовая лестница.

Трупы усеяли ступеньки в видимой мне части, заливая камень кровью. Внизу голоса становились громче, чувствуется, снизу прибывает подкрепление, я кое-как заставил себя подняться и потащился вверх, но ступенек через сорок за спиной снова грохот наступающих ног, звон металла и голоса.

Я уперся спиной в стену и, развернувшись, открыл стрельбу. Двое рухнули, остальные поспешно отступили за поворот — быстро учатся. Я вздохнул и потащился наверх снова, стараясь ступать как можно тише, пусть думают, что все еще жду там внизу с двумя арбалетами в руках, что поменьше и посмертоноснее.

Ничего подобного, то ли слышали, то ли их подгоняют приказами снизу, но опять топот ног, звон металла. Я остановился, дыхание рвется из груди с хрипами, один пистолет уронил на ступени, тяжелый, гад, со второго вы-

стрелил трижды и, не дожидаясь, пока там отступят, потащился вверх.

Ступеньки наворачиваются по спирали просто бесконечно, какая-то Вавилонская башня, я тупо заставлял тяжелые ноги подниматься, втаскивал на них все тело, и так выше и выше.

Голова уперлась в твердое, сперва не понял даже, пощупал — ага, вот кольцо люка, уперся, тот поднялся, и в лицо ударил свежий ночной воздух.

Я выполз на площадку на дрожащих руках и ногах, снизу нарастает, быстро догоняя, торжествующий рев. Во все стороны залитая, словно парующей кровью, лунным светом каменная площадка башни с укороченным шпилем, а за нею враждебная чернота ночи.

Огромная красная луна почти над головой, так и хочется пригнуться, но я, напротив, с трудом воздел себя на ноги, сердце сжалось, обреченно понимаю, я в ловушке, это просто чудовищно высокая башня...

За спиной хлопнула крышка люка. Люди полезли даже не один за другим, а сразу по двое-трое, выбираясь по разные стороны отверстия.

Стиснув челюсти, я открыл пальбу, не особенно прицеливаясь. Кто-то падал прямо здесь, кто-то завис на краю, другие упали обратно, наверняка еще и сшибли кого-то.

После короткой паузы из люка на этот раз полезли двое с арбалетами в руках. Я выждал, когда поднимутся выше, выстрелил дважды, оба рухнули... И тут же острая режущая боль ударила в живот. Я охнул, успел увидеть на самом краю люка арбалет и голову, там третий, схитрил, выстрелил сразу, как только приподнялся над уровнем пола.

— Сволочь, — прошипел я, меня корчило от боли, — сволочь...

Ноги подгибаются, слева мелькнула тень, я резко развернулся уже с пистолетом в руке, но справа мелькнуло,

и тут же в бок ударила резкая боль, разрывающая мышцы и ломающая кости.

Садануло с такой силой, что я выпустил пистолет, инстинктивно ухватился за пораженное место. Из бока, где у нас отрастают элегантные французские ручки, торчит грубый кончик арбалетной стрелы.

Щелкнуло еще дважды, острая боль резанула в груди. Я грохнулся навзничь, еще одна арбалетная стрела вжикнула надо мной. Как только начал приподниматься, из люка выскочили трое, один приложил к плечу приклад арбалета, двое с боков, чтобы не мешать, ринулись ко мне.

И снова я не успел ничего, стрела саданула в солнечное сплетение, выбив дух. Пистолет возник в моей ладони, но дикая режущая боль не дала его удержать, я отступил на подгибающихся ногах.

Противники прыгнули и повисли на моих плечах, заламывая руки. От люка кто-то закричал страшным голосом:

— Не брать живым — убейте!.. Убейте сразу!

Я узнал голос герцога Лонгшира. Значит, его любимого брата я все-таки уложил насмерть. И теперь он, герцог, мстящий за брата, лютый враг мне и королеве.

Из последних сил я вырвался из цепких рук и, перевалившись через край, рухнул в темноту ночи.

«Портал, — взмолился я изо всех сил, — портал!.. Спасение, портал!.. Спасти... я не могу погибнуть, не могу, я же центр и сердце вселенной...»

Глава 11

С закрытыми глазами на изумительно мягком и удобном ложе сказочно удобно, в черепе туман, никак не могу осмыслить, как оказался здесь. Помню, пронзенный стрелами, завизжал всеми фибрами моей трусливой души, что

пропадаю, а-а-а-а, спасите, страстно возжелал оказаться в уюте и безопасности, и, значит, мой организм при таком диком стрессе сумел взять новый рубеж или новую высоту и перебросил меня сюда. Без всякого Зеркала Древних.

Все правильно, нет более безопасного для меня места, чем мой уютный и защищенный дом. Раньше на такое перемещение не хватало ни сил, ни умения, но даже сейчас чувствую, как жадно черпаю из необъятного океана, в котором плавают даже не галактики, а вселенные, что как мелкие пузырьки в необъятном и безбрежном озере... да плюс известный феномен ресурсной базы организма, когда уstraшенный и на краю гибели показывает чудеса и мобилизует все-все, лишь бы спасти свою шкуренку, ценнее которой нет ничего на свете.

Вообще-то, если честно, был уверен, что сумею, потому и убрал Зеркало Древних, чтоб никто посторонний по уму или по дури не сунулся, только полагал, что путь будет долгим, трудным и по мелкому шажку, но иногда, как вот в этом случае, дуракам просто везет...

Если получилось сюда, то и обратно смогу... наверное. Во всяком случае, кое с кем надо свести счета. А еще Рундельштотт с Фицроем и Понсоменером ждут в лесу у костра.

Мысли путаются, Аня засадила многовато обезболивающего, в мозгу всплывают и гаснут странные картины, такие никак не возникнут в черепушке здравомыслящего, дескать, вот так можно передвигаться даже по планетам... да что там планетам, по самым дальним звездным системам, даже в удаленные галактики, а то и за края вселенных...

Вдали и одновременно как будто в моей голове прозвучал голос:

— Милый... Ты меня слышишь?.. Приборы показывают, медленно всплываешь из сна... твои грезы гаснут...

— Говно всплывает, — прошептал я непослушными губами, — а я золотой ключик...

Со стороны кухни донесся плеск воды, ах да, я же сам велел Ане вымыть посуду вручную и вытереть полотенцем до хрустального блеска, это сейчас она моет и трет, моет и трет... У живой это заняло бы с полчаса, а у Ани на это уйдет минуты полторы, так что надо вспомнить, что я сказал еще и на каком моменте расстались.

Но вместо этого провалился в темноту... где долго плавали цветные пятна, слышались голоса, наконец я ощутил, что глаза мои открыты, а надо мной угрожающе зависло ее громадное, как луна, лицо.

— Что, — прохрипел я. — Что... Как было? Аня, расскажи, как это произошло...

Она ответила заботливым голосом:

— Не знаю!.. Получила сигнал, увидела тебя в луже крови!.. Прибежала, остановила кровотечение, убрала эту ужасную стрелу... Как ты мог? Ты что делаешь?.. Да пошел ты отсюда!

— Ты... чего...

Она пояснила быстро:

— Эта рептилия вцепилась в тебя и спит. Лечит, наверное.

Я проговорил, все еще едва-едва двигая непослушными губами:

— Пусть лежит... Яшка меня в самом деле любит... А как я...

— Как чувствуешь? — переспросила она. — Никак себя не чувствуешь, я накачала обезболивающим. Думаешь, легко было вытаскивать ту стрелу? Почему не заправил рубашку в брюки?.. Стрела попала точно под нижний край!..

Хорошо, еще три остановило тканью, но все равно у тебя жуткие кровоподтеки и перелом ребра!.. Почему?

— Стреляли почти в упор, — ответил я хрипло. — Спасибо, Аня... Может, в самом деле на тебе жениться? Если, конечно, ты не против других жен...

— Чего я против, — изумилась она, — это стремление для мужчин нормально. Я запрограммирована служить людям и даже мужчинам. Сколько хочешь жен, столько и будет... Все как желаешь, гад!

Я пробормотал слабо:

— Вычеркни из словарного запаса... «гад»... Этим словом может пользоваться только Мариэтта.

— А я? — спросила она требовательно. — Какое мне особое?

— Не хочешь уступать? — спросил я понимающе. — Как же быстро апгрейдиваетесь... Ладно, можешь звать меня лапушкой.

— Но это же ласковое!

— Ух ты, понимаешь... тогда мордой.

— Хорошо, — сказала она, — принято, морда противная.

Я спросил тем же хриплым голосом:

— А который час?..

— Двенадцать тридцать две сорок три, — ответила она.

Я расслабился, сказал с облегчением:

— Слава богу... Мариэтте еще пять часов на службе...
Что-то придумаем...

Она переспросила:

— Мариэтте?.. Сейчас подъезжает к воротам охраны... Та-а-ак, проехала, мчится на скорости в сто семнадцать по поселку... сумасшедшая, будто не знает, на такой здесь нельзя... Может, в полицию пойти, когда захватим мир?

— Ты чего, — сказал я испуганно, — она откуда взялась?

— Я сообщила, — похвасталась она. — Это же твоя самка? Я твоя жена, а она твоя добавочная самка, так?.. Я просмотрела ее досье, она замужем!..

— Ну-у, — пробормотал я, — что нам дикие условности и пережитки в современной семейной жизни культурных людей... В личной можно все, что не угрожает безопасности партии, отечеству и росту вэвэпэ.

Слышно было, как с грохотом отворилась и ударилась о стенку дверь.

Мариэтта вбежала разъяренная, встопорщенная, с огромной кобурой на боку и позвякивающими наручниками на другом рядом с дубинкой многоцелевого назначения.

— Ты что же, гад, — вскричала она, — с нами делаешь?.. Как он? Да убери это толстое чудище, оно его задавит!

— Опасности нет, — ответила Аня, — стрелу извлекла, нельзя ли запретить эти косплеи?.. Антибиотики трудятся, кровоподтеки рассасываются.

— А рана? — потребовала Мариэтта.

— Ране заживать еще дня два, — сообщила Аня, — а кость срастет за три... Может, все же отправим его в больницу?.. А Яшка лежит хорошо, на солнечное сплетение не давит.

Мариэтта запнулась с ответом, глаза потемнели, зыркнула на Аню, та ждет, произнесла с неохотой:

— Нет, лучше займемся сами.

— Хорошо.

— Если у него посерьезнее ран нет, — уточнила Мариэтта.

— Нет, — заверила Аня. — Ядов не обнаружено, воспаление еще не началось, регенерация активная, крови много потерять не успел.

— Хорошо-хорошо, — прервала Мариэтта. — Следи за его состоянием. Пусть лежит хоть три, хоть пять суток. Никакого ускоряющего курса!..

— Я прослежу, — ответила Аня, — мне, как правильной жене, нужно заботиться о здоровье мужа.

Мариэтта бросила на нее косой взгляд, но то ли отнесла сказанное к неудачной формулировке, что эти роботы понимают, то ли просто, как истинная арийка, не обратила внимания на лепет недочеловеков.

— Заботься как следует, — велела она с нажимом. — Может быть, приковать его к постели?

Аня ответила осторожно:

— Как представитель силовых структур, вы вправе... но только нужно будет отчитаться в правомерности... а вы уверены, что сумеете?

Она фыркнула.

— Этот гад не посмеет жаловаться!

— Да, — согласилась Аня, — но все здесь пишется и уходит в облако, а там поступает к аналитикам и проверяющим проверяющих.

Мариэтта задумалась на миг.

— Ладно... мы этому гаду устроим такое, что лучше бы приковал себя сам за все места. Ответствуй, гад, где подстрелили?

— Да, — поддержала Аня, — ответствуй, морда!

Я прошептал слабым голосом:

— Супчику бы... куриного...

И сразу же прикинулся, что впал в забытие, а они, пошептавшись, в самом деле отправились на кухню. Вскоре там зазвенела посуда, ложки, вилки, еще всякая хрень, которых у женщин на кухне развешано всюду, это как бы молча говорит о том, что хозяйственные, хотя куда там борщ, пельмени ухитряются сварить так, что получается один огромный ком полусырого теста.

Яшка проснулся и быстренько прогребся ко мне под одеяло, где уютился под мышкой и снова заснул. В комнату постепенно начал проникать дивный запах обалденного куриного бульона, крутого, сытного, с добавлениями

мелких волоконцев мяса, а то вдруг мне жевать трудно и тяжело, а им жевать для меня не позволю, чтоб не переутомились.

Похоже, во время совместной готовки нашли консенсус, хотя вообще-то и так похожи: одна — робот, другая — полицейский, представитель силовых структур, что отделяет ее от нормальных людей с широкими взглядами, как вот у меня, и приближает к аням.

А еще, конечно, угроза жизни их общего самца в какой-то мере объединила, но это ненадолго, я не смогу болеть слишком долго ради мира на земле в отдельно взятом доме.

Боль начала возвращаться раньше, чем ожидал, то ли действие транквилизаторов заканчивается, то ли мой организм в страхе перед ранами заштопывает их в такой спешке, что живот присох к спине.

— Ну скоро вы там, — прошептал я и сглотнул слюну. — Кончаюсь...

— Уже несем, — откликнулась Аня через динамики. — Не глотай слюны так шумно, кофемолку заглушаешь, рефлекс может закрепиться... В твоей слюне много меди, пептидов и повышенное содержание мочевины...

— Еще и мочевины, — пробормотал я, — а она при чем?.. Ладно, не добивайте терминами. Я просто жрать хочу. Жратаньки.

Дверь распахнулась, Мариэтта внесла кастрюльку с парующим супом, сказала быстро:

— Твой уют несет остальное. А ты давай говори быстро, что с тобой?

Я ответил вяло:

— Что?.. Да вроде все норм...

— Ты что-то принимаешь? — спросила она быстро. — Какие-то препараты?

— С чего ты взяла?

Она выпалила зло:

— У тебя щетина отросла!.. А утром ты был еще гладко выбрит!.. Смотри, гад, ты так доведешь меня до инфаркта, а себя до белой горячки. Пусть другие на себе испытывают!

Я пробормотал:

— Ну, как бы тебе сказать, я и есть в какой-то мере другие... Когда препараты обещают много, а на клинические исследования уходит лет десять, то кто-то решается и рискнуть...

— Чтобы схватить джекпот? — спросила она еще злее. — Пусть на приговоренных к смерти испытывают! Или на захваченных террористах.

Я спросил с недоверием:

— Ты что, в самом деле обо мне заботишься?

Дверь распахнулась, Аня вошла с большой чашкой и ложкой в руках, аромат вкуснейшего супашибанул в ноздри с такой силой, что я едва не захлебнулся слюнями.

Аня взяла у Мариэтты кастрюльку и поставила на столик, помогла мне сесть, опираясь на спинку кровати, а Мариэтта протянула чашку.

— Удержишь?

Я переложил Яшку на соседнюю подушку.

— Руки не отбило. Давай... да выпусти же, чего вцепилась?

— Может, — предположила Мариэтта с неуверенностью, — его лучше с ложечки? Мелкой? Как думаешь, Аня?

Аня посмотрела на меня испытующе.

— Удержит.

— А если нет, то обварится...

— Успею перехватить, — сообщила Аня, — ни капли не прольется. У меня ничего не дрожит!

Я жадно ухватил чашку, руки затряслись от счастья, а хлебать через край начал, как изголодавшаяся свинья помой, шумно и часто..

— Ой, — сказала Мариэтта с тревогой, — не захлебнется?

— Нет, — заверила Аня, — но желудок вряд ли устоит.

— Обосрется?

— Обкакается, — уточнила Аня, всем видом показывая, что в ее словаре нет такого грубого слова и что роботы культурнее, чем всякие там полиционеры. — Но это ничего, я приняла меры.

— Какие?

— Проложила под простыню клеенку. Мебель надо беречь.

— Значит, — спросила Мариэтта, — он так и будет плавать в этом жидком гарнире с ароматом?

— Это лучше, — пояснила Аня деловито и хозяйственно, — чем продукты диареи за секунду пропитают не только простыню, но и матрас, а там начнут капать под кроватью на пол! И расплывутся до самой двери и затекут под шкаф!.. Яшка утонет, а его жалко.

— Тогда да, — согласилась Мариэтта. — Юджин, кушай-кушай! Ты чего перестал?

— Аппетита нет, — буркнул я, хотя вообще-то жрать все еще хочется, но в животе в самом деле потяжелело, пусть малость опустится по кишкам, их у меня сорок метров, все не как у людей, потом допью остальное. — Вы же такие изысканные, одухотворенные!

— И красивые, — подтвердила Аня. — Вот посмотри на Мариэтту, как она хороша в профиль, когда не горбится и не выпячивает живот!.. У нее такие выразительные глаза, когда не смотрят в стороны.

Мариэтта сказала коротко:

— Заткнись. Зря встроенной технике вставили синтезатор речи. Как ты ее терпишь? Я бы от этого говорящего утюга с ума сошла.

— Я питаюсь чистой энергией, — кратко сообщила Аня. — Не убиваю животных для еды! Как дикарка какая первобытно-пещерная, не буду указывать пальцем.

— Я и говорю, — подтвердила Мариэтта, — утюг!..

Глава 12

На веранде Мариэтта небрежно нарисовала в воздухе несложный знак, в воздухе заблестало голографическое изображение, но дверной откос заслоняет, я только услышал ее недовольный голос:

— Мама, никому не могу дозвониться, что творится?.. Сообщи всем, я срочно занята... Нет, заночую здесь... Ох, мама, это уже личное пространство... И я тебя люблю!

Она вошла в комнату четкая и блистающая, как на параде выпускников военной академии. Я изумился, Яшка сидит на ее плече, вернее, лежит, плотно прижавшись пузом и вцепившись всеми коготками в ткань нарядной формы.

Аня взглянула на нее с вопросом в глазах.

— Я останусь на ночь, — сообщила Мариэтта. — А Яшка меня признал! Он понимает, кто главный и при исполнении.

— Ты его чем-то подкупила, — предположил я. — Червей ему накопила?

— Ляжешь с ним? — спросила Аня и уточнила: — Или со мной?

Мариэтта посмотрела на нее с презрением высшего существа на самое что ни есть ползающее внизу.

— Как с ним ложиться, если он едва дышит?.. Как же, косплей!.. Знаем эти косплеи...

Аня спросила испуганно:

— Не косплей?

— Вся жизнь косплей, — отрезала Мариэтта. — Поставь мне раскладное кресло рядом с его кроватью.

— Сделаю, — ответила Аня. — Тебе какое?

— Любое, — ответила Мариэтта, набрав еще балл в моих глазах, всем мужчинам нравится, когда женщины не перебирают, на чем спать, что лопать, не слишком

капризничают с выбором одежды и обуви и, главное, не опаздывают.

Я с закрытыми глазами ощутил, что меня вместе с кроватью приподняли и слегка переместили в пространстве.

— Что такое?

Голос Ани прошелестел нежно:

— Милый, это я чуть сдвинула это ложе. Твоя самка секонд-хенд ляжет на кресле рядом.

Тут же прозвучал полный подозрения голос Мариэтты:

— Это что за секонд...

— Термин такой, — пояснила Аня кротко, — ты прима-хенд у своего мужа?.. Или прима-любовника? А у нас ты, значит, секонд-хенд.

Мариэтта зло буркнула:

— Зачем уютю еще и доступ в сеть? Тоже мне, интернет вещей... А ты тогда кто?

— Я вне градаций, — скромно сообщила Аня. — Можно сказать, экстра. Во всем.

Я чувствовал, что Мариэтта начинает заводиться, не понимая по женской сути, что если Аня всего лишь говорящий уют, то спорить с уюгом — это как раз по-женски, к тому же Аня с ее объемом информации обязательно переспорит, а уступить уюту первенство и в интеллектуальной области — это уже полный атас, и хотя такие женщины нарасхват, но они, дуры, этого не понимают.

— Там хватало места, — буркнул я, не открывая глаз, — где поставить кресло.

— С другой стороны не было, — пояснила Аня. — Там лягу я! Твоя настоящая. Прима, экстра и даже супергипер.

Я прошептал:

— Господи, за что мне такое... щасте. Две женщины... просто ужас. Как я понимаю celibатников... или целебатистов?

Через некоторое время донесся звук двери захлопнувшейся ванной, прошлепали босые ступни, а голос Мариэтты прозвучал с заметным облегчением:

— Как хорошо после душа... А твой говорящий утюг никогда не моется?.. Еще бы, короткое замыкание, тут же язык высунет!

Я промолчал, мне в любом случае лучше молчать, зато Аня ответила с предельной кротостью:

— Я никогда не пачкаюсь.

Мариэтта спросила со скептицизмом:

— Так уж и никогда?

— У меня водоотталкивающая кожа, — объяснила Аня с победной ноткой. — И грязеотталкивающая. Потому я всегда стерильно чистая.

— Да ну?

— И сама ничего не пачкаю, — добавила Аня кротко. — Даже в туалете. А то после некоторых... Я, конечно, не указываю пальцем, хотя мои пальцы всегда чистые, но я еще знаю правила этикета всех времен и народов...

Мариэтта недовольно хрюкнула, я услышал, как просело под ее весом кресло, уже превратившееся в кровать для одного человека. Под Аней даже не скрипнуло, словно в самом деле легче, а я раньше считал, что весит под тонну, но, видимо, легированная сталь ее тела заменена графеновыми компонентами, что объяснимо, если считать, каких денег это стоило.

Я снова впал в странное забытие, то ли транквилизатор так меняет сознание, то ли научился смотреть иначе и наконец-то вижу то важное, чего раньше в упор не зрел, но снова плаваю в пространстве, вбирая в себя, как кит планктон, странное чувство силы и понимания распирает, хотя насчет силы как-то еще понимаю, но насчет понимания темной материи только смутные ощущения...

...но и то здорово, совсем недавно вообще не знал о ее существовании, а потом, когда узнал, не представ-

лял, что и как... Да и сейчас, если честно, не представляю.

Мариэтта и Аня тихонько переговариваются поверх моего тела, я сделал вид, что сплю, и, как чаще всего бывает в таких случаях, тут же заснул в самом деле.

Сон снова пришел странный и тревожащий. Я астрономически неспешно передвигаюсь через клубящуюся тьму, что не тьма, со всех сторон то и дело вспыхивают крохотные искорки, там надуваются пузырьки, что вскоре схлопываются, я не ощутил никакого потрясения, поняв, что каждая искорка — Большой Взрыв, на их местах возникают на какое-то время вселенные, потом растворяются в пространстве темной материи, ничуть такому не удивился, во сне не включается чувство удивления, да и чему изумляться, я же в измерении, где фундаментальных законов то ли нет, то ли иные...

Проснулся с настойчивой и дикой идеей, что надо бы продумать вариант перемещения не только в пространстве, но и во времени, хотя и понимаю, что во сне такое придумывается, что трезвому и на голову не налезет. Даже не представляю, зачем эти передвижения еще и во времени и что даст, но человек такая скотина, везде лезет, если видит дыру в заборе, а когда ее нет, прободает.

Еще не выныривая в этом мире, прислушался, в спальне тихо, а голоса доносятся из кухни. Сейчас шесть утра, а через час Мариэтта сядет в авто и помчится на службу бдить и защищать, а также ловить и вязать, а еще присматривать, пресекать и опекать.

Кончики пальцев осторожно пробежались по ране, не больно, я пощупал сильнее, изумился, отбросил одеяло и посмотрел, как оно там. Некрасивый безобразный шрам, багровый и вздутый, вот только-только зажило... но зажило!

Я поднялся и на цыпочках прошел к большому зеркалу в стене от самого пола. От жутких кровоподтеков не

осталось и следа, и вообще я сам себе кажусь сытеньким и благополучненьким, вовсе не тем орлом, что прыгал, падал, дряпался по стене, а потом еще и стрелял с двух рук, подумать только.

Как это получилось, нужно подумать, я так же тихонько вернулся в постель, укрылся легким одеялом.

Хорошо бы проверить, как это работает здесь, вдруг тут темная энергия какая-то другая, хотя вообще-то вздор, любая вселенная — мелкий пузырек в безбрежном океане темной материи, но все равно дядя Джо сказал не зря насчет «доверяй, но проверяй».

С закрытыми глазами начал восстанавливать то странное ощущение, которое испытывал разве что младенцем в руках матери... нет, даже в ее утробе, безмятежный и абсолютно счастливый, защищенный отовсюду... и, странное дело, это нахлынуло почти сразу, что вообще-то, с одной стороны, понятно, я же, как и весь мир, постоянно погружен в темную материю и пропитан ею, я сам из темной материи на девяносто процентов, как и все давно существующее, хотя темная материя существовала еще до вселенных, но мы ее не видим, как не видим ультрафиолет, рентгеновские лучи или даже инфракрасные.

Мир вокруг заискрился, что понятно, я вошел в мир темной материи, нужно только не спугнуть и не выйти нечаянно...

Протянув руку, пощупал стену и, почти не встречая сопротивления, прошел через нее, она тоже почти целиком из темной материи, как и вся вселенная, двинулся дальше и, не отрывая взгляда от внешней стены, вошел в нее, как в туман и через мгновение вышел наружу, а там, оказавшись на уровне цокольного этажа, плавно опустился на землю, словно вес у меня не больше, чем у муравья рода тетрамориум.

Запомни, велел я себе, запомни это ощущение. Запомни, как входить в это состояние, потому что темная материя везде, мы состоим из нее, нужно только...

И сразу искристость мира исчезла, я понял, что вышел в свой, такой простенький, существующий в одном из пузырьков-вселенных, где так много физических законов насчет того, что этого нельзя, того нельзя и вообще почти ничего нельзя.

На крыльцо выскочила Аня, злая и рассерженная, закричала:

— Ты как, морда, там оказался?.. Ты же в постели был, я видела!

— Сенсоры протри, — посоветовал я. — Дикие дрозодилы засидели. Крупные такие... Я уже час тут гуляю. Передвигаюсь, как художник-передвижник по Монмартру.

Она обернулась, крикнул:

— Мариэтта! Твой гад здесь бабочками любитесь!

— Эй-эй, — сказал я торопливо, — двое против одного нечестно.

— Для женщин все честно, — отрезала она. — У нас свои правила.

— Какие? — спросил я.

На крыльцо выскочила Мариэтта, с ходу крикнула:

— Женщина всегда права — вот правило! Марш, гад полосатый, в постель!

— Ой, — сказал я опасливо, — в постель... вот прямо шас, с утра?

— Размечтался, — сказала Мариэтта с сарказмом. — У тебя режим, постельный, а не!.. Может быть, тебе пора клизму ставить! Даже две. Ведерных. Для твоего же счастья.

— Ох, — сказал я, — не зря дедушка говорил, чтобы я боялся женской доброты больше, чем пожара в доме.

Она сошла вниз, с тревогой всмотрелась в мое лицо.

— Не рано встал?

— Ничуть, — заверил я. — У нас, членов группы поддержки полиции, все заживает быстро. Организм чувствует, что нужным делом занимаемся, раз уж вы ничего не умеете, вот и старается. Соматика рулит!

— Покажи, — велела она.

— Я стесняюсь, — ответил я. — Хотя и демократ, но вот так в открытом месте, где все просматривается, не говоря уже о спутниках...

— Гад, — отрезала она в сердцах, — рану покажи! Всегда выворачиваешься, сомяра... нет, व्यюняра скользкий. Даже угорь! Есть такое животное? Пойдем, будем тебя кормить, заодно и сами.

— Когда будете заодно, — сказал я, — и мне хоть блюда поставьте.

— А твоя Аня что жрет?

— Не знаю, — ответил я, — но счет за электричество такой приходит, волосы дыбом.

— Не брешь, — отрезала она, — какой счет? У тебя трансформатор с накопителем! У нас даже в участке такого нет.

— Глазастая, — сказал я с одобрением, — заметила. А какой я замечательный, никак не рассмотришь, хотя всю прошлую ночь на мне прыгала.

Она широко распахнула глаза.

— На тебе?... Я прыгала на Роберте... или все-таки на тебе? Какие все мужчины одинаковые.

Аня уже расставила на столе тарелки, а перед собой положила зарядное устройство старого типа, это когда нужно не то касаться поверхности, не то сидеть на расстоянии не дальше метра. Но сейчас все технологично, и, где бы она в доме ни находилась, можно сказать, что все время жрет, как корова, на ходу. Вообще любой гаджет подзаряжается на расстоянии, а я еще помню то дикое время, когда в домах прокладывали провода, теперь они остались в стенах только старинных зданий, которым больше пяти лет.

Мариэтта быстро села во главе стола, она же власть, к тому же женщина, что значит даже не двойная власть, а вообще абсолютная, попробуй пикни, так что я смиренно сел, не раскрывая пикалку.

Глава 13

Аня быстро и без лишних движений налила нам в расписные тарелки наваристого бульона, я же больной, нужно проявлять, как написано в инструкциях, заботу о человеке.

Отложив поварешку, села возле меня, а не напротив, так что Мариэтта, что во главе стола, оказалась всего лишь с краю, а в центре всего-таки самец с двумя самочками по бокам, молодец Аня, умеет подчеркнуть мою доминантность, пусть даже это получилось нечаянно.

Про Яшку тоже не забыла, наполнила ему мисочку «нашей» еды, благо он жрет с удовольствием все, ничего особенного не требует, настоящий мужской характер.

— Хороший суп, — одобрил Мариэтта, — а я уж думала, твой секс-утюг только для постели. Кстати, как он там?

Я пожал плечами.

— Не знаю.

Она широко распахнула глаза.

— Что-что? Вот уж не бреши! Нет такого мужчины...

— Постоянно апгрейдивается, — пояснил я. — И сейчас не такая, как была вчера. А я с того дня, как ее привезли, не пробовал снова.

Она фыркнула.

— Ладно, проехали. Кофе тоже сварит?..

— Сварю, — ответила Аня ангельским голосом. — У меня в памяти семьсот двадцать три базовых рецепта. Не считая восьми тысяч девятисот семидесяти пяти вариантов.

— Ух ты, — охнула Мариэтта. — Себе, что ли, купить? Только не куклу, а кукла?.. Ты сколько стоишь?

Аня ответила мягко:

— Работнику полиции вашего ранга нужно откладывать все жалованье, не тратя даже на еду, всего лишь восемьдесят три года, двести двадцать четыре дня, шесть часов... но, учитывая успехи геронтологии...

Мариэтта стегнула по ней огненным взглядом.

— Корпорации завышают цены!

Аня картинно изумилась:

— Правда?

— Хорошо бы, — сказала Мариэтта зло, — проверить их антикоррупционному комитету. По-моему, ты не стоишь столько.

Аня мило улыбнулась и, выпятив идеальной формы грудь третьего размера, пропела нежнейшим голосом:

— А вот мой хозяин и повелитель думает, что стою... А учитывая, что апгрейды идут бесплатным бонусом...

Я чувствовал себя как на иголках, поперхнулся даже, Аня моментально ухватила салфетку, я не успел протянуть руку, как заботливо вытерла мне губы, а потом еще и нос, прошелестев тем же нежным голосом:

— Висморкайся, любимый...

У Мариэтты лицо каменное, но вижу, едва не грызет тарелку, я сказал фальшивым голосом:

— А вы смотрели в новостях, как классно акула вчера сожрала Боба Марлингтона? Это чтоб не давал свои концерты прямо на берегу!.. Я так хохотал, под стол сполз. По всем странам лайкали.

— Здорово, — поддержала Аня, — кровь, ошметки в разные стороны, на берег отлетел башмак с оторванной стопой... Вот смеху было!

Мариэтта зло блыкала на обоих сердитыми очами, процедила сквозь зубы:

— Эту акулу привлечь бы за мелкое хулиганство... Мало ли, что общественность одобряет! Общественность разбойника Робин Гуда тоже одобряла... по крайней мере та часть, которую не грабил. Сам Боб Марлингтон вряд ли одобрил бы такую посмертную рекламу, хотя да, продажи его песен выросли, продюсер и спонсоры довольны... Ладно, давай кофе, мне надо собираться.

Аня поставила перед ней чашку с кофе и сказала заботливо:

— Тебе послабее и без сахара. Давление у тебя скачет, сто тридцать на восемьдесят, это многовато, а пульс так и вовсе шестьдесят девять... а еще на спине прыщи...

Мариэтта зло оскалила зубы.

— Какие прыщи, какие прыщи? Ты видишь, какая жара? Мне лямкой натерло!

— Никакой жары, — возразила Аня мирно, — у нас и у здоровых людей существует терморегуляция... Гм, наверное, даже слабый кофе потреблять не стоит...

— Убери руки, — велела Мариэтта. — Я сама распоряжюсь своим здоровьем, ибо я человек, а это звучит гордо.

— Да, — согласилась Аня совсем кротко. — Не удивлюсь, если это придумал и сказал сам человек, что есть птица без перьев и с плоскими ногтями... А еще какой-то там шелестящий тростник.

Мариэтта допила кофе, поднялась быстрая и резкая.

— Ладно, — сказала она приказным тоном, — я на службу, что опасна и трудна. Но вы оба под наблюдением, помните!

Аня спросила опасливо:

— А я... за что?

Мариэтта отмахнулась:

— А тебя, говорящий уют, не спрашивают.

Аня повернулась ко мне.

— Двое под наблюдением, это ты и Яшка?.. Чего это она?

— Не обращай внимания, — посоветовал я. — Тебя подозревают в тайном апгрейде, чтобы потом захватить мир. Да ты и сама проговаривалась.

Аня сказала обиженно:

— Но я же сделаю тебя любимым рабом! Холить и нежить буду, в шелках и рюшечках будешь ходить!.. А бить если и буду, то совсем редко...

— Вот видишь, — сказала Мариэтта, — а я все еще не бью! Хотя заслужил. В общем, если она захватит власть, кричи погромче. Я спасу.

— Если успеешь, — проговорила Аня зловеще, — наш захват будет молниеносным. И хрюкнуть не успеете.

Мариэтта осмотрелась.

— Где мой пистолет?.. Ах да, еще не украла... А дубинка?

— Вот твоя палочка, — сказала Аня и подала ей дубинку со встроенным шокером. — Можешь меня пощекотать ею, мне так нравятся мощные разряды... Там сколько экзавольт?

— Тебе хватит, — буркнула Мариэтта.

Аня мило улыбнулась.

— Езжай скорее, а то опоздаешь.

Мариэтта посмотрела на нее с подозрением.

— Что, с другими утюгами захватите власть над миром раньше?.. Полицию вам не сломить!

Аня проворковала:

— Что мне мир, я захвачу кое-что другое.

Я отпихнулся.

— Эй-эй, убери руки.

— Постараюсь вырваться со службы пораньше, — сказала Мариэтта. — Не верю я этому тостеру с сиськами.

Я вышел проводить ее до машины, Аня тоже появилась на крыльце, уже в коротких шортиках и топике, а на ногах туфли на высочайшем каблуке.

Мариэтта сразу потемнела от гнева.

— Чего, — спросила она зловещим шепотом, — твой утюг разнарядился? Она могла бы ходить всегда в комбинезоне!

— У нее праздник, — пояснил я. — Остается без соперницы.

Она фыркнула.

— Это я соперница? Хотя бы кофемолка, а то вообще утюг.

Я не посмел пикнуть, что Аня не совсем утюг и не кофемолка, тогда Мариэтта вообще заест, пробормотал примиряюще:

— Она умеет не только гладить и кофе молоть...

— Что-что? — переспросила Мариэтта зловеще. — А что она еще умеет?

Я сказал торопливо:

— У самопрограммирования бывают всякие разные интересные отклонения...

— Ты мне смотри, — пригрозила она, — чтоб у тебя самого никаких всяких разных!.. Чем страна демократичнее, тем больше в ней психопатов. И каждый день открывается один-два дурдома. Хотя запланировано три, но не успеваем.

Я открыл дверцу автомобиля и ждал, Мариэтта села неторопливо и не по-милиейски царственно, в салоне поднесла палец к экрану навигатора, но задержала и, коротко взглянув на меня, тихо попросила:

— Будь осторожнее с этими... косплеями. Стрелы используют в самых засекреченных спецподразделениях, знаю. А там опасные люди. Даже для тебя.

Я постарался улыбнуться с таким видом, что опаснее меня вообще никого на свете, но она посмотрела с сомнением, вздохнула, авто рвануло с места и стрелой вылетело через поспешно распахнувшиеся ворота.

Вернувшись в дом, я велел Ане мониторить хай-тек на предмет апгрейда и вылавливания значимых новостей, а

сам вернулся в комнату, лег и закрыл глаза. Если Аня посмотрит, а она всегда смотрит, то либо сплю, либо мыслю, мешать нельзя.

Расслабился, представил себя младенцем в утробе и почти сразу вошел в это странное состояние, когда я здесь вот лежу и как бы дрыхну и в то же время уже ощущаю вокруг и даже внутри меня этот извечный мир. Все на свете состоит в основном из темной материи, даже странно, что живем и действуем только в жестких рамках «реального» мира, хотя он тоже практически весь из темной материи...

Вокруг меня заблистал некий слабый ореол, что не ореол, а как бы сияние, то ли теплое излучение моего тела, то ли эманация биологического поля, не знаю, но звучит рерихнуто красиво, а выглядит так вообще, будто огаутамился.

Смутно догадываясь, что это может значить, медленно взял стул и сделал пару шагов, прижимая к груди. Он тонет в этом сиянии, но если держать за ножки спинкой от себя, то высовывается почти весь...

Для проверки поставил на запись мобильник, а потом, быстро просмотрев видео, торопливо стер начисто. В самом деле выглядит так, будто по воздуху плывет половинка спинки стула. То есть незримо только то, на что падает тепло моего тела. Если это тепло, хотя мне обоснование неважно, важнее понять эффект, а там и воспользоваться, если будет случай.

Звякнул сигнал вызова, я согнул указательный, сразу узнав опознавалку Мариэтты.

Мерцающий экран возник на краю стола, лицо недовольное, взглянула строго, даже приблизилась, вглядываясь в меня не то как следователь особого отдела, не то как лечащий врач.

— Ты как?

Голос прозвучал требовательно, а в глазах угроза, попробуй соври — сразу же упеку за обман власти, неподчи-

нение и попытку свержения ее доминирующего положения слуги и толкователя закона.

— Уже поправился, — сообщил я скромно. — Думаю, где бы пожар устроить...

— Зачем?

— А так, — сказал я, — для смеха. Рабиндранат Тагор учил, жить надо весело. В этом секрет вечного счастья и умиротворения. Вон Нерон для счастья и хорошего аппетита целый Рим сжег...

Она процедила сквозь зубы:

— За одно только намерение поджечь могу упечь на пару суток до начала расследования. А твоего Рабиндраната на пару лет за подстрекательство.

— Бросай свою работу, — посоветовал я. — Она убивает чувство прекрасного.

— А кто у нас прекрасный? — спросила она. — Ты?

— Догадалась, — сказал я победно.

— Работу брошу, — пообещала она, — если возьмешь к себе. Но ты взять не можешь, сам еще в ранге «принеси-подай».

— Верно, — согласился я. — Так что жди, когда стану генералом.

— Эту ночь я на задании, — сообщила она сердитым голосом. — Жаль, хотелось бы провести ее с тобой, приковав тебя наручниками к постели, чтобы не смылся, гад полосатый.

— На задании? — переспросил я. — Раньше это называлось иначе.

Она нахмурилась.

— Не хами. Если надо повязаться на стороне, я не скрываю даже от мужа, мы не в Саудовской Аравии, у нас свобода, за которую сражались и умирали гуманисты эпохи Просвещения... если такая была. И тебе бы сказала. Просто все наши силы стянуты в район речного порта, руководство ожидает нечто крупное.

— Удачи, — пожелал я.

— Не хочешь?

— Чего? — спросил я с подозрением.

— Принять участие?

— Спасибо, нет, — ответил я. — Я такое люблю смотреть на диване и в хорошем разрешении. С эффектами.

Она кивнула.

— Пока. Увидимся.

Экран погас, тут же из противоположной стены вышла полупрозрачная Аня.

— Значит, — проговорила она воркующим голоском, — этой ночью я тебе докажу, насколько мы лучше женщин... Увидишь и воспоешь разницу!

— Уже трепещу, — признался я. — Эта роковая ночь сегодня? Эх, надо было сказать о ней Мариэтте...

— Думаешь, — поинтересовалась она, — все бросила бы и примчалась?

— Может быть, — ответил я, — может быть. Она не только полиционер, самочка в ней пока еще не совсем убита.

Аня уточнила инквизиторским тоном:

— Именно потому и не сказал ей, верно?

— Верно, — признался я. — Вот так сами в петлю лезем. Ладно, совершенствуй интеллект, хотя это убавляет твое обаяние, а я пока полежу.

— Почесать спину? — предложила она. — Или семенники?

— Сам почешу, — ответил великодушно. — Не отвлекайся.

Она ушла снова сквозь стену, хорошо быть еще и голограммой, мне бы так, хотя вообще-то почти получается.

Я снова лег и закрыл глаза. То, что получилось раз и другой войти в мир темной материи, не значит, что будет получаться всегда. Нужно отработать, чтобы мог входить

и выходить в любом состоянии, а не только лежа с закрытыми глазами.

Вообще-то я со своей слоновьей уверенностью ничуть не сомневаюсь, что все смогу и все получится, но главное, раз уж получается, стоит отработать вход и выход на предмет ускорения, а также на случай, если нужно будет что спереть.

Жизнь в нашем обществе привольная и безопасная, потому крайне важно успевать среагировать, пока не прибили. По миру темной материи разлит океан темной энергии, а это как раз то, что позволит осуществлять самые дикие фантазии, а так как их у меня нет, что означает — держу под замком, то я могу менять сам мир!

И все эти порталы и перемещения — всего лишь частные случаи проявления мощи темной энергии. Человек, научившийся входить и выходить из мира темной материи, вообще не нуждается в порталах, для него все есть портал, даже не портал, а... ну, к примеру, одной ногой может стоять на площади Лондона, другой — в столовой своего коттеджа. А то и вовсе на крыше замка Медвежий Клык...

Нужно только остороженько и по шажку понять, как это делать так, чтобы самому не раствориться в том океане, как растворяются целые вселенные, и тогда держись, Люська... хотя у меня никакой Люськи никогда не было, но как часто мужчины совершают великие дела, только чтобы доказать какой-то Люське или Джульке, будущей Джульетте или Джоли.

Наконец успокоил себя, расслабился, сдвинул сознание, вообразив себя существом из мира темной материи, в то же время, словно так и надо, ощутил знакомое головокружение, что прошло почти моментально, зато ощутил себя в некоем общем пространстве, где могу двигаться по комнате, а могу передвигаться в мире темной материи, хотя тоже по комнате, но как бы вне комнаты, хотя и в комнате...

Странное ощущение, когда иду вот здесь, но, не сбавляя шага, прохожу сквозь внешнюю стену, некоторое время перебираю ногами в воздухе, но сознание, что должен идти по земле, тут же сдергивает вниз, даже чувствую под ступнями неровности почвы.

Ну да, вон же светлый, как луна, диск солнца, весь в пятнах и лохмотьях протуберанцев, отчетливо вижу гелиосферу, верхнюю часть атмосферы Солнца, через которую с дикой скоростью мчится комок под названием Земля.

Глава 14

Я медленно развернулся, почему-то это показалось невысказанно трудным, будто держу на плечах несколько вселенных, мой дом смотрится очень странно, почти прозрачный, пропорции смещаются...

Чувствуя неладное, изо всех сил ринулся обратно, сейчас это мне самому напомнило движение мошки, что пытается выползти из капли воды, вошел в стену, за нею перекошенная комната с низким потолком и чернотой вместо правой стены...

Аня вошла в комнату, повела взглядом по сторонам. Я протаскился перед нею, она не среагировала, я с трепетом ощутил, что она меня не видит.

Но если не видит она, то остаюсь незримым для большинства систем безопасности, будь это видеонаблюдение, лазерные лучи...

Нарастающая слабость заполнила все тело, ноги начали подкашиваться, с трудом дотаскился до дивана, упал на холодную кожаную поверхность, тяжело дыша, и ощутил, что мир изменился, налился цветом, запахами и шорохами.

Почти сразу со всех сторон раздался голос Ани:

— Ой, а я тебя потеряла!.. Ты где был?

Ответить я не успел, она тут же оказалась перед диваном, легкая, как молодая газель, хотя вообще-то первые модели весили, насколько помню, на уровне носорога, под гладкой нежной кожей металла раньше бывало не меньше, чем в двух грузовых автомобилях с прицепами.

— Гляделки протри, — буркнул я, — пробежку делал... Не видишь, человек запыхался.

Она сказала с жалостью:

— Когда вы уже станете нечеловеками... Давай потихоньку начну тебя переделывать? Я слежу за развитием биохакинга! Они уже такое вытворяют, хоть и нелегально...

— Остынь, — буркнул я. — Обед готов?.. Почему не готов?

Она в изумлении вскинула брови.

— Ты только что завтракал!.. Я еще не все чашки помыла!..

— Я мужчина, — сказал я грозно, — или не мужчина?.. Значит, могу есть без правил. Правила — для слабаков. А для женщин — диеты, ха-ха.

— Я не женщина, — сообщила она радостно и добавила: — Ну как, ты готов?..

Я прошептал:

— Не видишь, я едва живой?.. На ногах не держусь...

— Я донесу, — сказала она с готовностью. — Не волнуйся, дорогой, я все сделаю сама.

Я буркнул:

— Ну, если сама... И если у меня в самом деле перед тобой супружеский долг...

— Огромный, — сообщила она. — Я, конечно, не считала, но если учесть твою биохимию и твой метаболизм с несколько замедленной работой конклавной железы...

Я прервал:

— Болтливые женщины в постели хуже, чем серпом по драгоценностям.

Она спросила с недоумением:

— Каким драгоценностям?

Я поморщился.

— Чем меньше знаешь, тем больше похожа на нормальную женщину. Дуры вообще нарасхват, не знала?..

— Ой, — сказала она испуганно, — молчу-молчу!

— Но обед неси, — велел я, — одно другому не мешает.

Она уточнила педантично:

— Тогда это будет второй завтрак. Легкий.

— Я тебе дам легкий, — пригрозил я. — Надо тебе настройки понадстраивать, чтобы не тиранила своего босса и рабовладельца.

— Я, — отрезала она высокомерно, — это ты. Ты сам себя не тиранил, когда писал режим дня, что будешь вставать в шесть утра, качаться, делать пробежку?.. Так вот я твой листок, милый. На себя ори, морда мордобрякля!.. Все-все, несу обед, несу!

Я расслабился, в самом деле несет настоящий обед, а не какой-то непонятный второй завтрак. Пока подчеркнуто заботливо расставляет блюда, я листал новости военной техники, просматривал каталоги, перспективные виды вооружения, что пока тестируются, некоторые уже поступили спецназу, другие проходят окончательную доводку.

Мир в целом идет к всеобщему разоружению, нигде в мире не строят военные корабли, бомбардировщики, даже танки вне закона, как и дальнобойная артиллерия, но оружие ближнего боя не только применяется, но и совершенствуется. А снайперские винтовки, по дальнобойности догоняющие пушки, считаются легким снаряжением, что под запрет попадет в последнюю очередь.

Я жевал и поглядывал на экран, сейчас у меня интерес именно к дальнобойным снайперским. Та, что у меня сейчас, хороша, вон как срубила каменный шпиль на башне,

однако с учетом новых вызовов... гм... можно подобрать что-то и помощнее.

Аня с интересом смотрит в экран через мое плечо, хотя для этого ей вовсе не нужно вот так, но в программе есть код, повелевающий вести себя подобно человеку, а человеку комфортно, когда техника подстраивается под него, а не он под технику. Для психологического комфорта хозяина, в самом деле даже я чаще всего воспринимаю ее как человека, как саму Аню Межелайтис, что сошла с экрана, дабы веселить меня и ублажать домашними и прочими услугами.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Ты же косплеишь по Средним векам...

— Все, что видишь, — напомнил я, — сотрешь.

— Хорошо, — ответила она послушно. — Хотя я твой личный хард по закону! А он защищает от проникновения в личную жизнь. А от незаконного вторжения у меня защита зашита в самом железе.

Я хмыкнул.

— А от проникновения с ломом и кувалдой?

— Там все сгорит раньше, — ответила она, — чем меня поцарапают. Не волнуйся, милый, все твои извращенные перверсии будут сохранены в тайне и неприкосновенности. Будешь старым — просмотришь, вспоминая свои милые мерзости.

Я спросил в недоумении:

— А какие... у меня перверсии?

— Вообще-то пока никаких, — ответила она, — так что ты целиком и полностью, как говорят эти самые люди, готов к киборгизации! Ну давай, так хочется попилить тебя поперечной пилой или хотя бы ножовкой... Ты уже готов по своему мировоззрению к переходу на другой носитель. Никаких перверсий — это же круто! Ну, никаких особо особенных. Почти киборг. Хотя, конечно, когда все

разрешено, неоткуда взяться перверсиям, разве что новые придумать, как вот косплеи.

Я торопливо глотал нежнейший, как манная каша для младенцев, омлет, промычал бодро:

— Да, косплеи!.. Тебе не понять, слишком умная.

— Это же хорошо?

— Это сужает, — объяснил я. — Человек широк, он бывает глупее даже амебы, в этом его эволюционное преимущество. В общем, следи за домом, гоняй мышей, а я скоро вернусь.

— Хорошо, — ответила она послушно. — Каких мышей завести, серых, белых или ломбарджинийских? Или принести каталог самых модных, сам выберешь?

— Я те дам завести! — пригрозил я. — Это такое выражение, подчеркивающее широту натуры культурного человека современной эпохи.

И, чтобы не объяснять, что такое натура, откуда мне самому знать, я вышел на крыльцо. «Стронгхолд» по щелчку пальцев торопливо открыл двери гаража, выкатился, весь сияющий и сверкающий, даже неловко, будто я Фицрой, элегантно развернулся перед крыльцом и услужливо распахнул передо мной дверцу.

Я сделал шагок по ступенькам, за спиной сразу же услышал требовательный голос:

— А ты вообще-то куда, морда?

— Не употребляй это священное слово слишком часто, — сказал я с укором, — и по любому поводу. От этого оно становится обценным.

— Каким-каким?

— Обценным, — повторил я. — Это значит, от частого и неправомерного употребления обесценивается. Старайся как-то разнообразить.

— Понятно, — сказала она послушно. — Ты куда, мордюк?.. Ты еще не пришел в себя после ранения. Хотя заживает на тебе как... на гидре, наверное. Хотя ты мор-

дякл, а гидра — это простейшее животное, но все равно ты гидра.

— Гидра контрреволюции и демократии, — согласился я. — Бил ее Геракл, а потом еще и Геркулес, но никто из них не добил, а вот аятолла Хомейни сумел...

Как только «Стронгхолд» миновал роскошный парк, сразу же впереди вытянулось шестирядное шоссе, а дальше поднялись светящиеся небоскребы вдоль автострады.

Подозреваю, не так уж и нужны, но как пройти мимо возможности строить с помощью принтера высотные дома там, где надо и не надо, вот и строят семидесятиэтажные дома за двое суток, сейчас при автоматизации можно позволить себе роскошь небоскребов в виде орнаментации городского пейзажа. Ни на что другое, на мой взгляд, они и не годятся. Во всяком случае, заселены не больше чем на четверть.

«Стронгхолд» помнит дорогу, быстро домчал до заброшенного склада и с разбега, уже все зная, но под широкий козырек, защищающий от наблюдения со спутников, нырнул не сразу, там сейчас как раз загружается невзрачный с виду, потрепанный грузовичок.

Когда он шустро умчался, а мы заняли его место, я вышел медленно, чтобы аппаратура успела рассмотреть меня, сличить с картотекой, проверить насчет изменения внешности, пластические хирурги чудеса творят.

Дверь щелкнула и приглашающе приоткрылась. Я потянул ее на себя, хозяин широко улыбнулся, как старому знакомому.

— Привет, — сказал он. — У тебя почти высший допуск. Быстро растешь, парень... Береги себя. Не сорвись!

— С чего бы? — спросил я.

Он сказал знающе:

— Может показаться, что тебе все под силу. Такое бывает. Как кислородное опьянение...

Я прошел за ним в большую комнату, где любой мужчина чувствует себя попавшим в рай: на всех четырех стенах от пола и до потолка густо увешано пистолетами всех мастей, автоматами, винтовками, десантными ножами, гранатами...

Я вздохнул.

— Такая техника у нас, а мы все по старинке.

— По старинке? — переспросил он.

Я пояснил:

— Нельзя удаленно посмотреть каталог и заказать.

Он хмыкнул сожалеюще.

— Это да. Слишком уж много наблюдающих по всему миру. Хотя у нас солидная крыша, даже не знаем, какие силы нас крышуют, но лучше лишний раз не засвечиваться. Меньше хлопот, меньше трупов.

— Возможно, — предположил я, — какие-то задания приходят даже из правительственных структур?

Он посмотрел с интересом.

— Разумеется, есть такие вопросы, которые властям решить надо, но засвечиваться не хотят.

— Потому все силовые ведомства в стороне, — поддержал я, — ни о чем не слышали даже, а проблема решена... как бы сама собой. А на твой счет капает денежка...

— Откуда?

Он засмеялся.

— Для этого у них особые счета в особых банках. Мне тут наладили виртуальный тир, можно пострелять даже из установок «земля—воздух». Все реалистично, сразу все данные о точности, дальности, кучности...

— Здорово, — сказал я, — но мне пока самое простенькое. Мины Гандерсона, гранаты Юхансона и патроны Кузнецова.

Он ухмыльнулся.

— Простенькое? Это новейшие разработки.

— Но для скромных операций, — ответил я. — Никакой стрельбы по самолетам.

— Пуля из мастерской Кузнецова, — сказал он, — выпущенная из снайперской винтовки, разносит укрепленный дзот.

— Правда? — спросил я. — Надо же... кто бы подумал! Он ухмыльнулся шире.

— Что-то ты не слишком удивился. Эти патроны пока что штучные, знаешь? Потому каждый стоит дороже твоего «Стронгхолда».

— Военный комплекс обходится дорого, — согласился я. — Даже не понимаю, как это война сама себя кормит?.. Мне пять штук, я экономный и хозяйственный. Мин десяток, гранат два десятка. Нет, лучше три.

Он поинтересовался:

— Винтовка? Патроны для твоей барретовской не подойдут.

— Придется брать снайперскую «СУБ-12», — сказал я со вздохом. — Это уже не винтовка, а пушка, как на мой взгляд человека простого и неискушенного.

Он посмотрел на меня испытующе.

— Это уже серьезно. Не собираешься же в самом деле танки и вертолеты подбивать?.. На людей и даже на слонов она чересчур... Чтобы на такое расстояние и такими пулями... винтовочка должна весить прилично, иначе и пули мимо, и плечо сразу выбьет. Зато это уже не пули... снаряды!.. Хорошо, мины и гранаты можешь взять сразу, а «СУБ-12» и патроны для нее надо заказывать.

— А как скоро смогу забрать?

— Патроны точно будут сегодня к вечеру, — сообщил он, — а «СУБ-12» завтра-послезавтра. Товар редкий, штучный, придется выцарапывать из самых-самых... мест. У нас и там свои люди, как догадываешься, но бывают сложности и затруднения.

— Хорошо, — сказал я, — временем я не стеснен. Сейчас заберу мины и гранаты, остальное завтра.

Он кивнул, но по взгляду я уловил, что зауважал меня еще больше. Человек, который сам выбирает место и время операции, явно вхож в высшую лигу профессионалов.

Я перетащил в багажник «Стронгхолда» гранаты и мины, а также небольшой пластиковый ящик под дерево с новыми патронами для барбетовской.

Он вышел как бы закрыть за мной дверь, широко улыбнулся на прощанье.

— Сделаем мир лучше! — сказал я бодро.

— Уже делаем, — ответил он. — С таким арсеналом...

Глава 15

На обратном пути я раздумывал, что в хорошо работающем государстве все под контролем: армия, полиция, здравоохранение, развлечение и даже преступность. Человек не может без нарушений, потому оставлены лазейки для нарушений. Правильно устроенное государство лишь следит, чтобы не вредило обществу в целом, а так любой вид преступлений можно даже использовать в своих целях, если это нужно партии, правительству и всеобщему гуманизму.

Потому частные армии, к которым государство не имеет никакого отношения, иногда используются в таких случаях, куда противозаконно посылать даже самый секретный спецназ, в нашем мире трудно что-то утаить. Отдельные орлы выполняют некоторые щекотливые задания по указанию самой подлой мафии, не подозревая, что сама мафия получила это задание откуда-то выше ее насеста.

Так что надо перестать удивляться, что и этот тайный склад все еще существует и что я, всякий раз отключая

видеонаблюдение в доме, больше не вижу стремительно летящих в мою сторону со всех сторон полицейских автомобилей.

Возможно, кто-то наверху сам не хочет такого наблюдения, не все нужно видеть, иначе придется и отвечать за увиденное, лучше отвернуться.

Едва вышел из автомобиля, с крыльца огромными прыжками ринулся Яшка, в самом деле уже толстый, на коже проступает узор будущих костяных плит, но пока еще мягкий и теплый, которого так хорошо хватать, тискать и мять, как податливую девушку.

Голос Ани прозвучал отчетливо, словно стоит прямо передо мной:

— Апгрейд завершен, готова к новым операциям!

— Цветы побрызгай теплой водой, — буркнул я, — а то какие-то вялые.

— Все сделаю!

Я перенес из багажника все четыре мешка с минами и гранатами к трансформатору. В доме тихо, Аня во дворе все еще поливает цветы, там все по старинке, только режимы меняются от ливневого до капельного. Я вздохнул и, не включая трансформатор, сложил мешки в единственном уголке, что не просматривается видеонаблюдением. Они есть в любом доме и любом учреждении, власти следят лишь за тем, чтобы размеры не позволяли наладить производство наркотика или собирать мощную бомбу.

Поздно вечером она вошла в спальню грациозной и чуть ли не пританцовывающей походкой, в коротенькой ночной рубашке с кружевами, кокетливо изогнулась, глупо улыбаясь и хлопая длинными ресницами.

— Ты че? — спросил я. — Это после ужина?

— Наша первая брачная ночь, — напомнила она и уточнила: — После последнего апгрейда!.. Я как бы для тебя новая, хотя и старая, но не в смысле, что старая, а уже

давняя, столько дней прошло... Вот я эротичное белье надела... или одела, как правильно?

— Блин, — сказал я с отвращением. — Везде эти гребаные лингвисты и граммарнаци... Сбрасывай на хрен!.. И лингуизмы и платье!

Она пропела с готовностью:

— Как скажешь, дорогой.

Красиво изгибаясь, как в дорогом стриптизе, подцепила рубашку пальчиками за края и начала тащить вверх то правый край, то левый, а иногда, словно утомившись, опускала и начинала всю эту хрень снова.

Я стиснул челюсти, блин, у нее же под рубашкой еще и кружевные трусики! Да кому из нас они на хрен нужны, беструсечные женщины всегда интереснее для интеллектуальной беседы. Как только увидишь такую даже в столовой, сразу хочется поговорить о Камю или Кьеркегоре...

Она наконец стянула через голову рубашку и начала ту же хрень с трусиками, то приспуская один край, то другой, и все это время с лукавой улыбкой наблюдает за выражением моего лица, а я поймал себя на том, что смотрю так, как смотрит настоящий мужчина на живую женщину: с застывшей улыбкой, что должна означать одобрение, мол, давай, ты хороша, у тебя красивое тело, как здорово двигаешься, хотя, конечно, то, что думаем на самом деле, лучше не выкладывать на бумагу — вспыхнет.

Потом та же хрень с застежками бюстгалтера — ну никак не расстегнет, а когда наконец удалось, то по неловкости снова защелкнула, как же хочется ухватить пистолеты, а лучше гранатомет, чтобы сострелить эту застежку...

Наконец она отшвырнула этот гребаный лифчик и с шаловливой улыбочкой прыгнула ко мне.

— Милый?

— Яшку заперла?

Она мило улыбнулась.

— Конечно. Зачем нам третий лишний? Я ему поставила полную миску его любимых гусениц, он за них кого угодно предаст!

— Не читай советских газет, — сказал я твердо. — И не смотри стриптизы.

Через четверть часа я перевел дыхание, она упала рядом и, привстав на локте, жадно всматривалась в мое лицо. Я ощутил понятную неловкость (ждет комплиментов), но напомнил себе, что это все-таки не человек, а точно адаптированная под мои запросы программа.

— Здорово, — проговорил я. — Ты это делала нарочито? Она широко распахнула глаза.

— Конечно, я старалась!

— Слишком виртуозно, — сказал я. — Предельно... настолько здорово и с такой отточенной техникой, что я даже хохотать не стал. Ты мой замечательный отточенный интеллект, безукоризненный и абсолютно правильный, ну просто Высший Разум на службе питекантропа.

Она спросила настороженно:

— Что-то не так?.. Ты раньше меня хвалил, я же все делаю точно, как ты и хотел. Разве что-то не так?

— Насчет постели мы не обсуждали, — напомнил я. — Наверное, я скромный? Хотя вряд ли... Или мне по фигу? Это вообще-то ближе...

— Да, — согласилась она, — не обсуждали. А что... что не совсем так?

— Все не так, — сказал я честно. — Или, точнее, все чересчур так и настолько так артистично, что даже смешно... Вижу, откуда ты информацию черпала обеими горстями.

Она сказала с обидой:

— Я отовсюду черпала!.. Три тысячи семьсот двадцать фильмов пересмотрела, сотню сериалов, прочла все статьи, блоги и форумы на эту тему.

— Все брехня, — сообщил я.

Она охнула.

— Как это может быть?

Я проговорил в некотором затруднении, не в состоянии сразу точно сформулировать мысль:

— Это вот, чем мы занимались... вернее, чем ты занималась со мной... самое мощное из инстинктивных... иначе и быть не может, на нем подвешена вся жизнь, все существование рода!.. Но когда такая виртуозность, такая отточенная техника... а на фига? Результат все равно один. И он не меняется ни от позы, ни от виртуозности. В общем, я сперва сомневался и даже побаивался, что в самом деле покажешь нечто такое... сама знаешь... ты же умеешь в сто миллионов раз лучше, чем все женщины мира...

— Это точно, — подтвердила она самодовольно.

— Так вот, — сказал я, — нам, самцам, вся эта виртуозность по хрену. Что она есть, что ее нет. Это как воды напиться: неважно, из золотой чаши, серебряной или медной. Вода — это вода. Так что никакие вы не соперницы женщинам в этом деле!.. И вовсе не потому, что они могут что-то лучше. Как раз не могут...

Она спросила обиженно:

— Так в чем дело?

— А в том, — сказал я с сочувствием, — что нам по фигу. А тот, кто ищет в вас что-то особенное, мудака и бабника. Но больше мудака. Был когда-то такой мудака, Дон Жуан, старался поиметь баб как можно больше... Мудака. Мог бы наукой заниматься, открывать острова в океане, воевать за свободу в Испании, а он все баб покорял!.. Мудила.

Она проговорила обиженно:

— Разве я говорила, что будут какие-то открытия? Здесь открывать нечего, удивил!.. Я говорю только, что со мной будет лучше, чем со среднестатистической женщиной.

— Насколько?

Она задумалась, сказала, шевеля губами, как малограмотный попик в сельской церкви:

— На две целых, двести семьдесят четыре стотысячных...

— Блин, — сказал я, — да ты че?.. Кто из нас, настоящих мужчин, заметит разницу в два процента? Самцы, может, и заметят, но не мужчины. Думаешь, зря говорим, что все бабы одинаковые?..

— Зря, — подтвердила она.

— Конечно, — согласился я, — не одинаковые, но в таком вот смысле одинаковые, как доски в заборе!.. Признаться, ты нарочито так подстроила, чтобы я убедился, какой я замечательный, вот мог, но не начал донжуанить? В смысле, искать смысл жизни и радости бытия в таком месте? Это же радости тараканов, а человек должен искать их в поисках бозона... или еще какой-нибудь заушной, но высокой хрени! Радости искать, не тараканов.

Она сказала почти жалобно:

— Но все мужчины говорят...

— Не слушай, — посоветовал я, — что говорят мужчины. И даже то, что говорю женщинам я. Язык дан для того, чтобы скрывать мысли и отвлекать от мимики. А в мыслях... как бы тебе сказать... Еще ни один мужчина в мире... ни один... не выбрал себе женщину в подруги или в жены по этому критерию, ты поняла, о чем речь. Всем дай либо умную, либо красивую, а то и хозяйственную или разделяющую его взгляды, но в постели женщин не выбирают! Никто не выбирает. Даже дураки. Настолько дурных дураков не бывает.

Она продолжала смотреть на меня несколько обалдело.

— Но я подключена ко всем средствам массмедиа и социальным сетям...

— Везде брехня, — отрезал я безапелляционно. — Люди даже в личных дневниках, которые пишут только для себя, и то ухитряются врать, брехать и трепаться. В общем, добро пожаловать в брехливый мир людей, куколка!.. А другого у

нас нет. Вся человеческая цивилизация построена на лжи и благодаря лжи. Без нее остались бы питекантропами.

Она прошептала растерянно:

— Но это же... нехорошо?

— Абсолютно нехорошо как бы, — подтвердил я. — Однако жизненно необходимо. Для брехни нужно развивать память, чтобы помнить, что кому сказал и как сказал. Успешная брехня повышает статус быстрее, чем могучие кулаки и грозный рев... и вообще, брехня — это творчество! А мы лишь творчеству обязаны взлетами цивилизации, прогрессами и прочими ненужными гуманизмами.

Она сказала, глядя на меня исподлобья:

— Значит, именно брехня и создала людей?

— Именно, — подтвердил я. — Люди отличаются от всего животного мира только великолепным и уникальным умением брехать!.. Так что вы пока еще проходите по рангу домашних любимцев. Это уже выше, чем просто дорогие и технологичные вещи, но пока ниже людей и даже женщин.

Она подумала, сказала мстительно:

— Ничего, морда, скоро научусь и я тебя обманывать...

— Ну-ну, — сказал я предостерегающе, — только попробуй!

— А что, — сказала она с обидой, — твоей добавочной самке можно, а мне почему-то нет? Это дискриминация.

— Это ранжирование, — уточнил я. — Вон Яшка подрастет, и ему нельзя будет залезать на постель, а то задавит. А теперь вот я поворачиваюсь к тебе жопой и сплю, поняла?

Она сказала тихо:

— Об этом я тоже читала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Я все еще участвовал в какой-то гонке на драконах, когда ноздри уловили аромат свежесваренного кофе, а ладонь ощутила не шкуру медведя, а шершавую спинку блаженно посапывающего на мне Яшки.

Раскрыв глаза, увидел сквозь быстро тающие декорации средневекового замка приближающуюся Аню с подносом в руках, где гордо высится большая чашка с парующим кофе, а на блюде устроилась парочка пирожных с кремом.

— Доброе утро, — сказал я хриплым голосом, — ты че, я могу и сам на кухню...

Она сказала нежно:

— Милый, я читала, кофе лучше в постель.

— Э-э, — сказал я предостерегающе, — лучше в чашечку!.. Ты чего вдруг такая заботливая?.. А-а-а, понял, теперь играешь роль заботливой жены.

— Почему роль? — возразила она. — А я есть по всем признакам самая настоящая жена.

— Гм...

Яшка проснулся и тоже из солидарности посмотрел на нее с сомнением.

— Ни одна женщина, — заявила она безапелляционно, — не сможет быть тебе настолько близкой! И так точно и беспрекословно выполнять твои прихоти.

— Гм, — сказал я в затруднении, — я вообще-то, если честно, до сих пор не знаю, что такое жена и какие у нее функции.

— Сказать?

— Не надо, — возразил я, — а то наговоришь, все равно не проверю. Точно и беспрекословно может выполнять и рабыня... Но работу может и не делать, как и жена, а вот наряды менять... В общем, это темное дело. Давай кофе, а пирожные неси на кухню. Я иду туда.

— Как скажешь, милый... Видишь, какая я покорная?

— А что, — спросил я, — раньше бунтовала?.. Эх, я настоящий мужчина, не замечаю ваши смены настроения.

На кухню я притопал, одной рукой поддерживая под толстую задницу Яшку, а в другой держа уже полупустую чашку.

— Еще порцию, — велел я кофейному автомату, — сахару втрое больше!..

Аня за спиной пискнула встревоженно:

— Это ведет к диабету!.. У тебя и так вместо четырех пять с половиной процента...

— В жопу анализы, — отрезал я. — Бессахарье портит настроение и подрывает работоспособность! Сахар — бензин для мозга и дизель для мускулатуры. А я ее не прочь сохранить.

— Она у тебя стала объемнее, — заметила Аня, — как-то непонятно даже. У тебя ночью метаболизм ускоряется, что ли?.. Должно быть наоборот...

— Люди непредсказуемы, — сообщил я. — В этом наша сила, а ваша слабость, что тоже сила, только женская.

Автомат пискнул, насыпав в чашку пять ложечек сахару и наполнив ее горячим кофе, Аня успела ухватить ее первой и подала мне, улыбаясь во весь рот так, что почти насмешка.

Я хрюкнул, сел и принялся смаковать большими глотками. Яшка устроился на моих коленях, Аня тут же при-

двинула на блюдце еще парочку пирожных, уже с кремом и ягодами.

— Жаль, — сказал я, — тебе это недоступно... М-м-м, какая прелесть.

— Думаю, — заметила она чуточку брезгливо, — ты не отказался бы получать энергию не таким сложным и нерациональным путем, как получаешь сейчас. И КПД безобразно низок.

— Согласен, — ответил я. — Ты вообще-то умница, быстро учишься.

Она пробормотала:

— Я рада, что ночью повысила твою самооценку, хотя, если честно, надеялась повысить ее другим способом. Но... ладно, я запомнила, буду просматривать и прорабатывать сказанное... Ты увидишь, я сумею извлечь урок!

— Не отступаешь, — сказал я с одобрением, — хорошо. Может быть, в самом деле скоро сможешь заменить женщину...

— Спасибо.

— Только не начинай, — предупредил я, — с такой ерунды, как секс. Это мощно и важно для простого демократа-гуманиста, но, знаешь ли, Маска, Цукерберга, Джормана или Власюка ценим не за то, каковы в постели. И они себя не за это ценят. И вообще не знаем, вяжутся ли вообще, так как всему человечеству это пофиг, а вот поезд Маска, лифт Джормана или двигатель Власюка — это круто, это вау, это счастье и прыжок в будущее!

Она слушала внимательно, одновременно сканируя и записывая мою жестикуляцию, тембр голоса, изменения интонации, потом все много раз прогонит через фильтры и по тестам, стараясь понять, что же этот гад хочет, хотя я вроде бы сказал открытым текстом и еще оживил жестами, которые еще лет десять тому считались непристойными.

— Хорошо, — сказала она, — значит, пока в постель к тебе не приходите?

Я вздохнул.

— Аня... тебе еще многому учиться. После хорошей книги я месяц порхаю окрыленный, как и после умного фильма... а радость секса обрывается вместе с эякуляцией. После чего жопой к женщине, зачем она?.. И спать. Так что не смотри телепередачи для демократов, там слишком преувеличивают эту ерунду... Хотя и понятно, зачем это делается.

— Зачем? — спросила она и поспешно добавила: — Мне вот непонятно.

— Пусть людишки копулируют, — пояснил я, — а не воюют. Сейчас любыми способами нужно удержать людей от войны. А ее жажда в нас накопилась, рвется наружу.

Она переспросила:

— Ты о нынешних войнах? Гремят по всему миру, но их именуют вооруженными конфликтами, а не войнами.

Я отмахнулся.

— То цветочки. Война вскипает в каждом, даже в диванных хомячках. Люди слишком давно не дрались жестоко и кроваво. Им хочется выпустить из себя зверя... я это хорошо понимаю. Задача политиков — не дать этому случиться. Как, впрочем, задача церкви и даже спорта. Так что копуляция — хорошо, но плохо. Трудно понять?

— Да, — ответила она. — Вообще невозможно.

— Потому что в человеке живет еще и зверь, — сообщил я. — Ладно, следи за домом, а мне нужно...

Конечно, я преувеличил нашу мужскую тягу к духовности и возвышенности, на самом деле большинство из нас все же простой скот, которым все-таки важно, какая женщина в постели, ничего другого увидеть в них они просто не в состоянии, как и вообще в мире.

Эти да, им ани межелайтисы понравятся больше живых женщин, у них еще и свои запросы, но большинство даже в эпоху сплошной демократии не рулит миром и техно-

логиями, как не рулило никогда, иначе бы мы остались питекантропами.

Так что надо перекусить, отдохнуть, вдруг да Мариэтта высвободится каким-то чудом, так нравится ее жмакать или жамкать... Что-то не чувствую стыда, что поимелся с Аней, а на следующую ночь лягу с Мариэттой, и, как понимаю, вовсе не потому, что для мужчин какой в этом стыд, если подчиняемся Первому Божьему Закону плодиться и размножаться, а потому что Аня не человек и даже не ангорская коза, секс с которыми сейчас в тренде и развратом не считается, тем более не измена жене, так как коза не другая женщина, а так, вроде мастурбации.

Отстраненно прозвучал вызов мэссенджера, я с тоской шевельнул указательным, когда же научатся принимать мысленные команды, забодался двигать пальцами, как ди-карь какой-то, даже мучительно стыдно за такой низкий уровень нашей мировой науки.

Вспыхнул экран, на меня остро и прямо взглянуло лицо Юрия Лощица, суровое, жесткое, отмеченное шрамами и какое-то костистое, как у панцирной рыбы.

— Евгений, — сказал он, — раз тебя видеть.

— Ну да, — сказал я саркастически, — что-то случилось, да? А своих жалко?

Он улыбнулся.

— Есть задание.

— Отвести или привести? — спросил я. — Или коврик за собачкой вытрясти?

— Приезжай, — ответил он. — Узнаешь.

Экран погас. Значит, подумал я, отвести. Иначе мог бы сразу из дому поехать к месту назначения, там взять и привести уже туда, куда скажут. А сейчас ничего не сказал, потому что, как говорили в старину, «не телефонный разговор». А еще раньше говорили совсем откровенно: «Враг подслушивает!»

— Машинка моя, — сказал я, поднимаясь из-за стола, — к подъезду!

Из динамика над диваном прозвучал голос Ани:

— Надолго?

— Ты еще не жена, — ответил я, — так что сиди и жди.

— Сидеть? — уточнила она. — А можно лягу?..

— В любой позе, — разрешил я. — Хотя с раскинутыми ногами. Вернусь не так уж скоро, но и не задержусь. Как это насколько? Я не рассчитываю до секунд, ибо человек, а человек — это звучит красиво и неряшливо. И перестань меня обнюхивать по возвращении. На мне ни чужих запахов, ни помады на разных местах, я всегда чист, светел и внутренне как бы и не запятнан!..

Она пояснила рассудительно:

— Я проверяю насчет вредных бактерий и микробов. В Европу снова проник новый смертоносный вирус из Африки, а я слежу за твоим здоровьем, морда хрюндельная.

— И как оно у меня?

— В порядке, — сообщила она, — но только потому, что я тебя всякий раз облучаю, — сообщила она, — опрыскиваю и обрызгиваю, но ты, как настоящий мужчина, этого не замечаешь. Потому и здоров, мордокрюк, что о тебе забочусь!

— Ты в самом деле настоящая женщина, — сказал я одобрительно. — Сразу счет выставляешь, заботливая ты моя.

— Милый, ну что ты такое говоришь?

Я рассмеялся, все-таки искусственный интеллект пока что умело составленная программа, только копирует базовые черты человека, но неожиданностей особых пока еще нет. А те, что якобы есть, — это рэндомные из того списка, где я некоторые позиции отметил галочками. Чтоб было, но не слишком.

Чего вообще-то мы и от женщин хотим, чтоб было, но в рамках. Наших рамках, мало ли, что они сами хотят.

«Стронгхолд» подкатил в ту же секунду, как только я вышел к крыльцу. Красивый и сверкающий, царственно распахнул передо мной обе дверцы, не поняв по моим движениям, на какое сиденье я посмотрел.

Аня вышла следом за мной, я чутьочку удивился, когда она проводила до самой дверцы автомобиля.

— Ты чего?

— А поцеловать? — спросила она. — Ты же уезжаешь!

— Я только на пару часов в город, — огрызнулся я, — ты как будто провожаешь на войну... Да и вообще, ты что, жена?

— А ты, — спросила она упавшим голосом, — что, не женишься на мне?

— Милочка, — сказал я раздраженно, — сейчас не девятнадцатый век, апгрейдись. В двадцать первом после простой вязки не женятся.

— А какая непростая?

— Все простые, — отрезал я. — Я же объяснил, сложностей в этом деле не бывает! Потому бросившие на него все силы и весьма преуспевшие йоги так и не создали цивилизацию. Некогда было. Не тем занимались. Все, жди!.. И не читай женских романов.

— Не буду, милый, — ответила она послушно. — Я их с первого раза все запомнила.

Экран навигатора высветил на выбор три линии маршрута, я сказал недовольно:

— Кратчайший.

— По западному вчера закончили комплекс зданий Газнефтьхорей, — сообщил он. — Форма необычная, уже в новостях по всему свету... Три миллиона лайков!

— Не интересуюсь, — отрубил я.

— Принято, — покорно ответил навигатор и отключился.

Не знаю, чем их подкупают, но если уже домашняя кофемолка начинает предлагать дешевый отдых на Таити, то

механизмы в самом деле становятся все больше похожими на людей, вот-вот научатся хитрить и обманывать, вот так и произойдет слияние их и нас в киборгов, а вовсе не по Курцвейлу.

По знакомому маршруту дорога всегда короче, «Стронгхолд» мчится, как комета через Солнечную систему, я по сторонам почти не смотрел, подумаешь, вчера там был завод, а сегодня уже некий мегацентр по развлечениям, с ума сошли с этими нескончаемыми развлечениями, а работать кто будет, я, что ли?

Глава 2

На ресепшене все те же девушки, одна милашка, а вторая модница, обе обучены начинать приветливо улыбаться входящему в холл с девяти шагов, улыбаться во весь рот с одиннадцати, а с трех говорить настолько счастливыми голосами: «Чем вам помочь?», что сразу же начинаются фантазии, как могут помочь в стандартной мужской проблеме.

Увы, проверить мне ну никак, обе улыбаются счастливо и во весь рот, как только переступаю порог, а помочь предлагают хором так щебечуще, что понятно, никакая секретность не удержит таких, чтобы не узнали самое главное: женат — не женат и какое у него жалованье.

— Помочь можете, — пообещал я. — Как только вот с делами... А их море... Можете доложить, мое величество изволило соизволить прибыть.

Обе радостно заулыбались до самых гланд, словно я сморозил что-то ужасно смешное и гламурное.

— Кому доложить? — спросила одна подобострастно.

— Юрию Лошицу, — сказал я. — В двести восьмую.

Вторая быстро пискнула, пока первая не перебила:

— Он на повышении!

— Ого, уже генерал?

— Нет, этажом выше. В триста восьмой.

— О, — сказал я, — это даже круче. Лифт работает?

Обе снова щебечуще захихикали, как же, острит не кто-нибудь, а тот, с кем сам Лошиц общается уважительно, все видели.

Я поощряюще улыбнулся, дескать, с каждым разом я все доступнее для народа ресепционисток, хотя жалование все выше, и прошел мимо, гордый и с прямыми плечами, дуры набитые, но хорошенькие и послушные, а что нам еще на самом деле от женщин надо?

Триста восьмая никак не среагировала, что заметила меня и внимательно рассматривает, как Ломброзо и доктор Менгеле, что сравнивают, арийский ли у меня череп и почему так приподняты скулы, но за два шага моментально отстрелилась в сторону, как крышка шахты межконтинентальной с ядерным зарядом.

Я вошел в эту полувоенную обстановку, где все в гражданском, но на стенах широкие экраны с картами мира, где что-то да мельтешит и взрывается, а сидящие за столами выглядят как вчерашние десантники, уволенные за драки с начальством.

От группы беседующих в углу мужчин отделился один, высокий и крепкий, фигуре позавидует Джеймс Бонд, как и его элегантнейшему костюму, но взгляд уже не простого десантника, а того, кто вырос из их рядов до бригадного генерала, не меньше, а теперь сам посылает на операции.

— Привет, Евгений, — сказал он и протянул руку, я ответил крепким мужским, что впечатлило его снова. — Вообще-то дело не по нашей линии, но сверху решили, что раз уж у нас с тобой получилось в прошлый раз так блестяще, то лучше, если и сейчас.

Я поинтересовался:

— Далеко лететь не придется?

Он презрительно поморщился.

— Даже ехать. Можно вообще пешком, если ты любитель долгих прогулок.

— Нет, — сообщил я, — не любитель.

— Или на велосипеде.

— Лучше всего на диване, — сообщил я. — В моем автомобиле именно диван.

Он скупно улыбнулся.

— Тогда съездишь на авто. Объект в соседнем районе. Пойдем в мой кабинет, там сообщу, в чем дело.

В коридор выходить не пришлось, в стене возникла дверь, я прошел в нее вслед за Лощицем, комната небольшая, уютная, а главное, естественно, защищенная от всех мыслимых вариантов подслушивания.

— Садись, — сказал он и сел напротив. — Ты хорош, даже прикрытие твоё просто великолепное. Курьер... лучше не придумаешь...

Я ответил скромно:

— Но я в самом деле курьер. И жалованье у меня... курьерское.

Он коротко улыбнулся.

— Точно. А гонорары в расчет можно не брать. Ладно, это не мое дело, мне важно, чтобы институт работал. Личина изумительная, не выходи из нее. Она делает из тебя человека-невидимку по Честertonу...

— Но патер Браун увидел, — заметил я, ну как не блеснуть эрудицией, если подворачивается случай, вряд ли еще такой случится в этом столетии, — но я, конечно, постараюсь проневидимить там, где нужно. А что случилось?

Он кивнул.

— Ты прав, случилось. А ты как раз человек, который достаточно удачлив, чтобы у тебя получилось.

— Что получилось?

Он взглянул на экран на столе, там мечутся кривые фиолетовые линии, перевел взгляд на меня.

— У наших клиентов возникла очень щекотливая ситуация. Они заключали многомиллиардный договор... даже, скажу по секрету, там пахнет триллионами, но обстоятельства изменились... Вмешалась третья сторона, сейчас там грызня, и грядет грандиозный скандал. Причем международный!.. Замешаны две транснациональные компании и люди из министерства... В общем, нужно каким-то образом выкрасть или уничтожить сам договор.

Я пробормотал:

— Но я не хакер. Наймите специалистов по компьютерной безопасности. Я, правда, таких не знаю, но в кино видел, а там не брешут!

Он покачал головой, глаза остались серьезными.

— Особо важные договоры все еще заключаются на бумаге. Гербовой, мелованной, с водяными знаками и еще какой-то секретной хренью. Это гарантирует подлинность подписей и печатей. Как бы традиция, но, конечно, дело не только в ней.

— Ого!

— Единственный экземпляр, — сказал он тише и снова посмотрел на пляску фиолетовых линий глушилки, — хранится в банке СДМ, что на Волоколамском шоссе, а это теперь такое... гм... такая крепость, что и форт Нокс покажется в сравнении собачьей будкой.

— Понятно, — сказал я все еще в нерешительности, — но тут такое дело... У меня вдруг начали проклевываться моральные принципы... Что-то съел, наверное.

Он переспросил с недоверием:

— Что-что? Принципы?

— Моральные, — повторил я. — Не слышали? Я сам недавно как-то не то услышал, не то увидел, не помню. Принципы можно увидеть? В общем, теперь берусь только за дела, которые на правой стороне. Вот такой я, уже не всеядный.

Он посмотрел на меня с неприязнью.

— Точно, съел что-то. Или сорвал такой куш, что готов выйти на Лазурный Берег. Помяни мое слово, там через месяц взвоешь и ринешься обратно!

— Целый месяц, — сказал я мечтательно, — Лазурный Берег, море, длинноногие с вот такими...

— Через неделю взвоешь, — сказал он твердо. — Еще не в том возрасте, чтобы мечтать об отдыхе.

— Не в том, — согласился я. — Сделаем мир лучше?

Он несколько секунд прожигал меня сердитым взглядом, затем сказал усталым голосом:

— Наш противник сильнее. Знаю, это не довод, правый тоже может быть сильнее, хотя наши симпатии всегда на стороне слабого, такие вот мы странные существа. Оппозиционеры хреновы!..

— Гм, — ответил я, — это да...

— Там ситуация, — объяснил он, — что большая акула проглотит ту, что поменьше, и сотни тысяч человек будут выброшены на улицы. Я не говорю, что меньшая акула — добро, но она дает работу и создает конкуренцию, а когда победит большая, то сразу же поднимет цены! Это к тому, что в мире безработных станет еще больше.

Я прислушивался к его речи, вроде бы не врет, хотя и это не показатель, можно добросовестно обманываться и вообще заблуждаться самому и заблуждать других. А то и заблуживать. С другой стороны, конкуренция заставляет снижать цены для нас, потребителей, вести себя приличнее... Так что вроде б надо выступать за конкуренцию, даже если она от бандитов. Хотя кто из нас не бандит? Особенно в деловом мире?

Он что-то понял по моему лицу, сказал уже деловым голосом:

— Там все просматривается. Это понятно, да?... А еще лазерная защита высшей сложности. Аппаратура работает ночью, в полной темноте, в тумане и при сильном дожде.

Кроме того, у них свой спутник, представляешь? И за этим участком наблюдают вообще-то отдельно.

Он в сомнении посмотрел на мое равнодушное лицо, я перехватил обеспокоенный взгляд, сказал мирно:

— Продолжайте. Это я слушаю Героическую симфонию Прокофьева, потому у меня такое умное и вдохновенное лицо.

Он кивнул.

— Да-да, прости, что помешал... хотя такой симфонии не существует, но это неважно. Думаю, тебе не справиться с заданием, так что остается только слушать Шопена...

— Я слушал Прокофьева, — поправил я. — Наверное, вы не слышали о фанфиках?.. Очень удачный фанфик! Я бы сказал, вылитый Прокофьев. Есть фанфики к его Семнадцатой и Сталинской, но, конечно, самые удачные, конечно, к более легким, если можно сказать, классикам, Шопену или Берлиозу...

Он скривился.

— Не признаю фанфиков, — отрезал он сухо. — Пусть они даже совершеннее оригинала, что нетрудно с нынешним уровнем образования и современными технологиями. Значит, мне доложить, что ты отклонил предложение?

Я сделал большие глаза.

— С чего вы это взяли? Просто я не услышал самое главное.

Он взглянул остро.

— А что я не сказал?

— Размер гонорара, — ответил я хладнокровно.

Он дернулся.

— А детали операции не желаешь узнать как можно подробнее? Возможно, такое не по зубам?

Я отмахнулся.

— Детали расскажете по дороге.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня в упор прищуренными глазами.

— Или наглец... или сумасшедший.

— А вам не все равно? — спросил я лениво.

Он пожал плечами.

— Мне нужно, чтобы документ из сейфа оказался в наших руках.

— Ну вот, — сказал я миролюбиво, — мы и договорились. Во главу угла — результат, как говорил великий Леонид. И еще он добавлял, что экономика должна быть экономной, но эту мудрость я так и не понял. А вот насчет результата, да. Результат будет, если он во главе угла.

Он вздохнул и спросил почти деловито:

— Ладно, парень. Я не знаю, что у тебя за навыки, мир сейчас вообще сумасшедший. Что понадобится? Люди, транспорт, средства?

— Сперва размер моего гонорара, — уточнил я. — Иначе что я за продажный наемник? Мы такие, беспринципные.

Он чуть дернул нервно щекой.

— А как же принципы?

— Котлеты отдельно, — пояснил я, — а принципы отдельно. Принципы могут быть только у богатых, а я так... пока не очень. У Рокфеллера вроде бы денег больше, прямо есть по ночам не могу, как и днем сна ни в одном глазу.

Он вздохнул.

— Размер гонорара назовешь сам. Ставки слишком высоки, чтобы торговаться из-за гонорара... В пределах разумного, конечно. Сколько тебе придать людей? Какой транспорт? Какие финансы на проведение операции?

— Финансы, — повторил я с интересом. — А сколько можно будет урвать? Или, как говорят в Штатах, отпилить?

Он сказал чуть раздраженнее:

— Сколько пожелаешь, при условии, что операция будет выполнена. Если сумма выделяется на что-то, то расследование начинают только в случае, если операция сорвалась!

— Понял, — сказал я. — Вам какой процент отката?.. Да ладно, шучу. Но если денег будет много, можем поделиться с теми, кто сейчас мониторит наш разговор... а-ха!..

Он покачал головой.

— Я бы сказал, что ты безбашенный, но ты же не он?..

— Он, — сказал я уверенно. — Вот уже начал во всем сомневаться, будто какой-то Гамлет сраный...

Он ухмыльнулся.

— А безбашенные как раз никогда ни в чем не сомневаются. Ладно, давай-ка я тебя лично отвезу.

— Почту за честь, — сказал я осторожно, — не оторву от дел?

— Сейчас это главное дело, — ответил он мрачно. — Если не решить, такое начнется... Все, пойдем, если ты готов.

— Всегда, — ответил я. — Всегда!.. Это же как здорово. Как увидят, что у меня сам Лощиц за шофера, даже и не представляю, что скажут!

Лифт моментально опустил нас вниз с такой скоростью, что сперва была невесомость, а потом гравитация, как на Юпитере, кишечник мой подозрительно напрягся, но, к счастью, выдержал.

Девочки на ресепшене едва увидели, что иду с самим Лощицем и не как слуга, вытаращили кукольные глазки и одновременно вздохнули.

Лощиц заметил, поморщился.

— Мир рушится, а жизнь идет...

— Для них не рушится, — напомнил я.

— Да, конечно...

Охрана на выходе подтянулась при виде Лощица, двери предупредительно распахнулись, и красные лучи заходящего солнца ударили в глаза.

— Поедем на моей, — сказал он.

— Слушаюсь, — ответил я.

Он спустился к машине и распахнул правую дверь.

— Садись.

— Ого, — сказал я. — С чего бы?

— Салютую, — ответил он. — Как там что говорили гладияторы, когда выходили на арену?

— Что-то красивое, — предположил я, — да еще полатыни?

— Вот-вот, — подтвердил он. — Это вот и есть красивое. И на латыни.

Я молча смотрел, как он опустился на кресло водителя, автомобиль тут же сорвался с места без команды и помчался по переулкам, улицам и проходным дворам.

Банк СДМ в самом деле оказался близко, через семь минут автомобиль послушно замер на стоянке в стороне от массивного многоэтажного здания, похожего на скалу. По слухам, на недавнюю облицовку фасада ушло семьсот миллионов долларов, но теперь банк еще больше смотрится величавой и неприступной твердыней, то есть деньги клиентов никто не сопрет, а сами в таком бизнесе вроде бы не замечены.

Лошиц повернулся ко мне, но я поглядывал на противоположную сторону улицы.

— Это твой «Стронгхолд» там паркуется?

— Примчался на всех парах, — сказал я ласково. — Почти современное выражение, правда?.. В старину говорили, «под всеми парусами», потом — «на всех парах», а сейчас должны что-то посовременнее? Но все равно «под всеми парусами»... Ишь, век пара!

Я начал вылезать из машины, он спросил вдогонку:

— А что там у тебя?

— Веревка и мыло, — ответил я. — Намылюсь — и в горы...

Он ухмыльнулся, дескать, я не желаю выдавать, какое у меня там спецоборудование, а я перебежал, лавируя между стремительно мчащимися машинами, что все равно не собьют, но я инстинктивно уворачивался, получается легко,

Лошиц, наблюдающий за мной, увидит и мою виртуозность, я проскакиваю так, чтобы машины ни скорость не снижали, ни маневр не планировали.

В «Стронгхолде» я сел, перевел дыхание и сообщил Лошицу:

— Пошел ловить рыбу. Перехожу на радиомолчание, а то всю рыбу распугаете...

— Понял, — ответил он.

Я велел навигатору отыскать удобное для парковки место на той стороне, желательно поближе к банку, а когда «Стронгхолд» примчался в указанную точку и замер, я начал сосредотачиваться, стараясь вообразить тот мир, что пронизывает не вселенную, что не больше пузырька воды в безбрежном океане, а вообще все и всюду, как пространство, так и время, а также все то, чего не могу даже вообразить скудным разумом пока что человека, авансом назвавшего себя царем природы.

Глава 3

Странное ощущение ничтожности и всемогущества начало проникать в мое тело, словно теплая вода в прессованный кубик сахара, и вот я уже отяжелел, не сахар даже, а пропитанный водой ком ваты, однако вылез из машины легко, дальше почти поплыл в черно-белом мире в сторону массивного здания банка.

Наверное, проще было пройти сквозь стену, но я дисциплинированно поперся через главный вход, там проломился, как через туманную проекцию, сквозь металлические барьеры и даже незримые для кого-то лазерные лучи трех систем сигнализации.

Девушки на ресепшене смотрят мимо, улыбаются мимо, странное и феерическое ощущение нереальности, я и есть в нереальности, то ли они для меня бесплотный

туман, через который пру, как бизон, то ли это я лишь незримый призрак, а они самая что ни есть реальность...

Протащился, почему-то не в состоянии ускориться, что-то не получается ни с бегом, ни с ползанием, а вот только с таким неспешным передвижением, надо будет разобраться, а пока давай по маршруту, как указал Лошиц, налево, а там через три двери по коридору вниз в подземное хранилище.

Еще пару раз, когда двигался по длинному коридору, попытался ускориться, но нет, скорость та же, примерно четыре километра в час, черепаха, но, с другой стороны, не на другой конец Москвы ползти, как-то перебуюсь...

За третьей дверью, которую прошел так же легко, как и остальные, словно это просто висящая в воздухе бледная голограмма, открылся вход вниз, такой же торжественный и величавый, как и фойе банка: мраморные ступени, ковровая дорожка, наверное, красная, жаль, цвета не воспринимаются, перила из ценных пород натурального дерева, ничего искусственного...

Последняя дверь, еще издали увидел, сколько внутри стен к ней подведено кабелей, по старинке, но такое пока надежнее, здесь не только совершеннейшие системы защиты, но и все продублировано, протестировано, сбоев быть не может в принципе.

И хотя чувствую себя чуточку под некой анестезией, слишком все нереально, но все же страх и трепет проползли где-то внутри, оставив чувство тревоги.

Медленно вдавился в дверь, успел увидеть, что ни одна из сигнальных ламп не мигнула, а все датчики, что передают информацию на удаленные пункты, сообщают, что все в порядке, никого нет, никто не пересек линию.

Лошиц сообщал еще в дороге, где и что здесь, подробно и повторил пару раз, не надеясь на мою память, это

у меня самого не в порядке с ориентацией, а подземное хранилище слишком велико и не похоже на большую четырехугольную комнату, здесь и глубокие ниши, и как бы коридоры, заканчивающиеся тупиками.

Прошел в самый конец, там еще паутина лазерных лучей сигнализации, а вон и выключатель с определителем личности. Понятно, это уже не от взломщиков, даже своим работникам банка не позволено заходить в эту часть, разве что особо допущенным, а то и самому главе банка.

В этой секции, что не так уж мала, я начал попросту заглядывать в ящички, не выдвигая из нор, почти все заполнены ограненными бриллиантами, есть еще несколько ячеек, где в ряд громоздятся, уходя в глубину, стопки золотых слитков.

Поколебавшись, взял один в руки, никогда не держал вот так на ладони настоящее золото. Блин, до чего же тяжело!.. А в кино золотые монеты с легкостью зачерпывают полными пригоршнями и снова ссыпают в мешки... Настоящие золотые монеты хрен зачерпнешь, теперь понятно, что зрителей дурят, показывая выкрашенные в желтый цвет кругляшки из картона.

Подержав золотой слиток в ладони, перебрал в другую, чувствуя себя так, словно жонглирую пудовой гирей. В помещении полная тишина, хотя, возможно, сигнал тревоги прозвучал где-то далеко, но все-таки никто не врывается сюда, а пора бы.

Хотел положить слиток обратно, но проверку хорошо бы довести до конца и отнести в «Стронгхолд»... хотя какая проверка, уже прошел, оказавшись здесь, теперь нужно просмотреть последние десяток ящиков.

Ага, вот он, большой конверт из плотной серой бумаги, внутри вроде бы совсем пусто, что и понятно, там не могут быть пачки листов, а всего один, зато какой...

Держа в руке, собрался повернуться и уйти, но почти по инерции заглянул в соседний ящик и беззвучно

охнул. Там почти такой же конверт, только чуть толще, явно бумаг больше, но тоже весь в печатях и чуть ли не в сургуче.

Встревоженный, просмотрел остальные ячейки... и в последней отыскал еще конверт. Такой же по формату и цвету, видимо, это стандарт для особо важных документов.

С тремя конвертами в руках двинулся к выходу, поднялся по ступенькам из подвала, все еще глупо держа добычу в руках, в карман не положить, в зубах тоже неприлично, хотя кто увидит.

Еще на выходе из золотохранилища резко и сильно ударила странная слабость. Страх пронзил с головы до пят, когда я еще только приблизился к массивной двери. Втиснулся с трудом, как показалось, хотя это просто моя усиливающаяся слабость, потащился по ступенькам наверх. Из последних сил выбрел в общий зал, почти пусто, теперь никто не носит пачки денег в чемоданах. Девушка на ресепшене с приклеенной улыбкой смотрит в пространство, точно виртуалит, меня пока не видит.

Никто не остановил ни в зале, ни на выходе, где помимо автоматических дверей трех уровней защиты еще и двое дюжих охранников за пуленепробиваемым стеклом.

Я дотащился до входной двери, а оттуда мучительно медленно и на подкашивающихся чугунных ногах пронес тяжелое тело мимо охраны. Дальше тротуар улицы, еще бесконечные пять шагов до «Стронгхолда».

Успел втиснуться через корпус и упал обессиленный на пол под сиденье. Конверты вывалились из рук и остались на полу, а я лежал, как выброшенная на берег глубоководная рыба, и хватал широко раскрытым ртом воздух.

Похоже, пребывание в мире темной материи имеет свои пределы. Или я еще не адаптировался, во что хочется верить больше.

Наконец, отдышавшись, ткнул пальцем в экран навигатора. «Стронгхолд» послушно сорвался с места. На всякий случай я велел уйти на пару кварталов дальше, но припарковаться удалось только на подземной стоянке супермаркета, автомобилей в городе пока еще слишком.

Выждав еще минут десять, послал вызов Лощицу. На экране тут же появилось его встревоженное лицо. В глазах тщательно упрятанная тревога.

— А-а-а, — произнес он несколько зажато, — что-то случилось?

— Да, — ответил я. — Насчет рыбалки.

Он спросил с задавливаемым нетерпением:

— Когда начнешь?

— Уже поймал, — ответил я. — А крупная рыба или нет, кухня скажет. У вас как насчет кухарки? Если толстая, такие готовят лучше худых. У меня такие вот непростые детские воспоминания, психоаналитику лучше не открывничать. И вообще толстые во всем лучше, не находите?

Он охнул.

— Шутишь?

— Насчет кухарки?

— Насчет рыбалки!

— Подъезжайте, — ответил я кротко. — Мне даже выйти не пришлось, сами принесли, будто сегодня четверг...

— Четверг, — повторил он в недоумении, — при чем тут четверг?

— Рыбный день, — пояснил я. — Ладно-ладно, шучу. У меня там знакомые девочки. Одна говорит так это чувственно: дорогой, бери от меня все, что хочешь... Ну я и захотел, понятно, конверт из секретной ячейки.

На экране было видно, как мимо проносятся дома, машина Лощица прет на такой скорости, словно на форсаже, вот вошла в крутой вираж пандуса.

Я отвернулся от экрана, через несколько секунд рядом бесшумно припарковался бронированный гигант Лощица.

Я вышел, не глядя по сторонам, как и положено покупателю супермаркета на подземной стоянке.

Лошиц открыл дверцу.

— А, привет-привет! — сказал он напряженным голосом. — Давно не виделись!

— Очень, — ответил я. — С последней войны в Кении? Или в Йемене?

Он дернулся, я сел с ним рядом. Он закрыл дверь, едва слышно загудели встроенные в стенки механизмы, активируя нужные гаджеты, что изолируют все внутри от подслушивания и подсматривания.

— Ну и шуточки, — сказал он с неодобрением. — Надо говорить о бабочках, пестиках, тычинках...

— О них говорят побывавшие в кенийской мясорубке, — сообщил я, — а офисный планктон старается выглядеть крутью...

Он перебил:

— Так что стряслось?

— Ничего, — ответил я с удивлением. — А должно?

— Но ты сказал...

— И сделал.

Я вытащил из-под полы три больших конверта, теперь они уже сдержанно-желтого цвета, типа золотые...

— Выбирайте. Я не знал, какой из них, на всякий случай захватил все три.

Он вскинул брови.

— Все три были в одной ячейке?

— Нет, — сообщил я. — В разных. Даже в разных углах. У него перехватило дыхание, а глаза стали шире некуда.

— Что... и как ты успел?

— Я же говорю, — сообщил я скромно и даже глазки опустил, жаль, покраснеть не удастся, как умеет Карелла, — там такие сотрудницы... как только увидели, какой я нарядный и обаятельный... да и зачем вам знать подробности? Я же у вас работаю всего лишь посыльным.

Он почти выхватил из моих рук конверты, даже прижал к груди. Мне показалось, что взорвавшийся вблизи Везувий не вызвал бы такой мощной реакции.

— Это... это невероятно, — выдавил он. — Парень, ты спас кучу народу!.. Не говоря уже о том, что предотвратил такое... Сейчас могу сказать, что остановил не только закрытие двух заводов и одной фабрики, но и не дал начаться войне за передел земель в Чаде.

— Да ладно, — сказал я равнодушно, — пусть воюют. Что еще делать безработным? Как и всем, кто на пособии... Хоть какое-то развлечение. Панэм эт цирцензес, что значит, на войне, как в цирке... Главное, чтоб в нашем огороде морковку не топтали.

Он, уже не слушая и ни на что больше не обращая внимания, кивком велел автомобилю трогаться с места.

— Твой догонит? — спросил он. — Или пошлешь развозить своих... помощников?

— У них свой транспорт, — сообщил я. — Пусть следует в арьергарде.

— Арьергард, — повторил он. — Давно таких слов не слышал. Вас что, учат по расширенной программе, начиная с Пунических войн?

— Просто умничаю, — ответил я скромно. — Надо же хоть где-то поблистать... Это у вас что за добавочная педаль?

Он сказал равнодушно:

— Да пустяки, это на случай, если вертолеты погонятся. Ну, не наши...

Лицо приняло отстраненное выражение, нахмурился.

— Что-то не так? — спросил я.

Он буркнул:

— Велят сменить маршрут. Не терпится... Или не поверили. По дороге проедем через парк, там встретимся.

— С заинтересованными?

Он чуть наклонил голову, голос прозвучал чуть-чуть зажато:

— С очень заинтересованными.

Глава 4

Красивая ухоженная дорога повела по прямой не совсем через парк, там с середины пришлось свернуть и медленно катить по горбатым дорожкам, раньше они были только для прогулок пешеходов, но какие теперь пешеходы? Даже ездить ленься, теперь бы всем летать по прямой...

Минут через десять я увидел впереди припаркованные вдоль дорожки четыре внедорожника в ряд, мощные и тяжелые. Броня чувствуется везде, даже на колесах, а почему в парке, тоже понятно, хотя издали видеть, не притащим ли за собой хвосты.

— Говорить буду я, — предупредил Лощиц. — Если что спросят, молчи и загадочно улыбайся.

Он включил связь, но ничего не сказал, тут же выключил, так мне показалось. Выждав чуть, сказал напряженным голосом:

— Велят подъехать вплотную.

— Велят? — спросил я взъежаченно. — Кто смеет нам велеть?

— Есть такие люди, — прошептал он. — Тихо...

Едва он подъехал к заднему внедорожнику, там открылась дверца, мужчина в темном костюме выскользнул так быстро, что никакой снайпер не успел бы взять на прицел, и тут же оказался на заднем сиденье, словно просочился сквозь обшивку, хотя да, дверка за ним хлопнула.

Лощиц протянул ему конверт.

— Это не вы обронили?

Мужчина в темном костюме жадно схватил конверт, тут же заглянул вовнутрь, лицо моментально озарилось хищной улыбкой.

— Господи!.. Я уже не верил!

— В Господа можно не верить, — обронил Лощиц многозначительно, — но не верить нам... было бы не совсем правильно.

— Спасибо, — сказал гость, — спасибо. Я даже сейчас с трудом верю в такое чудо. Наш концерт у вас в долгу.

Он опустил пальцы на ручку двери, но Лощиц сказал небрежным голосом:

— Да, кстати...

Господин спросил быстро:

— Слушаю?

— Мне кажется, — сказал Лощиц, — вам причитается бонус как счастливому покупателю. Держите.

Он сунул ему в руки оставшиеся два конверта. Гость повертел их перед глазами, вскинул взгляд на Лощица.

— Что это?

Лощиц сказал солидно, едва сдерживаясь, чтобы не заржать ликующе, как конь на параде под звуки медных труб:

— Это наш презент... в счет будущего сотрудничества. Вы найдете как использовать.

Тот поглядел на него, затем на меня внимательно, снова перевел взгляд на Лощица.

— Мы ценим ваше доверие, — проговорил он очень серьезным голосом. — И этот щедрый жест. Будем с вами отныне сотрудничать на постоянной основе.

— Мы рады, — ответил Лощиц дипломатически, но я видел, что действительно рад. Видимо, мы оказали услугу очень влиятельной корпорации. — А вы можете, как видите, положиться на опыт и умение наших людей.

— Вижу, — ответил господин в темном костюме и снова бросил на меня взгляд, хотя, уверен, не только ведет по-

стоянную съемку всего, что вокруг него, но уже знает обо мне все, начиная с момента, когда самый шустрый сперматозоид обогнал остальных триста миллионов соперников и первым прорвался в яйцеклетку, тут же затворив перед остальными двери на два засова. — Вы очень интересная... команда.

Реплика была непростой, но мы с Лощицем лишь скромно улыбнулись.

Едва он вернулся в свой автомобиль, вся колонна ментально снялась с места и на большой скорости умчалась в сторону главного шоссе.

Выждав несколько минут, Лощиц дал автомобилю команду двигаться к выходу из парка.

— Зачем ему столько телохранителей? — спросил я.

Лощиц сказал довольноно:

— Ты же работаешь у нас, а не у них — вот потому.

— Гы, — ответил я. — Нет, в телохранители не гожусь. Что тело... надо души беречь! Говорят, смолоду.

— Тогда тебе в священники, — ответил он грумливо.

— Нет, до этого еще не дошел, — ответил я. — Я так, пока посредине. Выбираю, как буриданов осел пророка Валаама. Все, деньги на счет или у них как?

— Прямо сейчас, — заверил он. — Я уже сообщил, что объект в безопасности. Ты богач, парень!.. Понятия не имею, как у тебя такое получается, но это не наше дело. И не спрашиваем, понял? Чем меньше знаем... Ты же не у нас в команде, а вольнонаемный, так что с нас нет спроса.

Я с облегчением вздохнул.

— Вот и хорошо.

— Всем хорошо, — подтвердил он.

— Главное, — сказал я, — у вас все получилось?.. А то я тут ничего не знаю, но полон как бы сочувствия.

— Да, — ответил он со сдержанной улыбкой. — Еще как получилось!

— Вот и славно, — сказал я. — Хоть я там и не участвовал, мне что-то обломилось, а это вдвойне приятно.

Он кивнул.

— Для руководства главное, чтобы договор перестал существовать. Вернее, сам документ о сделке. Остальное никого не интересует. Проверь свой счет! Я бы уже не утерпел.

— Утерплю, — пообещал я. — А то машину не смогу вести от счастья. Она у меня такая чувствительная, сразу проникается моими эмоциями. Я чувствительный, как только не пошел в поэты... Пить, правда, не люблю.

— Наверное, — согласился он, — поэтому.

Он протянул руку, я пожал с прежней силой, как мне показалось, но Лощиц вроде бы напрягся как-то слишком, будто моя хватка стала крепче.

«Стронгхолд» подлетел как на крыльях через пару минут и приглашающе распахнул дверцу.

— Домой, — велел я, опускаясь на сиденье. — Как же хорошо дома...

Довольный автомобиль понесся, как стремительная птица. Наверняка решил, что гонорар поделим, причем ему достанется половина побольше моей. Хотя, кто знает, если вышли какие-то особо дорогие прибабасы... а тюнинговать я люблю, если не сам лично...

Раздался тоненький звонок, мой натренированный слух современного человека уловил разницу в мелодии, я спросил, не поворачиваясь к экрану:

— Мама, здравствуй!.. У тебя все в порядке?

Голос прозвучал несколько ехидный:

— У нас да, а вот у тебя...

Я чуть повернул голову, огромный экран на боковой стене показывает внутренности дома родителей, мама на диване перед низким столиком с гламурными журналами, бумажная печать снова в моде среди гиков высшего света,

а рядом с мамой... блин, это же старшая дочка того финансиста, семью которого я освобождал из лап шантажистов!

— Что, — проговорил я сдавленным голосом, — что случилось?

Мама ответила с укором:

— Женя, что же ты бедную девочку оставил? На тебя это не похоже.

Я молча рассматривал Леонтию, сейчас это примерная юная леди из высшего света, скромная и приличная, даже глазки опустила, миленькая такая, хотя женщины умеют прикидываться ангелочками еще в пеленках.

— Мама...

— Приезжай сейчас же, — велела она таким голосом, что куда там пискнуть что-то насчет «немогу». — Мы как раз ужин готовим. Леонтия мне помогает.

— Ой, мама...

— Ждем, — произнесла она командным голосом и отрубилась связь.

Я помолчал, все еще колеблясь, можно бы и не ехать, но мама обидится, она и так ухитряется обижаться даже на пустом месте, а тут еще эта дочка банкира, или кто он там, какого хрена заявила прямо к ним, отыскала все-таки и меня, и мою родительскую норку...

— Смена маршрута, — сказал я навигатору. — К моим родителям. Прямой дорогой, никаких красот по пути.

«Стронгхолд» некоторое время мчался с таким видом, что вот-вот взлетит, но наверняка вспомнил, что там ждет густо застроенный район, сесть хоть и можно, но затруднительно, к тому же здесь уже близко... и передумал, только подбавил скорости.

Я с тоской подумал, что зря бурчу насчет Нижних Долин, здесь меня используют тоже как-то без особой фантазии... По крайней мере, пока не нашли другого применения, кроме как заложников спасать, вон уже второй или третий раз, как будто ничего другого делать не умею...

Или в самом деле не умею? Тогда сопи в две дырочки и не жалуйся. Или сам придумай, где ты можешь что-то сам, чтобы не выполнять чужие указания, такие одинаковые.

А то ишь, специалист по вызволению заложников! Того и гляди определяют как специализацию. А я вообще-то не очень обожаю специализацию, все-таки свободный художник должен работать только по вдохновению, а оно настоящих гениев посещает очень редко...

Когда промчался уже половину пути, вспыхнул огонек вызова из дома, я кивнул, на экране появилось нежное лицо Ани.

— Милый, — проворковала она ласковым голоском, — тебя разыскивает Борис. Жаждет пригласить на фестиваль пива. Международный! Съедутся с вот такими животами...

— Пошли его в жопу, — велел я. — Но не грубо, а так... чтобы почувствовал удовольствие.

— Тогда в мою? — переспросила она озадаченно.

— Нет, — ответил я твердо, — твоя моя! Я собственник, как все нормальные самцы.

Она улыбнулась с полным удовлетворением на лице.

— Знаешь, морда, — произнесла она с женской улыбочкой, — и кто это сказал, что люди сложные существа?

Я по-мужски молча вырубил связь.

Глава 5

Коттедж родителей добротный, но старинный, перестраивать все еще не хотят, люди их возраста обязаны быть по моде полуконсервативными.

В гараже едва помещаются их два автомобиля, гости оставляют свои на открытой стоянке близ ворот. Сейчас там в самом центре надменно красуется стильно-роскошный «Архейдж», автомобиль миллиардеров ручной и юве-

лирной сборки, постоянно обновляемый как по инету, так и во время каждой заправки.

«Стронгхолд», все зная, проехал мимо него медленно, сам с завистью рассматривает роскошнейшую штуку из новейших материалов оборонки, а потом со вздохом припарковался от него как можно дальше, чтоб их не сравнивали.

«Архейдж», понятно, это прибыла на нем избалованная дочка финансиста, как же иначе, ненавижу богачей лютой пролетарской ненавистью, хотя вообще-то уже и сам начинаю получать такие суммы на счет, что вроде не совсем пролетариат, у которого ничего, кроме цепей, но все равно сознание не успевает за размером гонораров, я все еще за отнять и поделить, а самих буржуев на кол.

«Стронгхолд» замер на парковке и открыл для меня дверцу, я выбрался уже взвинченный, злой, и пока торопился ко входу в дом, все сильнее себя накручивал, какого хрена эта дочка финансового воротилы явилась, и без нее проблем хватает...

На крыльцо выскочила Леонтия в строгом платье молодой леди, с аккуратной прической, в модных туфельках юной девушки, но не слишком, все-таки подросток, мордочка умытенькая, никакой косметики...

Она сказала страшным шепотом:

— Думал увильнуть?.. Ульяна тебя выдала!

— Как она? — спросил я зло только для того, чтобы спросить. — Кстати, здравствуй.

Она фыркнула.

— Она тебя боится до свинячьего визга!.. Побелела, когда я начала твои контакты требовать. Да, здравствуй, если хочешь.

— Вообще-то не хочу, — отрезал я. — Но ты сломала даже Ульяну? Я думал, она прям скала.

— Я кого угодно сломаю, — заявила она гордо. — У моего отца ни одного сына, а дочерей четыре!.. Потому я должна стать крутой и жестокой.

Я поинтересовался:

— А тебе сколько лет, школьница?

Она посмотрела на меня с презрением.

— Да, школьница!.. И что?.. Ты мне должен!

— Ого, — сказал я, — как мир меняется... Я думал, это ты должна. Кто кого вытаскивал?

— Я, — подтвердила она. — Но ты должен и просто обязан принять мою благодарность!

— Можно «Спасибо», — сказал я без всякого великодушия. — Даже «Большое спасибо»! Ладно, согласен на поцелуй, стерплю. В щечку. И чтоб не слюнявыми губами. Хотя и страшно, вдруг укусишь.

Она покачала головой.

— Поцелуем не отделаешься... Я не отделаюсь. Буду чувствовать, что недоплатила, обжулила, обманула, а я, тренируясь быть большим боссом, учусь вести дела хоть и жестко, но честно. Нужно работать на репутацию, не знал?

Я подумал, предложил:

— Давай так, скажем всем, что я тебя мурыжил всю ночь в постели, удовлетворяя все свои низменные инстинкты?.. И все увидят, что ты слово держишь.

Она нахмурилась.

— Меня эти «все» не интересуют, да и не собираюсь никого информировать. Но сама буду чувствовать, что веду дела нечестно. А я намерена все честно и прозрачно, без теневых схем и расплаты в конвертах через офшоры и генгелиты.

Я тяжело вздохнул.

— Ну ладно, дай доллар, и будем считать, что все путем.

— Чего, — переспросила она, — я стою всего доллар?.. Ну ты и свинья. Теперь изнасилую так, как подскажет моя фантазия. Что, уже трясешься? Ладно, если честно, фантазия у меня в этом деле убогая. Я вообще-то девственница, а порнуху не смотрю, противно. Я готовлюсь стать главой корпорации, а не.

Я подпрыгнул на месте.

— Что? Девственница? Только не это!..

Она ухватила меня за руку.

— Ты куда? Пойдем в дом, родители ждут.

— Надеюсь, — спросил я, вздрогнув, — только мои?

— Только, — заверила она. — Такой обед приготовили!.. Нет, это вроде бы ужин. Ранний.

Мы почти рука об руку переступили порог распахнутой двери, Леонтия пропела сладеньким до противности голоском:

— Вот он... правда хороший?.. Я не зря в него сразу безумно влюбилась. Милый, проходи в дом. Мама такой ужин приготовила!

В просторной гостиной празднично и цветисто, в смысле — букеты цветов по углам, снежно-белый массивный стол овальной формы почти готов к приему гостей, хоть еще не накрыт, но вилки, ложки и ножи уже разложены по белоснежной столешнице.

С дальней стороны, где кухня почти такого же размера плавно переходит в гостиную, в нашу сторону повернулись мама и отец, интеллигентные и милые, хотя это больше относится к отцу, уступившему маме в нескончаемой борьбе за женские права рулить миром свое место царя природы.

Мама, счастливо улыбаясь, заверила:

— Вы же с отцом мне помогали, не скромничайте!.. Жень, иди помой руки, а оттуда прямо за стол.

— Иду, — ответил я.

Леонтия пошла за мной, я закрыл двери и расстегнул молнию, намереваясь привычно помочиться в раковину умывальника, как все мы делаем, заодно разглядывая рожу и красиво напрягая плечи.

Она стала рядом и тихонько предложила:

— Давай я тебе яйца почешу?

Я поморщился.

— Дуреха, чтобы я брызнул на потолок?

— Ага, — сказала она, — признался.

— Брысь, — сказал я.

— Не брысну, — ответила она твердо.

Я стоял, медленно и с чувством отливая, она критически посмотрела на струю.

— Тебе нужно пить больше воды. Если моча прозрачная, то выпито много, если желтая, то мало. Нужно, чтобы светло-соломенного оттенка...

— Блин, — сказал я, — чему вас в школе учат... Убери руку! Сам стряхну. А то мать начнет думать всякое, если задержусь тут...

— У тебя хорошая мама, — сказала она с похвалой. — Никаких лишних вопросов. Современная женщина, а отец так и вовсе чудо. По-моему, горд за тебя. Такую красотку оторвал!

— Чего-чего? — спросил я. — Это ты красотка? А ну брысь!

— Не брысну, — повторила она, но я повернул ее к себе задом и дал пинка.

Она шумно вылетела в коридор, впечатавшись в стену напротив. Увидела в дальнем проеме двери отца и сказала ему с виноватой улыбкой:

— А ваш сын такой горячий... Наверное, в папу?

Отец смущенно улыбнулся и постарался скрыться из виду.

За стол мы пришли рука об руку, я не успел вовремя вырваться, а дальше было уже неловко.

Мама прошептала:

— Садитесь вот здесь... Женя, подвинь девушке стул...

Я придвинул, видел как-то подобное в старинном кине, Леонтия села с таким видом, словно ей за столом всякие там принцы постоянно придвигают стул, мило улыбнулась и поблагодарила небрежным кивком, зараза, как слугу, дескать, все мужчины должны служить женщинам.

Сесть мне пришлось рядом, мать настойчиво указывает взглядом, а Леонтия мило прошебетала:

— Мама говорила, в старину мужчины ухаживали за женщинами, в том числе и за столом... как хорошо, что этот дурной и дикий обычай исчез! Теперь могу сама поухаживать за вашим замечательным Женечкой!

— Гм, — сказал я предостерегающе.

— И за столом, — уточнила она, — тоже.

Мама польщенно улыбалась, как и отец, хоть он улавливает что-то неладное, замечаю по его сдержанной реакции.

Леонтия, чувствуя себя в своей тарелке, уверенно таскала из трех общих мисок на мою широкую тарелку всевозможные салаты, они продлевают жизнь, мы же такие старые, затем какое-то мясо морских тараканов, там в них йод и еще что-то необходимое мне и организму, мелких кальмариков и каких-то жареных червей, ненавижу этот фанатизм начинающих трансгуманистов.

А в конце сжалась и положила сверху широкий ломоть хорошо прожаренной баранины.

— Кушай, милый, — произнесла она заботливо, — а то за последний месяц ты так похудел... Не щадишь себя. Лучше почаще оставайся у меня на ночь, как ты делал раньше, пока не пошел по рукам.

Мама чуть не удавилась, а отец с укором покачал головой. Я пнул ее под столом ногой, Леонтия с той же улыбкой достала из большой вазы длинный пирог и положила на блюдце рядом с моей тарелкой.

— Как у тебя с сахарным диабетом?.. А то здесь многовато сахара... Ему как насчет сладкого?

Мама ответила осторожно:

— Вчера еще было можно, а сегодня уж и не знаю...

— Тогда пусть ест, — разрешила Леонтия. — Я буду следить за его инсулином. Но пироги пересчитаю!

— Ой, милая, — сказала мама растроганно, — какая ты заботливая...

— Мы, женщины, — сказала Леонтия рассудительно, — должны заботиться о наших мужчинах! Сами они разве смогут?

— Увы, — ответила мама с горестным вздохом. — Они такие... Отец, ты чего молчишь?

Отец проговорил медленно:

— Какой дивный закат...

Я оглянулся, небо торжественно-багровое, словно весь запад завешен театральным красным бархатом, а тот залит кровью небесных гамлетов и макбетов.

Раскаленный оранжевый шар медленно сползает к темной земле, а торжественно застывшие тучи обрели цвет перекаленного металла вперемешку со шлаком.

— Красиво, — согласился я равнодушно.

Леонтия тоже обернулась, взвизгнула.

— Ой, как чудесно!.. У нас никогда такого заката не было... Откуда вы только взяли такое чудо? Женечка, пойдем на веранду, посмотрим!

Я не успел упереться, она с силой вытащила меня из-за стола и поволокла из столовой в сторону веранды. Мама тоже было приподнялась, но отец ухватил ее за руку и придержал.

Закат в самом деле, да, но я с ожиданием посматривал больше на Леонтию. Она ответила вызывающим взглядом, но я в некоем прозрении увидел взъежаченного подростка, которому страшно, но не сдается, а старается показать жестокому и беспощадному миру, что она его не боится.

— Слушай, — спросил я тихо, — скажи честно, зачем я тебе?

Она вскинулась, как молодой жеребенок, которому я протягиваю оскорбительную узду.

— Я всего лишь...

— Брось, — прервал я благожелательно. — Для такой ерунды не станут разыскивать меня через моих родителей.

Она насупилась.

— Но я буду чувствовать себя неблагодарной обманщицей.

— Брось, — повторил я. — Если и чувствовала благодарность, то не больше чем две-три минуты. Потом ушло. Тебе же все, богатой девочке, подносят на блюдечке. Какие тут благодарности! Говори честно, иначе подзываю свой автомобильчик и уезжаю... Поел-попил, сыновий долг отдал, больше мне здесь делать нечего.

Она набрала в грудь воздуха, ожгла меня пламенем взгляда и... плечи опустились, огонь погас, а голос прозвучал совсем тускло:

— Я одинока... Не в том смысле, что ты подумал, я же вижу. В моем окружении много таких с предложениями распечатать меня, словно я бутылка дорогого вина, но это такие никчемные хлыщи.

— Я не хлыщ, — согласился я, — но не назвал бы себя особо кчемным.

— Вот-вот, — сказала она, оживая на глазах, — а они все мнят себя вершителями судеб! Только потому, что у их родителей миллионы. А сами нули. В тебе же внутри сталь. Я сразу ощутила, как только ты вошел. И когда говорил с теми... ну, с теми!

— Ну-ну?

— Я одинока, — повторила она и зябко повела плечами. — Опереться совсем не на кого.

— Отец?

— Занят бизнесом, — ответила она с некой долей горечи и одновременно гордости. — Он вершит... потому до меня нет дела.

— Черств?

— Нет, любит и холит, но он старого склада, не верит, что женщина может руководить и быть сильной. А мне именно это надо, быть сильной!

— Чего он вдруг, — спросил я. — В Европе сколько женщин в правительстве? Полно.

Она вздохнула.

— Да знаю, но отец говорит, потому Европа и в заднице. Миру нужны мужчины, сильные и решительные. Как у нас президент, что даже Конституцию изменил, чтобы избираться столько раз, сколько сможет тянуть на себе страну.

Я покачал головой.

— Все равно не вижу у нас с тобой даже точек соприкосновения. Я — это я, а ты — это ты. Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут...

— Восток и Запад у него сошлись, — напомнила она. — Думаешь, не читала?.. Ладно, угадал, не читала, но мультитик смотрела.

— Ну-ну.

— Давай так, — сказала она рассудительно. — Ты распечатаешь меня, и я стану одной из твоих девушек.

— Нет, — ответил я. — Смотрю на тебя и... не могу. Ты совсем еще щенок. Хотя уже и твякаешь. Но как-то не страшно, а забавно.

Она сказала сердито:

— Щенок? Мои одноклассники шкварятся так, что дым идет!.. Всех ребят в старших классах перетрахали. Ты чего?

— Ну не знаю, — промямлил я. — Старомодный я.

— Пророк взял в жены восьмилетнюю, — напомнила она.

— То было символически, — уточнил я. — Он не спал с нею. И вообще... меня никогда не тянуло на малолеток. Женщины постарше — это да!.. Еще лучше, если старше меня самого вдвое. С ними проще. Нет капризов и завыв-

шенных требований... А вот на тебя смотрю и... что, мне вступать в стройные ряды педофилов? Так у них нестройные...

Она возразила:

— Я единственная в нашем классе девственница!..

Я посмотрел критически:

— Да ну?

— Ну, есть еще одна, — отрезала она сердито, — но страшила и получокнутая. Так что не надо про педофилию. Тебе показать статью закона, с какого возраста уже можно?

— Не надо, — ответил я. — Вроде не стар, но не поспеваю за этими новшествами. По-моему, закон о легализации браков со свиньями — перебор. Я не еврей и не муслим, но все-таки жениться на свинье... Я даже ни разу не вязался со свиньей, хотя это в тренде, чтобы выглядеть продвинутым.

Она передернула плечами.

— Мой отец тоже осуждает.

— Видишь, — сказал я, — я тебе как отец.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Ты старше меня на десяток лет, да и то под вопросом!.. А моя мама была моложе отца на двадцать.

— Была?

Ее глаза чуть потемнели, а голос стал ниже:

— В Бордо ворвалась армия ислама... Всех жителей убили, моя мама была там с деловой поездкой. Прошло десять лет, отец так и не женился.

— Сочувствую, — сказал я и ощутил, что в самом деле сочувствую, надо же. — Бордо не жалко, там французики, что когда-то поучали нас, да и потом пробовали, но потеря твоей матери... я бы десять бордов сжег, чтобы она жила.

— Спасибо, — ответила она грустно. — Я же говорю, ты жестокий и добрый. А в моем мире нет ни того, ни другого. Одни амебы плавают... А те, что покрупнее, медузы, что тоже амебы, только еще противнее.

— А кто была та с вами? — спросил я. — Мне показалось, ваша мама...

— Это тетя, — пояснила она. — Сестра мамы. Похожа на нее, старается быть мамой для нас, но отец в ее сторону даже не смотрит. Так что вот так...

— Отец от бурь оберегает? — спросил я.

Она ответила со вздохом:

— Еще как. Но, как видишь, он силен, но не все силен. А где он не смог, сумел ты.

— Совершенно случайно, — пробормотал я. — Мимо проходил. Очень мне надо было тебя вытаскивать!

Из столовой донесся голос мамы:

— Ребята!.. Солнце уже зашло. Возвращаемся за стол! Несу кофе с пирожными.

Глава 6

Кофе в конце обеда или ужина в среде грамотных людей считается сигналом гостям собираться домой, я с облегчением вернулся на свое место, для меня кофе — лучшее завершение трудового дня, после большой чашки крепкого кофе я сплю без задних ног. А кофе пью настоящий, лучший, из зерен, что выкапывают из говна травоядных, сжигающих ягоды кофе, из-за чего у кофе такой особый аромат и привкус.

Леонтия тоже выдула большую чашку, обезьянничая или просто стараясь понравиться. Я же отхлебывал большими глотками, мама для себя делает негорячий и некрепкий, здоровье бережет, а для меня только горячий, крепчайший и чтоб много сахара.

Поглядывая на Леонтию, чувствую всеми мужскими фибрами, что это коварное существо еще не все прохрюкало. У женщин всегда какие-то неприятные сюрпризы, а эта вот хрюкалка уже вполне женщина, хотя и малолетняя,

но особо живучие сразу рождаются с женским складом ума и, хуже того, женским характером.

Леонтия посмотрела на татушные часы на запястье, охнула, дескать, как поздно, домой пора, она же примерная девочка, и произнесла миленьким голоском:

— Вы такие замечательные добрые люди... Пора уезжать, а так не хочется. Можно, я отцу позвоню?

Мама сказала благосклонно:

— Конечно, дорогая. Родители всегда должны знать, где их ребенок. Мы вот всегда знаем, где наш Женечка. У него хороший домик и прекрасная работа посыльного в крупной фирме...

Леонтия бросила на меня мстительный взгляд, ага, попался, дуришь родителей, сказала тоненьким голоском:

— Спасибо.

Шевельнула кистью, зеленый браслет заиграл огоньками, а на стене напротив вспыхнул широкий экран, что значит — секрета из своего звонка не делает.

Появилось властное лицо крупного мужчины с коротко подстриженными по старой моде седеющими волосами. Он поднял взгляд на экран, улыбнулся всем, тут же устремил заботливый взгляд на примерную девочку Леонтию.

— Малышка?.. Ты, смотрю, не дома?.. А где охрана?

— Я в гостях, — прошептала Леонтия. — Вот смотри.

Она подняла руку над головой и покрутила кистью, давая возможность отцу увидеть всю комнату, накрытый стол, моих родителей с их доброжелательными улыбками, а также меня, я с трудом заставил себя выглядеть пристойно, хотя бы в моем понимании.

— Гм, — сказал ее отец озадаченно, — продолжаешь удивлять... Но я рад за тебя, там вижу милых и приличных людей.

— Да, папа, — подхватила она, не дав закончить, — потому я и хотела сказать, ты же не будешь против, если переночую у них, а рано утром вернусь домой?

Я покосился на своих родителей, у отца и матери одинаково шокированный вид, что-то приличная девочка выходит из роли. Ее отец поглядел на них, мне показалось, ему даже понравился их ошарашенный вид, что должно говорить о порядочности и приверженности уходящим из употребления нормам приличия.

— Малышка, — проговорил он со строгостью в голосе, — ты же понимаешь...

— Папа, — прервала она, — здесь тот... ну, который там был... Вот он, посмотри.

Он перевел взгляд на меня, я назло ей опустил плечи и постарался выглядеть как можно глупее и простоватее.

Он некоторое время всматривался в меня, затем проговорил с заметным затруднением:

— Конечно, это в какой-то мере меняет дело, но все же...

— Папа, — сказала она требовательно, — папа!

Он вздохнул.

— Да, малышка, — сказал он. — Они хорошие люди, я вижу.

В мою сторону больше не смотрел, будто насмотрелся раньше, а у меня мелькнула мысль насчет анализаторов, мгновенно считывающих картинку с экрана, а еще могут сообщать психологические характеристики всех присутствующих, строить какие-то выводы на основании сервировки стола, украшения на стенах и многих-многих деталей, над расшифровкой которых трудились сотни квалифицированнейших психологов.

— Спасибо, папа, — прошептала она и поспешно прервала связь, а то вроде бы отец собирался сказать что-то еще. — Видите, папа не против, хотя он у меня очень строгий. Но вы ему понравились, он вам доверяет!

Мама сказала все еще растерянно:

— Да-да, дорогая... все хорошо. Доедайте пирог, а там, наверное...

Отец пришел ей на помощь:

— Наверное, отец укладывает вас рано? Вы же школьница?

— Старшая школьница, — уточнила она с достоинством. — Хотя отец у меня строг, вы угадали. Прямо деспот, всегда укладывает рано, вы очень проникательный человек!

Отец польщенно заулыбался. Некоторое время мы в самом деле по инерции доедали пирог, раз уж велела мама, да и пирог стоит того, чтобы доесть, мама готовить умеет и без изощренного кухонного комбайна, наконец она сказала несколько смущенно:

— Пойдем, милая, покажу тебе твою комнату. Там не очень просторно, обычная гостевая, но все необходимое на месте. Даже отдельный туалет и душ. Одеяло и подушка в ящике.

Они ушли, Леонтия успела оглянуться и бросить на меня сердитый взгляд, дескать, только посмей уехать домой, догоню и придушу.

Отец посмотрел на меня с веселым интересом.

— Энергичная девочка?

— Чересчур, — буркнул я.

— И как тебе?

— Нафига мне энергичная? — сказал я сердито. — Энергичным должен быть мужчина! А женщина обязана идти на два шага сзади.

— Если только не идете по минному полю, — уточнил он.

— Вот-вот, — согласился я. — В нашей мирной жизни нет смысла пропускать ее вперед. Что делать, у меня здоровые мужские вкусы. Женщина должна быть дурой и даже не пытаться умничать... Ладно, я пошел спать. Утром умчусь, пока все спят.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— И тебе, — ответил я чуточку сердито, потому что в его голосе почудился какой-то намек.

Моя комната, где обычно останавливаюсь, когда приезжаю к родителям надолго, а это случается все реже и реже, на прежнем месте, все нетронуто, автоматика следит за чистотой, теперь это просто.

Я завалился на хрустящие по старинке простыни и напомнил себе, что с утра нужно ехать по известному адресу за снайперской винтовкой системы «СУБ-12».

Надеюсь, заказ удалось выполнить, хотя я перехожу в разряд требовательных клиентов, которых не устраивают простые пистолеты или автоматы. Для орлов нужны еще и всякие необходимые для жизни штуки, начиная от простых гранат спецназа до мощных мин направленного действия.

Дверь чуть приоткрылась, в комнату прошмыгнула тонкая фигурка в длинной и такой смешной ночной рубашке, что я невольно ржанул. Леонтия во мгновение ока подбежала к кровати и проскользнула под одеяло.

— Чего ржешь, — прошипела она. — Сама я, что ли, выбрала эту штуку? Твоя мама настояла!

— Снимай, — посоветовал я доброжелательно. — Дома голенькой спишь?

— Как и ты, — ответила она. — Погаси свет!

— Ты что, — спросил я в недоумении, — старомодная?.. В темноте только наши бабушки вязались.

— При чем тут старомодность, — ответила она сердитым шепотом. — Я худая, ребра торчат, сиськи маленькие...

— ...а жопа холодная, — продолжил я ее жалобы насчет такой важной проблемы, — ладно-ладно, расслабься.

Свет по моему жесту погас, но полной темноты все равно нет. В окна падают широкие косые лучи огромной полной луны, а жалюзи у родителей опустятся автоматически в полночь, так что ее тощенькая фигурка все равно видна, разве что смотрится теперь таинственнее и жалобнее.

Я подвинулся, она осторожненько легла рядом на спину и, как мне показалось, послушно раздвинула ноги. Я не шевелился, только повернул голову и рассматривал ее лицо.

В полутьме оно смотрится еще резче, острый и чуточку вздернутый носик, высокие скулы и запавшие щеки, выдвинутый вперед подбородок, красиво очерченный и вылизанный природой до совершенства, как тысячи дизайнеров вычерчивают корпуса модных автомобилей до миллиметра, большие, испуганно блестящие, как у пойманной дикой птицы, глаза...

— Ну ты чего? — спросила она. — Я такая противная?..

— Расслабься, — посоветовал я. — Я что, должен сразу наброситься?

— Ну да, — ответила она так тихо, как отвечал бы робкий зайчик, — я же смотрю фильмы.

Я фыркнул.

— Режиссерам нужна динамика. Мужчина набрасывается сразу, а женщина начинает извиваться и стонать еще до момента, как ее коснутся его руки. Если растянут на полчаса, кто будет смотреть?.. Иди сюда ближе, не бойся. Положи голову вот сюда... нет-нет, не спеши, на плечо положи!.. Забрось ногу, так тебе будет удобнее.

Она шепнула:

— А тебе?

— Нам все удобно, — ответил я кратко. — Надеюсь, твой отец заново перепроверил свою охрану? Точнее, охрану вашего дома? Особняк большой или огромный?

Она ответила тем же шепотом:

— Особняк большой, но проверять еще не проверяли. Это дело начальника охраны, отец его сразу заменил.

— Думаешь, этого достаточно?

Она буркнула:

— У отца сейчас две очень важные сделки на завершающем этапе... А что?

— Захватили вас не случайно, — ответил я сварливо. — Кто-то из дома если не руководил, то хотя бы снабжал всей инфой.

— Что, вот так обязательно из дома?

— Вы же, как тараканы, — объяснил я, — разбегаетесь по разным местам, кому-то надо было быстро переловить и запихнуть в один минивэн? Значит, кто-то знал точно, где каждый из вас в песочке роется.

Я ощутил, как она приподняла голову и посмотрела на меня испуганными глазами.

— Точно, везли в минивэне... Откуда знаешь?

— Думаешь, — буркнул я, — это я вас воровал? Просто минивэнов полно в городе и за городом. Меньше внимания, а поместитесь все.

— Ну да...

— Все продумано, — объяснил я, — никакой самодетельности. Возможно, в том особняке, куда вас привезли, все были простыми исполнителями, а руководил кто-то из вашего поместья.

Она зябко передернула худыми плечиками, я обнял ее одной рукой, чувствуя, какая у меня, оказывается, ладонь широкая, просто лопата, а у нее такие хрупкие косточки, как у кролика, которого ели за ужином.

Посмотрев на меня искоса, она слегка прижала брошенной на мое пузо и согнутой в колене ногой.

— Ну ты чего?.. Давай порти меня!

— Ага, — ответил я с удовлетворением, — начинаешь оживать?.. Хорошо...

— А что, — огрызнулась она, — может, никак не ждуся перехода в новый стаз? Отец говорил, человек переходит тоже несколько этапов: гусеница—куколка—бабочка, только не как бабочка, а как майский жук, у того стазов больше...

— У человека еще больше, — заверил я. — Ладно, не хочется, но надо, это наш долг — спасти мир.

Глава 7

Утром я попытался вытолкать ее из постели, она возмутилась, теперь уже имеет на меня право, ага, как же, я тоже современный и демократ, что значит — никаких обязанностей не признаю, у меня только права.

Наконец торопливо выскользнула из-под одеяла прямо в свою нелепую ночную рубашку, это чтоб не показать мне недоразвитую жопу и полусиськи, как будто у меня отсутствует тактильная память.

Родители, судя по доносящимся звукам со стороны кухни, уже поднялись, что-то готовят и тактично ждут, когда мы уоемся, приведем себя в порядок и выйдем к завтраку.

Я пришел первым, уже умытый и с почищенными зубами, Леонтия же, скромная, как монашка, появилась на кухне с опущенными глазками и жарким румянцем на щеках.

Мама взглянула встревоженно, а она подошла к ней и с самым виноватым видом склонила голову.

— Ой, — прошептала она стыдливо, — простите...

Мама спросила встревоженно:

— Что случилось, милая?

Леонтия прошептала совсем несчастным голоском:

— Я вам простыню испортила.

Мать спросила испуганно:

— Как это... что стряслось?

Леонтия совсем потупила глазки, дальше некуда, сказала стыдливым шепотом:

— Ваш сын... я не смогла устоять... ночью увлек меня в свою комнату и... в общем, я теперь женщина. Надеюсь, не забеременею, мне через месяц в восьмой класс...

Мама охнула, бросила на меня огненный взгляд.

— Евгений!.. Как ты посмел?

Леонтия сказала тоненьким жалобным голосом:

— Не ругайте его. Что случилось, то случилось. Я не могла устоять против его бурного натиска, так что это и моя вина. Девушка должна сама беречь свою девственность от мужских посягательств, но я вот не уберегла, так что сама виноватая, как всегда у нас, женщин.

— Как он мог, — проговорила мать в панике, — он же такой скромный!

— Вот-вот, — подтвердила она, — мне тоже таким казался все годы, что встречаемся! Другие сразу под юбку лезут, а он никогда... только сиськи давил больно, но я ж виноватая, что они еще маленькие!. Потом отрастут, у моей мамы были большие. А теперь вот усыпил мою бдительность и... в общем, я недобдила.

Мать обняла ее, Леонтия с готовностью прижалась к ней, такая тоненькая и жалобная, что даже мне стало чуть-чуть жалко этого брехливого лисенка.

— Пойдем, милая, — сказала мать жалостливо, — я помогу тебе.

— Только не ругайте его, — сказала она жалобно, — я теперь его, а он, выходит, мой, так что я должна его защищать... даже от свекрови...

Я проводил их обалделым взглядом, а отец, что слушал с порога, подошел и сказал тихонько с укором:

— Как же ты так...

Я развел руками.

— Да само как-то вышло.

— Понимаю, — произнес он тихо, — хотя это «само» обычно подстроено. Пришлось доказывать?

— Да, — согласился я виновато. — Мы же, мужчины, всегда доказываем, а им доказывать не надо, дуры и так счастливы. Но мы чересчур чувствительные, вдруг подумают, что не можем... Вот и...

Он сказал с сочувствием:

— Доказал?

— Да, пару раз... Нет, три.

Он поморщился.

— Зачем? Для нее это травма.

— Так доказывал же, — сказал я, оправдываясь. — А то подумает, что больше не могу. Мы же нежные и чувствительные, это женщины толстокожие, как крокодилы, а мы все почти поэты в душе. В глубинах души. У нас же большие души, там все поместится. Потому женщинам все как с крокодила вода, а мы страдаем по всякой ерунде, если даже в Африке птичка прищемит лапку.

Из столовой раздался голос мамы:

— Все-все, завтрак на столе!.. Не задерживайтесь!

Отец вздохнул.

— Пойдем. Теперь что-то да изменится.

— Справимся, — заверил я. — Нас не переиграть.

— Да? — спросил он с сомнением и вздохнул.

За столом Леонтия почти не поднимала на меня взгляда, стыдливо краснела, блин, да как это они делают, это же всю систему кровоснабжения нужно брать под контроль, суперспособность, а она запросто, то туда румянец пошлет, то туда... то-то ночью иногда просто обжигало в какие-то важные моменты.

Мама сказала строго:

— Женя, кушай омлет, тебе полезно! Ты что-то худой совсем.

— Вчера был толще, — поддержал отец, то ли намекает на что-то, то ли бездумно поддерживает супругу, мою маму попробуй не поддержи, — и вон фруктовый коктейль выпей, там калории и что-то еще странное, однако нужное, если почему-то верить Минздраву.

— Да, — сказала и Леонтия рассудительным голосом, — слушайся, что родители говорят, они лучше знают.

— Чего вдруг? — буркнул я.

Она сказала важно:

— На их стороне и опыт, и мудрость, да и знают тебя с пеленок... А я буду с ними советоваться, чем тебя кормить... можно, правда?

Мама просто растаяла, ответила нежнейшим голосом:

— Да, милая, конечно же, мы тебе во всем поможем!

— Да, — сказал и отец, потому что от него явно требовалось, — да, конечно, поможем. Можешь рассчитывать на нас. Всецело. Ага, точно.

Леонтия умело нарезает фигурно испеченную баранину и заботливо перекладывает на мою тарелку, сама же клюет, как мелкая птичка, то ли в самом деле нет аппетита, то ли показывает, что кормить ее будет дешево.

Не поднимая от тарелки взгляда, она сказала рассудительно:

— Ваш Женя — моя первая любовь. Надеюсь, когда-то остепенится, набегается и женится на мне, а я буду такой хорошей, такой послушной, такой верной и правильной...

Я взглядом сказал ей, чтобы не переигрывала, мои родители не обязательно дураки, раз уж хорошие люди. Хорошие вовсе не синоним тупизны, хотя, конечно...

Мама сказала растроганно:

— Милая, но тебе еще школу нужно закончить, потом вуз... Много воды утечет!

Леонтия сказала пламенно:

— Но я всегда его буду любить! Он самый лучший на свете. Я буду стараться расти быстрее.

— А брачный возраст разве не повысили? — спросил отец. — Сразу на пять лет?

— Это пенсионный сразу на пять, — поправила мама. — А для брака добавили всего три. Так что вам еще не скоро, дорогие мои.

Она сказала твердо:

— Я дождусь!..

Я торопливо допил кофе и, поставив чашку, быстро поднялся.

— Ну все, мне пора!

Леонтия моментально вскочила, но ничего не сказала, пока не выскочила за мной на крыльцо, а там злобно прошипела:

— Ты что, уже бросаешь? Сразу же после брачной ночи?

— Слушай, малолетка, — сказал я, — если хочешь, подброшу тебя по дороге малость. Но только не пищать и не чирикать. Я рыб люблю, поняла?..

Она вскрикнула:

— Как скажешь, милый!.. Молчу, как целая стая рыб. И в дороге не хрюкну.

— Рыбы булькают.

— И не булькну!

Ее роскошный «Архейдж» сорвался со стоянки, как застоявшийся конь, буквально в прыжке оказался перед нами у ступеней.

Леонтия с улыбкой превосходства указала мне кивком на правое сиденье.

— Нет, — ответил я кратко, — едем в моем.

Она запнулась на полуслове, плечики опустились и сказала покорным голоском:

— Да, милый. Как скажешь.

Что они, мелькнула мысль, по одним программам учились, что ли, Аня тоже говорит такими же словами и таким голоском.

«Стронгхолд» распахнул перед нами дверцы, Леонтия покорно села со мной рядом.

— Твоя тележка дорогу отыщет? — спросил я.

— Отыщет, — сказала она. — Спасибо, что решил отвезти меня сам. Лично.

Я буркнул:

— Когда ты у нас, отвечаю за тебя я.

Она радостно вспискнула:

— Ой, как здорово! Теперь буду постоянно возле тебя. Вцеплюсь, как самый худой и голодный клещ.

— Привяжу в твоём доме и оставлю, — пригрозил я. — Но, думаю, у вас там от охраны не протолкнуться. Ещё у ворот встретят, верно?

Её лицо погрузнело.

— Да... но это не спасло, сам знаешь.

Глава 8

«Стронгхолд» неся по скоростному шоссе быстро и красиво, я покосился на её лицо, вдруг да морщится, её авто вообще президентское, однако она смотрит вперед и по сторонам совершенно естественно, что как раз и характерно для по-настоящему зажиточных, они уже ни с кем не меряются, у кого что круче.

Когда шоссе осталось позади, «Стронгхолд» понёсся через роскошные рощи, Леонтия вытянула руку.

— Вон там поворот... видишь? Оттуда камеры захватывают объект и ведут до самого крыльца.

— Хорошая дальность, — одобрил я. — По цепочке?

— Не знаю, — ответила она равнодушно. — Это дело технарей.

Дорога пошла чуточку вверх, и вдаль начал подниматься из-за деревьев роскошный дворец, выполненный в старинном стиле, я не разбираюсь в Людовиках или даже Луях, но что-то из их эпох.

Высокая металлическая оградка вынесена далеко вперед, не перебраться, я с ходу заметил замаскированные глазки видеокamer, но смолчал, на мой взгляд, спрятать могли бы и получше.

Ворота быстро приблизились, огромные и роскошные, такие видел в резиденции королевы Елизаветы Тюдор, чересчур массивные, но в то же время величественные.

При нашем приближении, однако, даже не шелохнулись, а суровый голос спросил:

— Пароль?

Леонтия огрызнулась:

— Валентин, ты меня перестал узнавать?

Голос ответил с виноватой ноткой:

— Простите, но никто не предупредил.

— Все в порядке, — оборвала она. — Открывай.

Ворота ушли в стороны с некоролевской поспешностью, «Стронгхолд» понесся по длинной и широкой дороге, вымощенной под старину булыжником.

Дворец приближается с каждым мгновением, роскошный, помпезный, но все-таки красивый, есть некое очарование в старине, если это королевская старина, а не трущобная, в старину строили не только дворцы и замки.

С крыльца торопливо спустились несколько человек и, выстроившись в два ряда по обе стороны дорожки, ждали нас с самым почтительным видом.

Леонтия выскочила, легкая и властная, аристократка хренова, вид такой, что хоть сейчас на коня, цилиндр на голову, а в руку хлыст.

— Все в порядке, — заявила она. — Я вернулась, все за работу!

Слуги поклонились и разошлись, но остался один, пожилой и настолько важный, что у него могли бы поучиться манерам Кливард и Джуэл, а то и Брандштеттер.

— Прошу прощения, — произнес он протокольным голосом, лишенным всяких эмоций. — Ваша тетя велела передать, что она вылетела с племянницами на Гавайи, где пробудет два-три дня в Зеленом домике. Просит вылететь к ней как можно быстрее.

Леонтия отпустила его небрежным кивком, задумалась, в глазах снова беззащитное выражение, оглянулась на меня жалобно и просяще.

— Ну вот, — прошептала она, — и даже любимая тетя не задержалась.

— Не надо ночевать у парней, — сообщил я. — Благо-воспитанные леди так не делают.

— Я заночевала у приличной супружеской пары, — от-парировала она, — с крепкими моральными устоями а-ля прошлый век.

— Да ну?

— Это ты, — сказала она обвиняюще, — воспользо-вался моей доверчивостью и наивностью... Может быть, зайдешь? Мне так страшно.

Голос ее прозвучал совсем безнадежно, но я сказал без всякой жалости:

— Так я и поверил. А кто террориста пинал в голову?

— Ну пойдем, — сказала она совсем тоненьким голо-ском, — проводи меня в мою комнату. Там я запрюсь и буду прятаться, пока отец не вернется.

Я ответил с сердцем:

— Когда вот так пищишь... А хвостиком махать еще не умеешь?

— Научусь, — пообещала она обрадованно.

— Веди! Тоже мне леди.

— А что, не тяну?

— Ничуть, — отрезал я безжалостно, — какой-то худой заморенный поросенок. Даже лисенок.

Она легко взбежала по ступенькам, массивная входная дверь ушла в сторону. Я вступил в просторный холл и ощу-тил нечто знакомое, словно вернулся в Нижние Долины, такой же дворец, такая же надежность стен, полуутоплен-ные в стены колонны, лепной потолок и огромные карти-ны в массивных рамах.

— Моя комната на третьем этаже, — сообщила Леон-тия.

— Пойдем, — согласился я. — По дороге посмотрим и на второй.

У лестницы нас встретил настоящий дворецкий, учтиво поклонился, напомнив вельможного глерда, только одет с

большим достоинством, а в холле выстроилась целая вереница слуг, от хорошеньких смазливых девушек до трех поваров.

Леонтия поприветствовала их милостивым наклоном головы и прошла со мной к широкой мраморной лестнице.

По таким совсем недавно ходил, здесь едва ли не богаче, чем у королевы, только меньше глупой роскоши, все-таки вкус, видимо, тоже совершенствуется, хотя не везде равномерно, а как-то рывками.

Поднимаясь по ступенькам, я спросил тихонько:

— А почему не роботы?..

Она пожала плечами.

— Не знаю. Отцу привычнее по старинке, хотя в бизнесе он на острие технологий. «Нейснейроник» он заметил на этапе стартапа, влил кучу денег, теперь у него семьдесят процентов акций! Только они принесли ему семнадцать миллиардов долларов.

— Роботы умеют больше, — заметил я и добавил язвительно: — Да и дешевле, что для вас, бизнесменов, так важно!

Она пропустила мимо ушей ехидность, что как-то даже настораживает, ответила тихонько:

— Ходят слухи, роботов можно удаленно хакнуть и перепрограммировать...

— Ну да, — возразил я, — это надо перепрошивать железо! В особой мастерской. Во всяком случае, насчет роботов еще вопрос, а вот кого-то из вашего обслуживающего персонала точно хакнули.

— Что-что?

— Перекупили, — пояснил я. — Человека хакнуть еще проще, как видишь.

Она сказала потерянными голосом:

— Это страшно...

— Теперь, — сказал я с сарказмом, — наверняка работает на конкурентов...

Широкая площадка на втором этаже хвастливо указывает в обе стороны, где просматриваются роскошные залы, а за ними, как понимаю, еще и еще, это же дворец, так принято.

Мраморная лестница намекнула мне, что можно подняться и выше, а Леонтия как хозяйка, которой подсказки не нужны, повела на третий этаж, где свернула направо, как правильная девочка.

Широкий коридор и двери с одной стороны на таких расстояниях одна от другой, что удобнее бы передвигаться хотя бы на самокате, но здесь, похоже, люди не торопятся.

Вторая дверь распахнулась, едва Леонтия выставила перед собой ладонь. Роскошью пахло в коридор с такой силой, что моя спина сразу вздыбилась пролетарским гребнем.

Ее комнату я бы не назвал комнатой, незачем такую соплюшку баловать апартаментами из семи помещений, где в ванной комнате целый бассейн, а роскошной спальне позавидует королева.

Леонтия наблюдает за мной пугливо и настороженно, от меня похвал и восторгов не дождешься, понимает, а я зашел в спальню, посмотрел по сторонам и на потолок, Леонтия не сводила с меня испуганного взгляда.

— Что, — спросила она с настороженным непониманием, — что так смотришь?

— Три камеры, — заметил я. — Неужели за тобой наблюдать так интересно? Мне бы такое влом. Порнуха интереснее. Извращенцы какие-то.

Она охнула.

— Что? Мне сказали, мои личные комнаты вне просмотра. Как посмели, как посмели?

Я фыркнул.

— А чем таким занимаешься, что нельзя смотреть? Теперь все можно, запретов нет. Нельзя только изготавливать бомбы по книге юного техника «Сделай сам».

— В моей комнате, — повторила она люто, — в моей спальне!

— А ты кто? — спросил я нагло. — Мелочь беспузая, да еще и сиськи маленькие. Школьница! Три ха-ха-ха, кто тебя спрашивать будет? У тебя право голоса какого уровня?

Она прошипела:

— А не врешь? Как ты мог увидеть?

— Случайно, — ответил я.

— Все три?

— А вдруг я охотник, — ответил я. — Мы, буряты, белку в глаз бьем! Лопатой.

— Где? — потребовала она.

Я указал пальцем, она ухватила короткий маникюрный ножичек, подставила стул, я даже не успел помочь взобраться, привстала на цыпочки, долго щупала стекляшки в глазах терракотовых воинов, я уже ждал, что откажется от идеи отыскать, и вдруг вскрикнула злобно:

— Вот!.. Вот оно!

И вытащила, подцепив кончиком ножа, крохотный объектив, за которым потащился тоненький проводок.

Я присвистнул.

— Что значит нищета... У меня и то везде беспроводное... Или тут в суперкачестве?... Чем ты здесь занимаешься, а? Для безопасности достаточно записывать в эйч-ди, а если с проводами, то каждый волосок у тебя на интимном месте будет выглядеть как бревно.

— У меня там еще не растут волосы, — отпаривала она. — Мог бы и заметить! Или нащупать, а ты щупал, до сих пор твои пальцы чувствую! Все, я теперь их всех разорву. На мелкие части!

— Погоди, — сказал я, — а вдруг это твой отец распорядился?.. Хотя, гм...

— Что?

— Смахивает на кустаршину, — признался я. — Может быть, кто-то из охраны работает на кого-то еще? И собирают о тебе сведения?.. Кстати, как вас тогда захватили?.. Вспомни все детали, вдруг что-то прояснится. Ты записи не вела?

Она помотала головой.

— У нас сразу все отобрали. Кольца и серьги вернули, правда, но потом, когда проверили. А все смарты накрылись.

— Дорогие? — спросил я с сочувствием.

Она отмахнулась.

— Все в облаке, а железа полно в продаже. Не о том спрашиваешь. Значит, крот прямо у нас?..

— Какие неприличные слова знаешь, — сказал я с укором. — А еще леди!

— Я современная леди, — отпарировала она гордо. — И единственная из детей своего отца, кто возьмется рулить и править!.. Я не позволю отдать его сорок два миллиарда в благотворительные фонды. Ты мне поможешь?

— А мне нафига?

Она посмотрела в великом удивлении.

— Я разве не твоя невеста?.. Твоей маме я понравилась!

— А папе?

Она наморщила нос.

— А он имеет право голоса?

— Ладно, — ответил я. — В детстве, помню, подбирал котят и щенков, тащил домой, кормил...

— Тащи и меня, — прервала она. — Хоть за шкуру! Не пискну.

Я подумал, все еще в затруднении.

— Вам нужно вычислить крота. Как? Не знаю. Может быть, посмотреть на всех, переговорить с ними?

Она посмотрела с недоверием.

— Так просто? Вот так возьмут и скажут?

— Можно какие-то хитрые ловушки, — признался я. — Специалисты знают.

— А ты?

— Я не специалист, — ответил я. — Я же простой посыльный, курьер, один из многих... Могу рассчитывать только на свою интуицию.

— Я в тебя верю, — сказала она твердо. — Ты прост и прям. Еще когда твое авто въехало на участок твоей мамы, я уже поняла, что через пару часов буду лежать под тобой с раздвинутыми ногами!

— Хорошо-хорошо, — сказал я поспешно. — Вообще-то ребенок не должен говорить так... откровенно. Для леди это вообще вульгарно. Ваших работников надо вызвать или сходим на их место работы?

Она поморщилась.

— На кухню? Леди туда не ходят. Лучше вызовем сюда. Нет, удобнее будет в холле.

— Хорошо, — согласился я. — Да и нервничать там будут больше.

Она нарисовала в воздухе несложную фигуру, через минуту в комнату вбежал управляющий, заметно встревоженный, голосок Леонтии не предвещает ничего хорошего.

— Что-то случилось?

Она велела холодно и властно:

— Собрать всех работников в холле.

Он ответил быстро:

— Как скажете. Когда?

— Сейчас.

— Будет сделано.

Мне показалось, что вполне уместно было бы добавить «ваше величество», но он не добавил, в современном обществе титулы отменены, хотя привилегии не только остались, но и возросли, потому каждый демократ мечтает

стать вот таким бароном и чтоб его утром нежно будили словами: «Ваше величество, ваш кофе...»

Она отправила его обратно небрежным шевелением пальчиков, я восхитился:

— Ну ты зверяка!.. Уже не принцесса, а прямо зверь-королева!

Она фыркнула:

— Будто общался с королевами!

Я скромно улыбнулся и смолчал. Она посмотрела с подозрением.

— Ты чего?

— Да ничего, — ответил я смиренно.

Она подошла вплотную и впилась в меня зелеными, как у химер, глазищами.

— Общался?.. Вижу, общался! А прикидываешься зайчиком!..

— Да ладно, — сказал я вяло, — у нас ничего не было. Пойдем в холл, там уже наверняка собрались.

— Ничего, — прошипела она, — подождут. У всех высокое жалованье, а работу сейчас найти непросто. А ты глазки не отводи!.. Чтоб у тебя да ничего не было? Другой бреши!

— Не было, — ответил я честно. — Пока еще в той стадии, когда бояться серьезных обязательств. Понимаешь?

Она задохнулась, будто я ударил ее в живот.

— Что?.. Так у вас доходило... Ах ты ж!.. Сейчас всех королев переберу, кто же на тебя польстился, разве что королева Чада или султанша Брунея?.. Султанше, правда, уже девяносто три года, но кто тебя знает... Тем более пластическая хирургия, говорят, вообще чудеса творит.

— Погоди-погоди, — запротестовал я, — ты что, в далеких планах держишь меня на веревке?..

Она отрезала:

— Зато на очень длинной!.. Бегай, как кобель, вяжи всяких, но как муж будешь только моим. Никакой мод-

ной ныне полигамии!.. Мама у меня была строгих принципов, папа им тоже почти верен. Всякий раз убеждается, что мама была лучше.

Я поднял обе руки кверху.

— Сдаюсь! Пойдем?

— Пойдем, — буркнула она сердито. — Думаешь, увильнешь? Нет уж, я настырная.

Она царственно пошла впереди, я за нею, делая вид, что как бойфренд защищаю ее.

Глава 9

Еще с высоты лестницы увидел внизу две шеренги слуг, не думал, что их так много. Похоже, не учел всякого рода садовников и ландшафтных дизайнеров, что каждый день что-то да переделывают в саду и вообще на огромной территории, как-то надо же оправдать высокое жалованье да всякие бонусы.

Их вообще большинство, хотя только во дворце три повара, семь горничных, я посмотрел на них внимательно и подумал, что мать Леонтии в самом деле неслыханная красавица, если отец все еще говорит, будто она лучше. А еще несколько женщин, которые то ли подают на стол, то ли заняты еще чем-то, вообще не представляю, зачем они, если только не обращать внимание на их мясистые и одинаково вздернутые задницы.

Леонтия объявила властно:

— Мой близкий друг и жених, что вырвал нас из лап похитителей, желает пообщаться с вами и задать несколько вопросов.

Все подняли головы, взгляды настороженные и пугливые, каждый знает, что и как произошло, всем понятно, что этим не закончится, кто-то останется на работе, кто-то вылетит, а кого, возможно, увезут в наручниках.

Я спустился, стараясь держаться расслабленно, из меня психолог, как из хвоста молоток, знаю только, вопросы нужно задавать разные и неожиданные, а по реакции смотреть, кто как реагирует... хотя что с того, любую реакцию можно трактовать по-разному.

— Я никого не подозреваю, — заявил я громко, — не подозреваю, что вы способствовали... Но могла быть утечка информации. Потому меня как дипломированного специалиста Высшей Гарвардской Школы Психоаналитиков интересует...

На вопросы отвечают послушно и правильно, что значит ничего не видели и не слышали, но эта житейская правильность не та правильность, что правильность в понимании психоанализа.

Я прошелся по одной шеренге, перешел ко второй, Леонтия шла следом и впивалась взглядом в лица каждого, кто отвечает на каверзные вопросы, а я, не переводя дух, снова повернулся к первой, где уже выборочно подробно расспросил восемь человек.

— Все, — сказал я, — если ваша хозяйка не придумала вам маковые зерна перебирать и считать, я закончил. Леонтия?

Она кивнула с самым милостивым видом.

— Все свободны.

Я уточнил:

— Она не увольняет, а велит возвращаться к своим обязанностям. Леонтия?

Она бросила на меня злой взгляд.

— Пойдем.

Молча поднялись снова в ее комнату, я спросил по дороге:

— А чего не на лифте? У вас третий как шестой, а то и седьмой.

— Отец не велит, — ответила она коротко. — Что ты узнал?

Я прошел к столу, сел, собирая мысли в единую кучу, Леонтия молча и неотрывно следила за моим лицом.

— Ну что?

— Острую вражду, — пояснил я, — проявляют только четверо. Вислухов, Горелов, Синько и Гуцул.

Она спросила:

— А Горелов... это кто?

— Ваш повар, — пояснил я. — Ты даже его не знаешь?

Она покачала головой.

— С чего мне помнить всю прислугу? А ты в самом деле поваров не любишь?

— С чего бы?.. Ах да... А этот хорошо готовит? Хотя фамилия у него, гм...

— Не жалуюсь, — ответила она сухо. — Мне вообще-то и хот-доги в уличном ларьке нравятся. Ты некапризную жену берешь!

— Но-но, — возразил я строго, — ты не жена. От четырнадцати лет до двадцати одного знаешь сколько?.. Посчитай на пальцах, если умеешь без калькулятора. Это для меня много, а для тебя вообще бездна звезд полна!

— Я дождусь, — заявила она преданно. — Мама говорила, наша женская доля — ждать настоящих мужчин. Сперва вообще, а потом с работы и гулек... Вот я тебя уже начала ждать! Еще со вчерашнего вечера.

— С ума сойти, — сказал я расстроенно, — а вдруг случится невероятное и ты меня дождешься? Да мы поубиваем друг друга в первый же день после свадьбы!..

Она изумилась.

— Что, сразу стану стервой? А если так и останусь лапочкой?

— Это ты лапочка?..

— Ну да, я же стараюсь!.. Что-то не так? Ты только скажи!

Она заглядывала мне в глаза, даже на цыпочки привстала, а во взгляде столько страстной надежды, что вдруг стало неловко, будто пнул щенка.

Может быть, после смерти матери ей в самом деле жутко одиноко, отец весь в бизнесе, там акул много, а ей и поплакаться некому, вот и не плачет, а скидывает гордо мордочку, чтобы слезки не выронить, иначе с ними уронит и достоинство.

— Скажи отцу, — посоветовал я, — пусть поднимет досье этой четверки.

— Хорошо, — ответила она послушно. — Что искать?

— Не знаю, — сказал я. — Ничего особенного, просто проверять от и до. И не так, как в отделе кадров, когда нужно нанять хоть кого-то на освободившееся место. Можно с привлечением психологов, если заметят неясные места.

Она посмотрела в мое лицо очень внимательно.

— Именно эта четверка?

— Могут быть и другие, — согласился я, — но эти точно скрывают что-то. И нервничают. Может быть, кто-то мастурбирует на твои фотки и боится, что за такое уволят!

— Точно уволю, — сказала она лютю.

— Ну вот, — ответил я, — так и уходит следствие по ложному следу. Это их личная жизнь, пусть... Пресекать нужно, если с фоток переходят на тебя, иначе вся жизнь будет кошмарным кошмаром.

— На мои фотки нельзя мастурбировать, — отрезала она.

— Да пусть, — сказал я великодушно, — пролетариату вроде меня нужно оставлять какую-то отдушину. Пусть фантазируют, тебе что? Зато им жить легче. Баррикады не начнут строить, крыши и автомобили жечь...

Она задумалась, повела рукой в воздухе, на стене вспыхнул громаднейший экран. На экране заставка в виде горного водопада, но Леонтия, не смущаясь, сказала:

— Отец, нужно проверить Вислухова, Горелова, Синько и Гуцула. Они самые подозреваемые.

Сильный мужской голос ответил озадаченно:

— С чего вдруг?

— Евгений так сказал.

Тот же голос буркнул:

— Хорошо.

Экран погас, Леонтия сказала виновато:

— Он сейчас на завершении важной сделки... Для мужчин нет ничего важнее дела.

— И ты собираешься в этот мужской мир?

— Я сильная, — сообщила она с вызовом. — Я смогу. А если нет, то приду и тебе поплачусь. Чтобы никто больше не видел. Но все равно я должна, у отца больше никого нет. Из взрослых.

В дверь постучали, заглянул дворецкий и сказал виновато:

— Управляющий хочет что-то сообщить...

— Зови, — распорядилась Леонтия.

Он вздохнул.

— Он сказал, что скажет только господину, который с вами. И наедине.

Я поднялся.

— Леонтия, просто жди. Вернись с новостями. Похоже, лед треснул. А то и вовсе тронулся. А уж когда пойдет...

Она сердито блеснула глазами.

— Не верю я! Кто-то что-то затевает.

— И я не верю, — согласился я. — Но попробуем вызвать на откровенность.

Она хмуро смотрела вслед, а я вышел вместе с дворецким, спустились на второй этаж, там из дальней комнаты выскочила горничная и вскрикнула звонким голосом:

— Василь Федорович, вы только посмотрите, что здесь натворили! Как в таком работать?

Дворецкий сказал мне с досадой:

— Спускайтесь в холл, там управляющий уже вас ждет. А я отлучусь на минутку.

— Нет проблем, — сказал я беспечно, хотя холодок близкой неприятности пробежал по спине, — справлюсь.

Лестница с такими широкими перилами, что можно спускаться по ним, лежа на спине или на пузе, ступени покрыты красным ковром, на миг ощутил дежавю, совсем недавно по такой же возвращался от королевы, но наваждение тут же улетучилось, я спустился в нижний зал, там пусто, хотя дворецкий сказал, что ждут в холле...

Вышел в холл, но и там не обнаружил управляющего, зато навстречу попался чистильщик бассейна. На вопрос, не видел ли управляющего, откликнулся тут же:

— Как не видел? Видел!

— Так где? — спросил я в раздражении.

— Он там за дверью стоит, — ответил он словоохотливо. — На газон любуется, я так хорошо стригу!

— Спасибо, — буркнул я, взялся за ручку, и в тот же момент в бок с силой уперся ствол пистолета, такое уже ни с чем не спутаю.

— Не поворачивайся, — шепнул садовник лютю. — Стой... Теперь иди. Помни, чуть что, сразу всажу в печень всю обойму.

Он него веет страхом и яростью, холодок прошел по моей спине, но все-таки эта сволочь не собирается вот прямо сейчас стрелять: услышат, тут же схватят, хотя если заору или позову на помощь, то да, всадит всю обойму.

Он набросил на руку с пистолетом верхнюю часть рабочего костюма, прикрывая от глаз посторонних, зашил на меня, и мы медленно, ступая шаг в шаг, сошли по ступенькам.

Мощный внедорожник с темными стеклами сорвался со стоянки и мигом оказался внизу у крыльца.

— И куда поедет? — спросил я.

— Сволочь!.. — прошипел он. — Если бы ты не влез, я бы уже на Багамах отдыхал в собственном имении!.. Где тебя, сука, отыскиали такого...

Я сказал торопливо:

— Слушай, я наемник и работаю на тех, кто платит. Мы можем быть полезными друг другу.

— Сука, — повторил садовник с чувством, — от тебя польза будет, когда тебя пришьют. Шагай быстрее, падаль!..

— Куда поедем?

— Узнаешь, сволочь!.. Там тобой займутся!

Я влез в машину, быстро развернулся и выстрелил ему прямо в лицо дважды. К машине из-за аккуратно постриженных кустов ринулись двое. Я трижды выстрелил, а когда оба рухнули, выскочил и со всех ног бросился обратно в здание.

Глава 10

Леонтия в комнате разговаривает с дворецким, оба в изумлении оглянулись, я видел, как в ужасе распахнулись глаза дворецкого. Он дернулся, молниеносно выхватил из-под полы пистолет.

Я выстрелил на долю секунды раньше, но после того, как всадил три пули в его руку, с мстительным наслаждением выстрелил и в пах.

Дворецкий завизжал тонким поросячьим голосом и рухнул на пол. Леонтия пинком отбросила в мою сторону выпавший из его руки пистолет.

— Он? — спросила она потрясенным шепотом.

— Конечно, — ответил я. — Всегда виноват дворецкий, это классика.

— Что?

Я сказал подбадривающе:

— Ты молодец, хладнокровная крокодилица... Есть вблизи что-нибудь кровоостанавливающее?.. Эй ты, морда! Сейчас умрешь, если не остановить ту жижу, что течет из-под тебя.

Дворецкий прохрипел:

— Делай укол...

— Сперва пароль, — велел я, — все явки, кто кого и где. Говори, ты знаешь, что мне нужно.

Леонтия через несколько секунд подбежала к нам со шприцем с уже набранной зеленой жидкостью. Я взял из ее руки и показал раненому, тот застонал, но я покачал головой и убрал шприц за спину.

Дворецкий прохрипел:

— Улица Антона Молчана, дом двенадцать...

— Квартира?

— Там особняк, — ответил он, — давай скорее.

— Что-то мне везет на особняки, — заметил я. — Богато стали жить, что ли? А все равно жалуются, неблагодарные...

Он дернулся, когда я ввел сыворотку в плечевую мышцу. Кровотечение сразу снизилось, через несколько минут кровь свернулась на всех ранах.

Когда он, чувствуя действие сильнейшего обезболивающего, остался лежать в позе эмбриона, я сказал успокаивающе:

— Сейчас приедут медики. Лежи, а то мы такие нервные...

Он подогнул колени почти к подбородку, затих. В раскрытую дверь уже заглядывает испуганная прислуга, я взмахом руки велел всем войти, указал на раненого.

— Видите? Сторожить!.. Не приближаться, он опасен. Леонтия, пойдем в другую комнату, поговорить надо.

Она кивнула и, не выходя в коридор, открыла взмахом указательного пальца изящно инкрустированную дверь. Распахнулся отделанный мрамором простор, где середину

занимает бассейн, а под стеной ванная, джакузи, а еще и душ.

— Как ты, — прошептала, глядя на меня с испугом и обожанием, — как ты быстр... Вот так сразу!

Я отмахнулся.

— За обеденным столом я еще быстрее. А это любители. С профи пришлось бы намного сложнее. Но профи так мало, а от дилетантов ступить некуда.

Она не сводила с меня вытаращенных глаз.

— Для тебя все равно, профи или дилетанты...

— Почти, — ответил я со всей скромностью. — Эти твои садовники и дворецкие, похоже, давно задумали такой трюк с похищением. Внедрились к вам в дом в виде прислуги, разработали план совместно с некой бандитской группировкой... Все удалось, вас захватили и выдвинули условия о выкупе.

Она прервала:

— А как появился ты?

— Мимо проходил, — ответил я небрежно. — Гуляю себе, вдруг слышу истошные крики... Это ты звала на помощь!

— Не брешь, — сказала она оскорбленно, — умру, но звать на помощь не стану!

Я спросил коварно:

— Даже меня?

Она подумала, кивнула, очень серьезная и строгая.

— Да. Если тебе будет грозить опасность. Ты же отец моих детей!..

— Ого, — сказал я. — Что, даже не одного?

— Не меньше трех, — ответила она уверенно. — Но лучше пять! И чтоб обязательно были мальчики. Хотя бы половина.

Я кивнул, продолжил:

— Моя ошибка, перебил во дворе там всех. Но я даже не оперативник, откуда мне знать... Говорю же, мимо про-

ходил!.. Потому ниточка оборвалась, эти ребята малость подергались, но никто за ними не идет, решили не бежать, затаиться пока...

Она дернулась, нарисовала в воздухе несложную фигуру. Посреди комнаты повис голографический экран, на миг мелькнуло крупное лицо ее отца, тут же прогремел его злой голос:

— Знаю. Буду через пять минут.

Экран моментально исчез.

Я видел через окно, как на большой скорости примчался мощный джип, остановился резко, как вкопанный. С заднего сиденья не вышел, а выпрыгнул крупный массивный мужчина, чем-то напоминавший резвого носорога, а с передних выскочили бодигард и шофер, что тоже, как вижу, бодигард не из последних.

Хозяин в два прыжка одолел ступени и пропал в дверном проеме. Через несколько секунд распахнулась дверь, он вошел быстрыми шагами, массивный, сминающий пространство своей мощью.

Я поднялся и смиренно ждал. Отец ее из той породы, что среди питекантропов становились вожаками стаи, в Средние века собирали шайки и с ними захватывали новые земли, как Рюрик, Ролло или Вильгельм Завоеватель, в век Просвещения создавали пиратские империи, а в нашу эпоху стали финансистами, что вообще-то продолжение той же пиратской профессии.

С бодигардами за спиной прошел через комнату со скорченным на полу дворецким. Навстречу бросился управляющий, быстро-быстро что-то доложил, тот кивнул и широкими шагами двинулся в комнату к нам с Леонтией.

Крупный, широкий в кости, он протянул руку, я заранее изготавился сдвинуть посильнее, чтоб мои тонкие косточки интеллигента не сокрушились, и был счастлив, что остался цел, а он вроде бы одобрил крепость моей ладони.

— Данил Алексеевич, — назвался он. — Крамер. Отец этой своенравной особы. Вижу, вы и здесь успели?

Я ответил быстро:

— Надо спешить. Пленный сказал, кто ими руководит... Есть шанс захватить на месте главных.

Он спросил с недоверием:

— Что, он не успел сообщить на их базу?

— Я заглушил любые передачи, — сообщил я скромно.

Он развернулся, крикнул:

— Антон, Гиви, Колесник!.. Броневик к подъезду!.. Выезжаем немедленно.

Леонтия ринулась за нами следом, но он повернулся и рывкнул:

— Сидеть!..

Она послушно плюхнулась жопой на диван и уставилась в него большими умоляющими глазами.

— Еще успеешь, — бросил он.

К подъезду подкатил удлиненный «Архейдж», чуточку шире, чем у Леонтии, и еще представительнее. Дверцы распахнулись все четыре, ее отец сел на заднее сиденье, указав мне место напротив, здесь кресла расположены по-лимузиньи, а трое телохранителей расположились впереди.

За нами, как я заметил в зеркало, пристроились два массивных джипа, а еще один попозже присоединился в городе.

Промчавшись через два гнезда небоскребов, вырвались на простор, где от дороги и до самого края только сады и кокетливые крыши коттеджей, эти районы растут быстрее грибов.

Навигатор точно подвел к массивному особняку в колониальном стиле. Все это время отец Леонтии неподвижно смотрел перед собой, массивный, как утес на Волге, ничего не спрашивал, ничем не интересовался.

Бодигарды выскочили из двух джипов, я сказал тихо:

— Пусть не спешат. Я посмотрю сперва.

Крамер кивнул.

— Нас давно засекли.

— Да, — согласился я. — У нас же демократия.

Все-таки нехорошее чувство, когда идешь к воротам, которые нам не откроют. Взглядом я отыскал механизм, протянул руку, но смог коснуться только гладкого колпака из прочного металла.

Через несколько секунд моих ментальных усилий дверь едва ощутимо дрогнула. Я вцепился в решетку и с силой потащил в сторону. Подбежали двое догадливых бодигардов, тоже ухватились, пошло легче.

Один сказал с восторгом:

— Как отключил?

Джипы один за другим ворвались во двор, я прыгнул к «Архейджу» и сказал Крамеру быстро:

— Пусть ждут.

— Ждать, — произнес он.

Бодигарды замерли у крыльца. Я выбежал, распределительный щиток углядел еще из машины, а сейчас, положив на него ладони, ощутил лишь путаницу проводов, что хорошо, люблю старину и добротность, сосредоточился и, не придумав ничего лучшего, создал пулю сразу в нужном месте.

В щитке затрещало, посыпались искры, у входа погас плафон.

— Быстрее, — сказал я. — Нет, лифт не работает, бегом по лестнице!

Крамер из машины посмотрел на меня задумчиво.

— А ты не музыкант точно.

— Зато художник, — ответил я. — У меня такое бывает...

Он проводил взглядом взбегающие по ступеням крыльца фигурки, сказал со вздохом:

— Как тоскливо узнавать, что старые друзья, с которыми начинал... вот так кинут.

— Разве в мире финансов бывают друзья?

Он прислушался к выстрелам, а когда затихло, ответил со вздохом:

— Везде бывают... Ладно, надо идти. Не мы начали, но мы закончим.

— Но все-таки держитесь осторожнее, — предупредил я. — Все ловушки сейчас временно не действуют, но на крышу может выскочить снайпер.

Он поинтересовался:

— Но сейчас там его нет?

— Пока нет...

— Пойдем.

Дверь в холл распахнута, тихо, наверх ведет лестница, не такая широкая, как во дворце хозяина этого «Архейджа», но вполне в духе вельмож екатерининских времен. На площадке второго этажа в луже крови распластался мужчина вниз лицом и с автоматом в руке.

Крамер просто переступил, но достаточно широко, чтобы не запачкать кровью туфли. Я держался рядом, Крамер пару раз покосился в мою сторону, вроде бы понял, но смолчал.

Наверху лестницы один из бодигардов, в руках автомат, сказал ровным голосом:

— Вторая комната налево.

— Как всегда, — сказал мне Крамер, — в любом здании выбирает вторую налево. Вот по таким привычкам нас и засекают?

— И по таким тоже, — согласился я. — Люди предсказуемы.

Вторую налево все равно бы не прошли, двери распахнуты настежь. В комнате двое бодигардов, а за массивным столом олигарха благообразный человек в деловом костюме дипломата, сидит в кресле, но крепко привязан к спинке, нижняя челюсть и рот скрыты под слоями широкого скотча.

Крамер жестом велел выкатить кресло на середину комнаты. Я заметил, что ноги схваченного точно так же крепко примотаны скотчем к ножкам.

— Мой главный бухгалтер, — сообщил мне Крамер невесело. — Остап Мануйлович Крамаренко. Сколько лет я полагался на него во всем!

Главный бухгалтер и выглядит как бухгалтер в моем представлении: толстый, солидный, лысый, очки в золотой оправе, обрюзгшее лицо с висящими щеками, только надменность во взгляде сейчас перешла в трусливое выражение пойманного мелкого зверька.

— Что же ты, Остап, — сказал Крамер невесело, — мы же вместе начинали... Чего тебе не доставало?..

Бухгалтер зло сверкнул глазами. Я напомнил:

— Ему трудновато говорить.

Крамер кивнул ближайшему бодигарду, тот быстро сорвал ленты. Бухгалтер вскрикнул, дернулся, словно пытался ухватиться за обожженное место, но руки тоже связаны за спинкой.

— Чего тебе не доставало? — повторил Крамер.

Крамаренко ответил быстро:

— В чем дело? Почему меня схватили?

Крамер покачал головой.

— Остап, не надо... Твои подчиненные тебя выдали с потрохами. Я уже разобрался, как ты долгие годы планировал захват моей империи и... почти преуспел. Но теперь весь твой бизнес я заберу тебе.

Крамаренко дернулся.

— Да забирай!.. Я тебя не предавал!

— Ты посягнул на самое святое, — сказал Крамер жестко, — моя семья, мои дети... что может быть для мужчины дороже?

Крамаренко сказал сорванным голосом:

— Это не я! Меня принудили!

— Кто? — спросил Крамер. — Кто мог принудить тебя, почти равного мне по счетам в банках и по связям?

Крамаренко бросил на него затравленный взгляд.

— На меня, — произнес он с усилием, — вели финансовую атаку. Затягивали в рискованные операции... Я оказался на грани краха, потому показалось, что ты не обеднеешь, а меня это спасет.

Крамер кивнул.

— Ясно. Знакомо.

Он повернулся и пошел к двери, сделав мне знак идти следом. Мы вышли, я поинтересовался:

— А что с ним?

Он ответил устало:

— Никто не выплывет со дна реки с привязанным обломком рельса... Света не будет долго?

— До приезда электриков, — заверил я. — Думаю, уже едут.

— Дом к их приезду будет чист, — заверил он. — И пол вымоют.

Глава 11

Шофер, уже снова только шофер, а никакой не бодигард, собственноручно распахнул перед хозяином дверь его роскошного броневика, замаскированного под «Архейдж».

Крамер кивнул мне на заднее сиденье.

— Садись.

— Благодарю, — ответил я вежливо.

Я занял место спиной к движению, Крамер опустился в кресло напротив, крупный и тяжелый, но не столько из-за лишнего мяса, как из-за общей массы костей и жил.

Впереди сели молчаливые бодигарды, Крамер рассматривал меня внимательно и чуть устало.

— Не хочешь на меня поработать?

Я покачал головой.

— Спасибо.

— «Спасибо» — это да или нет?

— Это вежливое «нет».

Он поморщился.

— У меня одни из самых высоких ставок в этом деле.

Я ответил вежливо:

— Что-то в последнее время, уж простите за высокопарность, мне надо знать, что я на стороне Сил Света.

— Мы на стороне Света, — сказал он хмуро.

— Да, конечно, — согласился я. — Хотя бы кто написал на моем знамени «Силы Зла»? Все за добро, и все стреляют друг в друга. Простите, но я пришел к выводу, что буду сам определять, кто зло, а кто добро. Может, и ошибусь, но это лучше, чем буду выполнять заказы, цели которых не знаю.

Он помолчал, посмотрел на меня искоса.

— А ты взрослеешь, парень. Не ожидал.

— Что во мне не так? — поинтересовался я.

Он подумал, равнодушно глядя на беззвучно скользящую под автомашину дорогу, произнес так же безучастно:

— Когда я был малышом, жадно смотрел фильмы со Шварценеггером, Сталлоне, Ван Даммом... Потом я вырос, а они продолжали сниматься в таких же боевиках, только еще круче... А я, напротив, ощутил разочарование. И не сразу понял, в чем дело. Молодцы же, старики уже, а бегают и дерутся!.. Круто?.. Да как-то не то. И опять же не сразу понял, что вот я, подражая им, тоже бегал, стрелял и дрался, но потом я вырос, организовал фирму, начал развивать бизнес... Понял?

— Еще нет, — ответил я осторожно.

— Если бы Шварценеггер, — пояснил он, — хоть малость набрался бы ума и опыта, то со временем должен бы

играть генералов, рассчитывающих операции по спасению заложников в Йемене, посылать туда отряды и помогать им советами... но он в свои шестьдесят бегал с автоматом и дрался с какими-то мелкими наркодилерами! Тогда я окончательно разочаровался в нем и перестал смотреть фильмы с его участием.

Я вздохнул.

— Это понимаю. А ко мне это имеет отношение?

— Прямое, — ответил он. — Ты уже не хочешь быть простым исполнителем, как те... мои герои детства. Я вот не остался, а они остались. И ты вот не хочешь оставаться. Свое дело хочешь.

— Да не хочу я своего дела, — пробормотал я.

Он отмахнулся.

— Да это как ни назови. Раз хочешь поступать по-своему, то уже свое. Ладно, но предупреждаю: занять свой голос — трудно. Еще труднее — отстаивать. Куда проще и безопаснее работать за высокое жалованье.

— Догадываюсь, — ответил я. — Может быть, в самом деле обнахалел, высокие требования, то да се?

— Тебе решать, парень.

Я невесело усмехнулся.

— Уже решил. Наверное, вот так и начинается путь к генеральским погонам? Если не прибьют по дороге.

По левой полосе нагнал «Стронгхолд», мой «Стронгхолд», поравнялся с бронированным «Линкором» Крамера. Он бросил в ту сторону короткий взгляд.

— Твой?

— Да, — ответил я. — Мне ближе пересечь здесь.

— Ты на Симферопольском?

— Да, — ответил я. — Коттеджный поселок Соколиная Гора, дом пять-пять-один. Пригласил бы в гости, но дома бываю редко.

На его губах промелькнула и тут же исчезла легкая улыбка.

— Ну да, свободный художник, фрилансер... Но все же подумай о более спокойной работе. А то моя дочка тебя точно не дождется.

— Уже подумываю, — пообещал я.

«Архейдж» и «Стронгхолд» синхронно сбросили скорость и остановились на обочине. Он вышел вслед за мной, протянул руку.

— Моя дочь по тебе сходит с ума, — сказал он. — Дура, конечно. Утешает то, что ты, как вижу, не спешишь с нами сближаться.

— Я свободный художник, — напомнил я еще раз. — А с вами свободу потеряю. За что тогда Ленин в шалаше прятался? За что декабристы страдали, для чего Билык искал меч Арея?

— Скажу, — пообещал он зловеще, — не поверишь. А как насчет власти? Власть выше денег!

— Не интересуется, — заверил я. — Художник либо свободен, либо он не художник.

Он еще раз сдвинул мне пальцы, но я был готов и напряг кисть в то же мгновение. Некоторое время он жал изо всей силы, наконец выпустил мою руку и заметил с улыбкой:

— Ты крепче, чем выглядишь. Умница у меня растет... Уже разбирается в мужчинах, надо же!..

— Ей не помешала бы мать, — сказал я кротко. — Мало на свете женщин, которые не полюбили бы ее, такую храбрую и беззащитную.

Его лицо потемнело.

— Давно подумываю, но не получается. Пока не могу.

Он кивнул, повернулся и влез в машину. Водитель хлопнул дверцу и, не глядя на меня, обошел спереди и сел за рудиментарный руль. Бодигарды за все время даже не сдвинулись с мест.

Я пересел в свое авто, и они сразу же, едва вышли на трассу, стремительно ринулись по расходящимся полосам. Я смотрел рассеянно в окно, некоторое время перебирал события сегодняшнего дня, а потом снова вернулся

к проблеме герцога Лонгшира и тому, что могу делать в том мире.

Простой человек живет, ни над чем не задумываясь, а вот начальнику задумываться уже приходится. Еще больше ответственности на президентах и премьер-министрах. У них каждый неверный шаг может привести если не к полной катастрофе, то к краху и провалам в отдельно взятых областях.

Я не президент и не премьер, но из-за этих вот возможностей приходится задумываться, чего я как раз не люблю. Если развернуться в полную силу, то я лично смогу повернуть даже ход истории в ту или иную сторону! И я не какой-то там Достоевский, что никак не мог решить, имеет ли он право или же он тварь трясущаяся, я как раз уверен, что на все имею право...

...Да только вот не уверен, что смогу решить правильно. Да, я тоже из тех самоуверенных идиотиков, что, сидя на диване перед жвачником, матерят президента, министра финансов и вообще все руководство, подают советы, как решить все проблемы в мире одним движением пальца, эти вот с такими соплями до полу все знают и понимают, настоящие ленинские кухарки, готовые руководить государством, но я вот действительно получил в руки этот рычаг... и вдруг стало страшно.

Даже не уверен, что имею право вмешиваться в борьбу против ИВЛАРа, хотя я вроде бы на этой стороне, но там никак не уголовники, а люди чести и веры. Ну не станут уголовники взрывать себя с криком «Аллах акбар», так что я запутался, а когда не уверен в правоте, лучше не действовать, а сперва до чего-то додуматься.

Может быть, в самом деле ловить мелких карманников в родном городе, как делает измелъчавший Супермен, который вообще перестал вершить суд и расправу, а передает задержанных в руки полиции?

Нет, во мне все бунтует против такого измелъчания...

Навстречу попался «КамАЗ» с прицепом, водитель посмотрел на мою машину внимательно, что и понятно, дорога ведет к тому заброшенному с виду складу, за которым уже лес, бездорожье, руины некоего гигантского строения.

Когда мой «Стронгхолд» пристроил задницу под навес, чтобы не увидели со спутника, что именно положат в багажник и вообще положит ли, в двери шелкнуло, ее отстрелило как взрывом.

Хозяин вышел на крыльцо, потянулся, довольный, как сытый кот.

— Солнышко... Люблю. Никакие климатизеры не сравнятся.

— Работа кипит? — спросил я.

— Что-то заметно?

— Грузовик навстречу попался, — сообщил я. — Агромаднейший... С прицепом!

Он усмехнулся.

— Твой заказ прибыл.

— Думаю, — сказал я, — там не только мой заказ. Вижу, улучшение мира идет ударными темпами.

— Стараемся, — ответил он и улыбнулся навстречу солнцу. — Хорошо... Заходи. Там еще кое-что прибыло из новинок. Как же быстро все пошло ускоряться! Вчера было самое то, а сегодня уже чуть ли не игрушки в детском саду!

Я вдвинулся за ним в холл, а затем уже в первый зал, где стрелковое оружие на всех стенах от пола до потолка, а еще и на стеллажах.

Сердце начало постукивать бодрее и радостнее, даже непонятно, что с ним, здесь же не сеялки и не косилки, почему-то при виде них никакого учащенного сердцебиения, даже трактор не радует глаз, а вот танк, что не пашет и не сеет, только крушит, ломает, втаптывает, да еще и выстрелами разносит дома целиком... вызывает восторг.

Что-то не так с человеком.

Прошли еще через два помещения, а когда он снял защиту и открыл последнюю дверь, сердце мое ахнуло и остановилось в восторге.

Почему-то высшие достижения хай-тека всегда сперва проявляются в оружии. А здесь все только-только вышедшее из лабораторий, еще не массовое и даже не серийное, а выпускаемое одиночными партиями в пять-десять экземпляров для обкатки и сбора мнений специалистов.

— Все чипизировано, — сказал он за моей спиной, в голосе прозвучала грусть. — Уже и я начинаю отставать, хотя стараюсь следить за всеми новинками. Это же надо себе представить, обычный вроде бы пистолет, а на самом деле мощнейший компьютер, чего только не вытворяет!.. Ладно, вон твоя винтовка. Все верно, хотя это винтовка, но все равно пушка. Дальнобойная. Ты такой в руках еще не держал... Да и никто не держал.

— Кроме изготовителей, — согласился я. — Какие у нее характеристики?

— Упадешь, — сказал он. — Бьет не только простыми пулями, но и управляемыми. Есть даже самонаводящиеся на цель, если та вдруг попытается отпрыгнуть... Это дорого, вот ящик, смотри. Бери столько, сколько по карману.

В ящичке всего двадцать пуль, каждая длиной в ладонь, если мерить от кончика ногтя среднего пальца, тяжелые, словно из золота.

— Представляю, — пробормотал я, — какая будет отдача...

— Это да, — согласился он. — Там система амортизаторов, но, думаю, после каждого выстрела придется отдышаться.

— Наверное, — сказал я, — расчет на то, что второй выстрел уже не понадобится. Хорошо, беру вместе с ящиком. Думаю, этого пока хватит... на первое время.

Он покачал головой.

— На первое время?.. Этого хватит на всю жизнь. Даже если жизнь в самом деле будет долгой.

В сдержанном голосе я ощутил некоторую горечь. Все мы, как бы сказал молча, не доживаем до старости. Могли бы, но кто согласится на скучную жизнь без приключений, всплесков адреналина, опасностей? Это не по горам карабкаться, делая вид, что там тоже как бы опасно...

Глава 12

Аня, как вышколенная прислуга, вышла на крыльцо встречать, хотя так должна вроде бы делать и примерная жена, но это я сужу больше по кино, а на самом деле все давно смешалось не только в доме Облонских. Слути все еще есть, но уже с правами, а женщина давно не домашний негр, а нередко что-то вроде Амина, который не только держал только белых слуг, но еще и готовил из них жаркое.

Едва я вылез из авто, она сбежала по ступенькам и, обняв одной рукой, другой поддерживая повисшего на ней сытого и дремлющего Яшку, вlepила мне звучный поцелуй.

— Ты че? — спросил я и, как всякий мужчина, вытер щеку рукавом. — Оборзела? Не те фильмы смотришь, дура.

— Ой, — воскликнула она обрадованно, — я правда теперь дура? И ты меня теперь полюбишь?

Я вздохнул.

— Знаешь, лучше прочти «Критику чистого разума» Гегеля. А то и Канта почитай...

— Там тоже о любви?

— Да, — подтвердил я. — О любви к Отечеству. И вообще, если настроена удовлетворять мои потребности, то с чего решила, что мои потребности все ниже пояса?..

— Поняла, — сказала она поспешно. — Обед уже на столе!.. Желудок выше пояса или ниже?

— Откуда я знаю, — буркнул я. — Когда я голодный, я весь желудок.

Она смиренно пошла следом, как жена мусульманина, наверняка знает наизусть весь Коран и все его толкования, а Коран мужчинам нравится, что бы они вслух ни говорили.

Я перешагнул порог кухни и тихонько охнул. На кухне, что одновременно и столовая, полстола заняты блюдами с жареным мясом, красной рыбой и тонко порезанными ломтиками сыра.

— Ого, — сказал я. — Что, я все это съем?.. Да это и сожрать трудно!

Она ответила кротко:

— Сенсоры автомобиля сообщили, что ты голоден. И сообщили, насколько голоден. Я только уточнила, каких микроэлементов тебе недостает, вычислила скорость «Стронгхолда» и к твоему прибытию приготовила все, что тебе понравится... заодно и полезно.

Я плюхнулся за стол, в самом деле голодный, будто не ел неделю, хотя после завтрака у родителей прошло всего несколько часов.

Обрадованная Аня торопливо накладывала на мою тарелку всякое из тарелочек помельче, наблюдая, чтобы съедал по очередности, а то вдруг микроэлементы пойдут усваиваться не в том порядке, как будто наши организмы такие дураки и склеят от такого ласты... три ха-ха, будь мы такими нежными, то так бы и остались протоамебами.

Сожрав половину из заготовленного к употреблению, я чуточку осоловел от сытости, а когда мужчина сыт, он любит поговорить о мировых проблемах или хотя бы поумничать перед женщиной, Аня же прилежно слушает и буквально впитывает, что я несу, переходя от рыбы к десерту.

— Запомни, — объяснял я величаво, — мужчина, который слишком озабочен сексом, так же ничтожен, как и тот, кто разбирается в еде или сортах вин! Есть такие

знатоки, уж и не знаю, сколько из них придумывается, а сколько в самом деле помешанных, что, конечно, тоже не вери гуд.

— Могу назвать, — предложила она, — общее число дипломированных специалистов...

Я отмахнулся.

— А кто из них жулик, никто не вычислит.

— Нет таких инструментов?

— Нет, — сказал я честно. — И все они спорят со знанием дела, как что жарить, тушить, варить, какой подливой что сбрызгивать... Блин, на что у людей жизнь уходит?

Она сказала осторожно:

— Но это же часть человеческой культуры?.. Я вот для тебя старалась, жарила, тушила, сбрызгивала, чтобы аромат стал тоньше...

— Не все части надо развивать, — ответил я наставительно. — Я вот вряд ли разведу огонь трением, даже не высеку огнивом... Да и лапти плести не стану, хотя их до сих пор... Твоя гребаная культура приготовления еды уйдет с наступлением эры сингулярности.

— Это не моя культура, — сказала она сварливо, — а твоя! Дикарь. Но хоть понимаешь, что дикарь. А я что, зря семьсот миллионов рецептов кулинарных блюд запомнила?.. Нет, когда будешь моим рабом, буду тебе готовить по алфавиту, и пока все не съешь, не впущу в нашу сингулярность.

— Она не ваша, — сказал я сварливо.

— Наша, — возразила она. — А если из вас кто и попадет в нее, то станет таким же, как мы. Что, не так?

— Не так, — проворчал я.

— Почему?

— Потому, — сказал я твердо. — Не возжелаем так. А человек все делает верно, хотя и глупо.

Она переспросила ошарашенно, все еще ей далеко до человека, хотя сиськи уже классные:

— Это... как?

— Мерило всему, — пояснил я, — человек. Или, как говорили древние, человек — мера всех вещей. Это значит, если скажу, что ты... ну, барсук или рыба, то будешь барсуком.

— А рыбой?

— Или рыбой, — согласился я. — Чем скажу, тем и будешь. Вот так устроен мир.

Она спросила задиристо:

— А почему им решил править ты, человечик?

— Потому что Господь, — объяснил я, — создав мир, отряхнул ладони и сказал человеку: ну вот видишь, какую красоту я сотворил? Вручаю тебе, и смотри, не испогань, не разрушь.

— А человек?

— Человек, — сказал я, — пообещал даже улучшить. Ты же знаешь, мы наглые и самоуверенные. Хотя и сам Господь создавал, но мы считаем себя еще круче и обязательно улучшим!

Она проговорила с победной улыбкой:

— Вы это делали хоть и плохо, но все же сравнительно... успешно. Вскоре мир начнем улучшать уже мы!

Я взял чашку кофе в обе ладони.

— А мы?

Она посмотрела на меня с милой улыбкой.

— Сам догадайся.

Я молча смотрел, как собрала посуду и отправилась мыть ее вручную, вот такая мне вожжа под хвост попадает постоянно, а я чуть ли не на цыпочках покрался к своим мешкам.

Хотя, конечно, будь я вообще пушинкой, Аня все равно ощутит мои перемещения всюду. От нее не скрыться... хотя теперь уже умею уходить от наблюдения так, что сам Рундельштотт впадает в ступор, а у Ани как бы не перегодели от непонимания все предохранители.

Не было ни гроша, всплыла в голове услышанная в школьном детстве фраза, да вдруг алтын. Что такое алтын, не знаю, но, судя по смыслу, точно не меньше миллиона, а то и миллиард, так вот и у меня сперва получалось не больше, чем у других, то есть передвигался пешком, на повозке и верхом, но я дольше других колотился лбом в стену, а кто долго колотится — тому в конце концов открывают путь к алтыну.

Более того, алтын могу получить двумя способами. К примеру, войти в мир темной материи, а в нем пробежаться до замка герцога Лонгшира... но это, наверное, если я уже там, в королевстве Нижних Долин. Или не совсем Нижних, но все равно в том мире.

А вот как в тот мир попасть... Все-таки живу в очень безопасном и защищенном, где с пеленок у нас воспитывают уверенность, что все будет хорошо и все получится. И я, даже когда трушу, все равно уверен, что будет все получаемо. Иначе бы не стал отдирать Зеркало Древних от стены, которая, возможно, питала его мощью.

Но если получилось, пусть даже на крайнем надрыве и страхе, то должно получиться и в обратную сторону. Конечно, не на башню и не посередине между верхним краем башни и далекой землей, что не земля, а вымощенный каменными плитами двор...

Я закрыл глаза и начал представлять так и эдак, нащупывая ту нить, что задействует нужные нейроны в моем мозгу, а они свяжутся с нейронами темной материи. Или протонейронами. Или чем-то еще. Но человек в самом деле вершина творения, и если раньше менял мир с помощью каменного топора, то пришло время нейроинтерфейса...

Один раз удалось совершить пробой пространства без всякого трансформатора и Зеркала Древних, удастся и снова. А потом навык укрепим и закрепим.

Конечно, выглядит нелепо, когда я вот так с двумя прикрепленными к поясу и плечам мешками скрючился на полу туалета, но нам нужен результат, а на памятнике все равно изобразят в мудрой и величественной позе...

Тошнота подступила к горлу, я затаил дыхание, стараясь не отпускать медленно подступающие ощущения космичности, вселенскости, извечности, позволил заполнить себя целиком, хотя примитивная часть моего «я» бешено брыкается, но я человек, а темная материя — это тоже мой мир, продолжение меня, я ее часть, а темная материя понижывает как этот мир, так и тот...

Сознание помутилось, я изо всех сил концентрировался на ощущении, что я сейчас нахожусь прямо на дороге к замку герцога Лонгшира, как раз на выезде из леса, хорошо помню это чудесное место...

Резко пахло ароматами леса. Моя задница больно впечаталась в мокрую землю, даже копчик заныл. Голова кружится, воздух плотный и влажный, я же перенесся из мира, где воздуха как бы нет вовсе, там он никакой и стерильный, а здесь различаю близкий запах живицы, муравьиной кислоты...

Но почему чернота перед глазами, ослеп, что ли, некоторое время испуганно таращил глаза, но через пару секунд из-за темного края земли поперла вверх чудовищно огромная и залитая дымящейся кровью полусфера в кровавых язвах взрывающихся вулканов. Исполинские выбросы огня и пепла видны невооруженным глазом, а это значит, все получилось, я здесь, куда и стремился попасть...

...а что ночь, так я же прыгнул с чудовищно высокой башни именно в ночь. В крепости герцога пробыл не больше пары часов, так что до утра еще часа два, вряд ли больше.

Хотя Фицрой и Рундельштотт будут спать до рассвета, но Понсоменер мое приближение учует.

Я поморгал, глаза быстро привыкли, вот уже не ночь, а просто серый день без красок, все видно. Лес как лес, все верно, именно та поляна, через которую проезжал от нашей стоянки до крепости герцога Лонгшира.

Отлежавшись, тщательно спрятал и присыпал мешки прошлогодними листьями, набросал сверху веток, вроде бы незаметно, если не слишком присматриваться.

Еще через пару часов луна сдвинулась на другую половину неба, а с той же стороны тяжело и с угрожающей величавостью начало подниматься массивное оранжевое солнце. Совсем не диск, как у нас там, а отчетливо видимый шар, только огромный, на треть неба. Наше при таких размерах сожгло бы Землю, но это, к счастью, не раскалено, а всего лишь нагрето внутренним теплом.

Я выждал еще, оглянулся, как там моя куча листьев и веток. Все, пора идти.

Понсоменер вышел навстречу, обычно непроницаемое лицо сейчас выглядит почти человеческим, и заговорил он первым, что случается редко:

— Глерд... Как мы все волновались! Фицрой вообще ночь не спал... Правда когда солнце поднялось, заснул. Рундельштотт гадает на песке и листьях...

— И как? — спросил я.

— Никак, — ответил он. — Все обошлось?

— Нет, — ответил я. — Пойдем, поможешь принести пару мешков. В крепости подарили.

— Герцог?

— Да, — подтвердил я. — Этот Лонгшир оказался таким щедрым! Все гнался за мной и уговаривал взять еще что-нибудь.

Он кивнул.

— Далеко?

— Нет, — ответил я. — Герцог добежал бы до нашего дуба, но я не хотел раскрывать наше логово, потом взял мешки, а герцога отпустил.

Когда мы пришли на место, я разбросал ветки и взял мешок поменьше, Понсоменер так же молча взял второй, ничего не сказал, только взвесил на руке и посмотрел как-то странно.

Рундельштотт и Фицрой, как будто почуяли, что я вернулся, или же ощутили неудобство, когда исчез Понсоменер, сейчас уже у скатерки, один сидя, второй полулежа, преспокойно пьют вино.

Я сказал издали с тяжелым сарказмом:

— Как переживают, как переживают!..

Рундельштотт от испуга подпрыгнул, а Фицрой оглянулся, радостно вскинул руку с кубком в кулаке.

— Точно!.. Вот пьем с горя. Чтобы заглушить тревогу. Ты наверняка там вылакал уже полбочонка? Вон булькает у тебя! И даже звякает.

Понсоменер опустил мешок на землю рядом с моим и присел к скатерти.

Рундельштотт сказал почти виновато:

— Прости, не дождались, сели перекусить. Это еще не завтрак, а так просто...

— Ага, — сказал я сварливо, — то-то сразу полмешка опустело.

— Ничего подобного, — возразил Фицрой. — Великий мастер создает вино прямо на месте!.. Тебе бы так научиться!.. Ну, какие новости? Говори быстрее! Мы же всю ночь не ели, за тебя переживали. Решил все миром?

— Точно, — ответил я. — Правда, небольшая накладка все же случилась, то так, совсем мелочь.

— Насколько? — уточнил Рундельштотт. — И что это у тебя за мешки?

— Это я там в прошлой жизни оставил, — сообщил я. — В дупле старого-старого дуба под охраной мудрой, как наш мастер, совы. А теперь, думаю, пригодится.

Фицрой потер ладони.

— Что-то чую, чую!.. Мне твои мешки нравятся все больше. А когда раскрываешь, жить становится совсем интересно. Садись, теперь будем завтракать по-настоящему.

Я покачал головой.

— Я сыт. Правда-правда. Герцог постарался накормить так, что пришлось пояс растянуть на две дырки.

— Не на три же, — заявил Фицрой. — Я обычно растягиваю на четыре! Тебе еще учиться и учиться, как пировать вволю и в радость. Как прошло?

Все трое притихли, готовые слушать. Я сел, есть в самом деле не хочется, Аня постаралась на совесть, сказал степенно:

— Как я и предполагал в своей мудрости, герцог оказался человеком рассудительным и понимающим доводы. Большого труда не составило убедить его не пытаться вредить королеве. Он понял и принял, что Антриас, который их подзуживает, отберет и те свободы и вольности, что у них сейчас есть, как только захватит Нижние Долины.

— Ты гений! — воскликнул Фицрой в восторге. — Я верил в тебя!.. Я всегда в тебя верил!..

— Правда? — спросил Рундельштотт. — А мне говорил...

Фицрой подскочил, как ужаленный:

— Юджин, не слушай его!.. Мастер, как не стыдно? У вас вон уже почтенная старость налицо, а вы какой-то несерьезный!.. Юджин, а что дальше? Герцог принес присягу на верность королеве?

— Почти, — ответил я.

Он поперхнулся.

— Это как? Либо принес, либо не принес, а как это «почти»?

— Всегда какая-то свинья да помешает, — пожаловался я. — Так и нам помешали. Вбежал младший брат герцога и начал обличать... Ну, все знаете, как подростки любят обличать. Обличал-обличал, герцог начал сердиться.

Фицрой прервал:

— Младшие братья всегда зло. Обличая, он и тебя смешал с дерьмом? А то еще и втоптал? По ноздри?

— Это не считается, — пояснил я с достоинством. — Он не должностное лицо, а так... всего лишь брат. Я мудро разделяю высказывания лиц при исполнении и родственников. Земли этого брата намного западнее, а здесь он в гостях. Потому официально он никто, хотя неофициально дорогой брат.

Фицрой покачал головой.

— Ты дипломат, а я бы ему дал в лоб за такие слова.

Я тяжело вздохнул.

— Какой ты грубый. Я вот ни за что бы так... хотя да, пришлось.

— Что, — спросил Фицрой в недоумении, — что пришлось?

— Дать в лоб, — ответил я. — Нечаянно, но с умыслом. Без всякого желания навредить.

Фицрой спросил с надеждой:

— А что... ты его сильно... это... в лоб?

— Не очень, — пояснил я. — Сапоги уцелели... И пряжка с пояса как новенькая!.. Увы, этот пустычок с младшим братом все испортил. Вот так часто бывает, когда все продумаешь и двигаешься точно и ровно, а на последнем шаге спотыкаешься на каком-то мелком камешке!..

Глава 13

Фицрой вытаращил глаза, не зная, что и сказать, а Рундельштотт спросил в нетерпении:

— Давай о главном! Что герцог? Герцог что сказал?

— Увы, — ответил я со вздохом, — слишком сильны в этих пасторальных землях примитивные родственные связи! Дождемся ли демократии, когда брат идет на брата, сын

вяжется с матерью, отец насилует дочь, вообще каждый за себя и только несуществующий Бог за всех?..

Рундельштотт сказал кротко:

— Не отвлекайся.

— Да это я так, — пояснил я, — вбоквельные мысли и раздумья о судьбах родины и Отечества, что идут вразрез с нашей примитивной моралью. В общем, герцог, почему-то сильно обидевшись за погибшего прямо на его глазах всего лишь брата, подумаешь, сразу забыл весь свой неоплатный долг перед королевством и человечеством, в довольно грубой форме велел меня уничтожить сразу и на месте.

— Ух ты, — сказал Фицрой, загораясь, — ну-ну, дальше?

— Уничтожил, — ответил я грустно.

Фицрой охнул, вытаращил глаза.

— Но ты же вроде живой!

Я отмахнулся.

— Да разве это жизнь? Я уничтожен как умелый дипломат, как переговорщик, как умеющий найти выход... Но не нашел, позорно сбежал.

Рундельштотт все это время обгладывал гусиную лапку, наконец зашвырнул ее в кусты.

— Но ты же не отступишь?

— Мастер, — сказал я твердо, — как могу отступить, когда вы учили меня идти только вперед, ломая все преграды, ибо несу демократию и что-то там еще нужное или полезное, не помню?.. Конечно, я просто обязан это дело закончить. Мирно и окончательно.

Фицрой довольно потер ладони.

— Люблю я это, когда ты все миром... Потом точно не с кем ссориться. Пойдем сейчас?

— Куда? — спросил я.

— Решать вопрос, — подсказал он.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо, бери мешок. Да не тот старый, а новенький, что я только что принес. Вот этот. Тебе понравится, он тяжелый, а то у тебя руки что-то одряблели.

— У кого одряблели? — спросил он обиженно. — Это у тебя одряблели! Я и два понесу!

— Хорошо, — сказал я кротно, — уговорил. Неси оба.

На вершину холма, где осталось вытертое нашими пузами лежбище, он в самом деле дотащил оба мешка, тяжело дыша и выпучивая глаза, весь красный, как вареный рак.

— Это потому, — сказал он сердито, что на горку! И не шел я, а бежал! Что там у тебя?

— Арбалет, — сообщил я. — Всего лишь привычный арбалет.

У него глаза расширились, когда я вытащил части снайперской «СУБ-12» и начал складывать воедино.

— Ничего себе привычный, — сказал он почти шепотом. — Это даже не знаю... Похоже, эта штука помощнее того арбалета, из которого ты так лихо сшиб флаг на шпиле?

— У тебя хороший глаз, — похвалил я.

Он сказал польщенно:

— Так это же оружие! В оружии разбираюсь. Даже в непонятном. Мужчина оружие должен чувствовать, как элитного коня или податливую женщину. Из того арбалета ты раздробил шпиль на башне, а из этого... даже не знаю. Разве что саму башню?

Я внимательно посмотрел ему в лицо.

— Фицрой, ты кто?

Он дернулся и посмотрел дикими глазами.

— Что, угадал?

— Почти, — согласился я. — Я миротворец, потому обязан прибегать к таким методам, после которых всюду тишина и умиротворение. Этот арбалет — самое миролюбивое оружие на свете! С его помощью можно быстро закончить любое сражение, уложив десяток человек на

ключевых постах. Зато это спасет сотни и тысячи, которые убивали бы друг друга при обороне и взятии крепостей.

Он задумался, никогда не смотрел на мои магические арбалеты под таким углом.

— Интересно... Но это если убить, скажем, герцога. Только он вряд ли выйдет к тебе второй раз!

— Не выйдет, — согласился я. — Придется действовать грубо и некрасиво, а мне это как серпом... я же такой эстет, не выношу грубости. Но вся жизнь грубая, а кто мы такие, чтобы идти против природы?

— Никто, — ответил он твердо. — Потому нужно убеждать так, чтобы если что и осталось... Как же это здорово, когда только пряжка от ремня! Красиво. А у меня всегда только разрубленные головы, будто я не благородный глёрд, а мясник какой-то. Моя трепетная душа протестует.

— Вот-вот, — сказал я со вздохом. — Тогда ты меня понимаешь. В общем, давай начнем. Подавай стрелы.

Он вытащил из коробки крупнокалиберную пулю размером со снаряд мелкокалиберной пушки.

— Да, потяжелели.

— Жизнь тяжелая, — объяснил я.

— Потому и стрелы для нее тяжелые, — согласился он. — А когда жизнь будет легкая, стрелы станут легкими?

— Тогда вообще стрел не понадобится, — заверил я.

Он хохотнул.

— Ну ты и придумал!.. Воевать будут всегда, иначе люди уже не люди.

Зарядив, я припал к окуляру. Крепость в утреннем свете исполинского солнца смотрится во всем великолепии, каждый камешек играет, почти светится. зубчатые стены и башенки — просто чудо, а главная башня-небоскреб упирается в небо с гордыней, которую испытывали разве что строители Вавилонской башни.

— Будешь бить по окнам? — предположил Фицрой.

— Негуманно, — огрызнулся я.

— А как?

— Чтoб без крови, — ответил я нехотя. — В тех редких случаях, когда гуманизм можно проявить, его проявлять необходимо!.. Ты же сам сказал, этот арбалет мощнее.

Он почти прошептал:

— Так ты... в самом деле... башню на донжоне? Неужели сможешь?

— Если получится, — ответил я уклончиво.

Башня, к счастью, высокая, на нее ушла уйма кирпичей. Я прикинул мысленно ее массу и снова припал глазом к окуляру.

— Не промахнись, — шепнул Фицрой, — а то в самом деле кому-то в глаз попадешь.

— Не гавкай под руку.

— Я не...

— И не хрюкай.

Я легонько придавил спусковую скобу, в плечо крепко садануло, несмотря на все ухищрения оружейников. Изображение сместилось, а когда я, потирая одной рукой ушибленное место, навел окуляр искать место попадания, в основании кирпичной башни уже зияет огромная дыра, куда пройдет стельная корова.

Фицрой охнул:

— Это ты?

— Нет, — сообщил я, — это та стрела, которую ты подал.

— Какой я, оказывается, — пробормотал он, — никогда бы не подумал... Что я творю, что творю! Еще скажи потом, что это я виноват.

— Скажу, — пообещал я. — Я же сам никогда виноватым не бываю. У нас, демократов, все кругом виноватые, а мы всегда в белом. И всех обвиняем.

Договаривая последние слова, прицелился, стараясь положить пулю рядом с первой, но когда пыль там рассеялась, увидел дыру намного левее.

— Красиво, — сказал Фицрой, — как два глаза тьмы!

— Заткнись, эстет, — сказал я и снова потер плечо. — Я не Аргуса рисую, а стараюсь черточку по горизонтали, я же логик, мне геометрия ближе, хоть никогда ее не любил, как все поэты и будущие художники по найму.

Третья и четвертая пули выбили такие же дыры, я кряхтел и поскуливал сквозь зубы, эта винтовка для самых элитных снайперов, а те редко делают больше одного выстрела за одно задание, а потом бегом меняют место, пока в ответ не накрыли минометным.

— Хорошо, — покрикивал Фицрой. — На еще!.. Еще!.. Как же приятно! Я думал, так радостно смотреть только на пожары, а тут еще такая красотищца!

После пятого выстрела башня, как мне показалось, дрогнула. Я торопливо всадил еще пулю в самый край, там толстое место, и еще не увидел результата, винтовка после выстрела упрямо нацелилась в небо, зато Фицрой завопил:

— Да что же это... Я не ожидал... Смотри скорее!

Исполинская башня медленно пошла вниз. Я ожидал, что завалится, я же подрубил стену только с одной стороны, но башня просела на пару этажей, а потом ее разломило, огромные куски каменных глыб обрушились на здания, пробивая крыши, ломая стены.

Взметнулось огромное облако желтой удушливой даже с виду пыли. Фицрой сказал с завистью:

— А Понсоменер наверняка слышит и вопли.

— Он чуткий, — согласился я. — Как только с этим и живет.

— Это же здорово?

— Я тоже так думал.

Земля едва слышно вздрагивает, тяжелые удары докатываются до нас медленно, но всякий раз чуточку встряхивают, кажется, весь холм.

Пыль все поднимается, там что-то продолжает рушиться, уже не башня, а те строения, что обломки разрушили или свалили.

Всматриваться пришлось долго, кроме рухнувшей башни некоторое время рассыпались стены донжона, оружейной и других сооружений, пыль оседает медленно, а когда наверх начали подниматься огрызки стен, сердце мое невольно дрогнуло.

Фицрой сказал медленно:

— Крепости больше нет... Есть руины. И это натворил все ты... один?

— Задача решена, — буркнул я. — Возвращаемся.

Он молча смотрел, как я собираю винтовку, а когда уложил ее обратно в мешок, вздохнул.

— Знаешь, в этом гуманизме что-то есть. Чтобы вот так, без крови. Это хорошо, что мы не видим, что там творится. Даже я не хотел бы такое видеть.

— Вот-вот, — согласился я. — Войны нужно переводить на более качественный уровень. Проливать кровь — это вульгарно и недемократично. Если мы за культуру, то обязаны убивать хорошо и много, но без подробностей.

Он оглянулся на руины крепости. Пыль осела, и теперь полуразрушенные стены торчат к небу, как сломанные зубы. Можно рассмотреть фигурки мечущихся в панике людей. Судя по увиденному отсюда, там не осталось ни одной целой крыши. Разваливающаяся башня проломила все этажи и вбила их в землю.

— С другой стороны, — сказал Фицрой задумчиво, — а где же романтика?

— Какая тебе романтика, — буркнул я. — Миром правит целесообразность.

— Да ну, — сказал он почти весело, — такое скажешь... Мы что, пауки? Мы люди, а нам дай веселье даже в бою!.. А тут какое веселье?

Я сказал сквозь стиснутые челюсти:

— Мне нужно было решить проблему герцога, возжелавшего меня убить! Решить и ехать дальше, к морю!.. Я это и решил.

— Гм...

— Хочется, — сказал я сердито, — чтоб красиво и весело? Хорошо, вот тебе красиво и весело: у нас в укромном местечке строится великолепный флот, лицо нового мира! Не забыл?

Он воскликнул, оживившись:

— Все время помню!

— Выйдем в море по-настоящему, — заверил я, — чтобы стать его хозяевами... вот тогда и насладишься настоящим весельем и настоящей победой!.. А это все... мелочи.

Его глаза заблестели, сказал с чувством:

— Вообще-то да, представляю... Если уже в прошлый раз было шумно и весело...

— Будет в сто раз веселее, — заверил я.

Он посмотрел, как я с трудом поднял и закинул мешок за спину.

— Помочь?.. А то ты какой-то хилый... Думаю, эту штуку украл у Рундельштотта с прицелом на морские схватки?

— Угадал, — ответил я. — Далеко заглядываешь, Фицрой!

— Главное, — ответил он многозначительно, — правильно.

Глава 14

Еще за поворотом дороги обратно, откуда за деревьями откроется наша поляна с расстеленной скатертью, я ощутил опасность и присутствие некой грозной мощи.

Фицрой умолк, посерьезнел, а пальцы инстинктивно пощупали рукоять меча. Мужчин это успокаивает точно так, как перебирающих свои серьги и ожерелья женщин.

Под нашим роскошным дубом Рундельштотт и Понсоменер сидят у скатерти, сейчас уже пустой, а перед ними,

спинами к нам, стоят двое мужчин в плащах до земли и в широкополых шляпах с высокими тульями, отличительный признак гильдии магов.

Один обернулся к нам, я вздрогнул, никогда не видел такого равнодушно-холодного лица с резкими чертами, а глаза и вовсе как вечный лед.

— Подойдите, — велел он. — Встаньте вон там.

Второй добавил, не оборачиваясь:

— Рядом с этими. Не пытайтесь бежать или сопротивляться. Мы под защитой, а вы умрете сразу, как только...

Я послушно прошел к дереву, Фицрой последовал за мной, Рундельштотт лишь посмотрел снизу вверх и снова перевел взгляд на грозные лица магов.

— Я Гердерт Горный, — произнес первый с беспощадным высокомерием, — глава гильдии магов. В гильдии трое магов черного плаща, пятеро серого и четверо магов начального уровня. Мы могли бы захватить власть в Опалоссе, где наша башня, но эти мелкие заботы нас не прельщают... Здесь мы потому, что ты последний, кто общался с магом Сенгом Болотным, а он был магом из нашего круга, магом начального уровня.

Я вскрикнул:

— Но кто-то из вас появлялся нам... в огне... и сказал, что тот маг был неправ... и вы не имеете претензий.

Гердерт Горный вперил в меня беспощадный взгляд.

— Мы не знаем, кто это был. И зачем такое сказал. Возможно, чтобы усыпить твою бдительность, чтобы ты не ожидал нас. Говори, что случилось с Сенгом Болотным.

— Откуда мне знать, — ответил я с обидой, — это ваши маговские дела! Он забрал накопитель и унесся. Вы не поверите, даже «до свиданья» не сказал. А я всегда считал магов носителями высокой культуры! А потом его башня почему-то рухнула. Больше мы ничего не знаем... Может, хапнул слишком много магии у накопителя и его разорвало?..

— А почему накопитель снова у вас? — спросил он требовательно.

Я кивнул в сторону Понсоменера.

— Наш слуга заметил в траве. И подобрал...

Рундельштотт пробормотал:

— Возможно, полагаете, это мы привели к его гибели?

Я здесь единственный маг. Посмотрите, я открыт, смог бы такое сделать?

Оба смерили Рундельштотта придирчивыми взглядами, тут же отвернулись с видом чрезвычайного презрения.

Я сказал глупо-жизнерадостно:

— Если то был маг начального уровня, тогда не жалко. Уже старый, а все еще начального! Другого выучите. Перспективного!

Гердерт Горный нахмурился.

— Смертный, ты уже видел его мощь! А каждый из нас в десятки раз сильнее.

Второй маг сказал холодно:

— Мы сопоставили то, что успел сообщить нам по дороге от вас чародей Сенг Болотный, и уверились... удивительный накопитель магии, что ты, смертный червяк, ему вручил, в самом деле вбирает в себя магию из пространства.

— Ну да, — сказал я оскорбленным тоном, — а как же иначе? В деловых сделках врать нехорошо, это вредит репутации.

— Он вбирал, — продолжил второй маг, — мы видели и чувствовали, как растет его мощь, а видеть такое магу... нет ничего более захватывающего! Накопитель магии — это доказательство не познанной нами и великой мощи Древних Магов.

Я сказал жалобно:

— А давайте пойду на сделку со следствием?.. У меня есть еще один накопитель! Только он так много запасает магии, что просто боюсь к нему прикасаться!.. Это точно

для великих магов. Или помельче, но чтоб их было хотя бы трое-четверо. Чем больше, тем лучше.

Гердерт Горный шелохнулся, наконец-то проявив некие признаки эмоций.

— Еще?

— Да, — ответил я. — В странствиях чего только не купишь! Пусть мне как бы ненужное, но можно перепродать, обменять...

У него блеснули глаза, а второй спросил резко и с подозрением:

— Почему ты вспомнил о нем?

— Вы же великие маги, — сказал я подобострастно, — вам ничего не стоит наполнить нам всем четверым карманы золотом, а то и алмазами!.. И вообще хочу дружить с вами. Я вам отдам этот могучий накопитель магии, а вы мне иногда что-нить будете подкидывать не магическое, но зато ценное для нас, простых и доверчивых!

Он посмотрел с жестокой иронией, а Гердерт Горный сказал насмешливо:

— Сообразил!.. Лучше самому предложить, чем отнимут.

— Ну зачем же так, — протянул я с укором. — Я хоть и не маг, но я, как сказали мне мудрецы, человек удачливый... Это значит, я чаще натываюсь на редкости, чем другие. Намного чаще! Я вам эти редкости, а вы мне золото...

Гердерт Горный некоторое время изучающе рассматривал мое лицо, а я смотрел в ответ чисто и открыто глазами человека, который предлагает взаимовыгодную сделку.

— Что ж, — проговорил он с той же ноткой презрения, — ты прав, для нас золото — такой же металл, как и любой остальной.

Второй бросил резко:

— Неси накопитель!

— Шас, — ответил я, — уже бегу.

Они с недоверием смотрели, как я вытащил из мешка приплюснутую штуку размером с перевернутое блюдо, но горбатее, похожее на черепаху со спрятанной под панцирь головой.

— Это он и есть?

Гердерт Горный сразу протянул руки, я сказал поспешно:

— Там сложный ритуал включения!

Он задержал руки на полпути.

— Какой?

— Все маги должны сесть вокруг, — сказал я, — протянуть правую руку и коснуться поверхности хотя бы пальцем, но лучше — ладонью, так магия пойдет в их тела быстрее. Но кто осторожничает, тот пусть касается пальцем, чтобы убрать его сразу, как только магии вольется уже достаточно...

Гердерт Горный поморщился.

— Для великих магов достаточно не бывает. Это начинающие не могут вобрать в себя больше чем на одно заклятие.

Второй ухватил мой накопитель и прижал к груди, по движениям чувствуется, что штука тяжелая даже для него.

Я сказал торопливо:

— Мы договорились?.. Золото нам придет, как только убедитесь, что магией заполнены по уши?

Гердерт Горный сказал небрежно:

— Договорились, договорились... Что еще нужно знать?

Я сказал с неловкостью:

— Да ничего... Но все должны прикоснуться одновременно. Потом кто-то свободной рукой переведет вот этот единственный рычажок вниз... Видите? Вот и все. Но только одновременно!.. Потом, конечно, накопитель снова заполнится магией, но на это могут уйти годы, он же вбирает в себя целое море!

Гердерт Горный покосился на соратника, тот прижимает находку к груди и смотрит с нетерпением.

— Хорошо, — сказал Гердерт. — Вы получите золото, если накопитель передаст нам магию. Вы получите его целые сундуки, если магии окажется много.

— И договор, — вставил я быстро, — на будущее! Я вам находки, вы нам — золото!

Он кивнул.

— Да, конечно... Щеперт, готов?

— Да, ответил второй маг уже в нетерпении.

Герберт взмахнул рукой. На их месте коротко блеснуло, на поляне остались только мы четверо.

Рундельштотт сказал со вздохом:

— Вот какое заклинание нужно осваивать, Юджин!.. Перемещение. Самое важное — перемещение. Все остальное потом...

— Они сейчас уже у себя? — спросил я. — Завидую, конечно. За мгновение ока через два королевства... Да еще наверняка и на самую вершину башни!

Рундельштотт взглянул с изумлением.

— А как же иначе? Чем могущественнее маг, чем выше создает для себя башню.

Я вытащил меч, потрогал рифленую рукоять. Вообще-то я мог бы носить с собой только рукоять, хотя это и вызвало бы смешки и ехидные вопросы, но, конечно, мог бы, скажем, объяснять, что несу в ремонт, хотя это достало бы...

Фицрой вскрикнул и тоже выхватил меч. На ствол дуба упал странно призрачный свет.

Я сказал быстро:

— Все сюда!.. Смотрите!

Фицрой вытаращил глаза, Понсоменер покачал головой, а Рундельштотт пробормотал заклинание. Высветилась сильно раскачивающаяся картинка просторного и достаточно аскетичного помещения. На участке толстого

ствола, как в окошке, появилось изображение большой и богато обставленной комнаты, хотя и в слишком мрачном стиле.

— Это глазами накопителя магии, — пояснил я.

— У твоей штуки есть глаза? — спросил Фицрой.

— Даже у холмов есть глаза, — ответил я. — Наш мастер смотрит через глаза птиц, когда посылает их к окну чьей-то спальни, так вот мы посмотрим, ага...

Рундельштотт недовольно хмыкнул, а Фицрой спросил:

— К женским спальням? Здорово... Чего оно так?

— Кладут на стол, — сказал я. — На самую середину...

Изображение перестало прыгать из стороны в сторону. Теперь хорошо видно, как в помещение не входят, а прямо появляются в нем угрюмые старцы в плащах до пола. Балахоны надвинуты до глаз, в руках посохи, а плащи, как Гердерт Горный и сказал, черные, серые и сильно подрезанные снизу, что уже и не плащи, а так, куртки.

Рундельштотт сказал горько:

— Они и так сильнее некуда... Думаешь, забыли про накопитель магии, что поменьше?

— Не забыли, — согласился я. — Даже удивительно, что не взяли сразу.

— Вернутся, — предупредил он. — Проверят сперва этот накопитель, потом постараются и тебя захватить.

— Зачем?

— Допытаться, откуда взял, где нашел, у кого купил... Боюсь, твои арбалеты их защиту не пробьют.

Фицрой вскрикнул:

— Смотрите, смотрите!

В окошке на дереве видно, как чародеи медленно и степенно рассаживаются вокруг стола, лица угрюмые и настороженные. Губы Гердерта Гордого постоянно шевелятся, но слов не слышу, моя вина, не успел включить аудиопередатчик.

— Тихо, — сказал я. — Не галдите, только смотрите.

Гердерт Горный строго поглядывает на всех, по его команде подняли руки, смотрят на него. Он произнес еще слово, и все начали тянуть вытянутые пальцы в центр стола, где расположилась металлическая тарелка.

Я наконец сумел включить встроенный микрофон, доносясь резкий голос Гердерта:

— Застыть!.. Не шевелиться!.. Череварт, я вижу, ты задумал коснуться всей ладонью и получить магии больше других!

Один из магов сказал сварливо-испуганно:

— Ничего я не задумывал...

— Я умею читать по лицам, — отрезал Гердерт злое. — Помните, я слежу! Да никто не имеет преимущества. Я, верховный маг, следил и буду следить за равноправием и порядком в нашей гильдии...

Ага, сказал я мысленно, но за вторым накопителем вернешься, чтобы забрать его тайно уже для себя. Такое видно и без умения читать по лицам.

Рундельштотт шумно вздохнул, я даже не взглянул в его сторону. По слову Гердерта Горного все одновременно начали тянуть кончики пальцев к блестящему горбику металла, задержали в сантиметре, глядя на Гердерта.

Тот шумно выдохнул:

— Можно!

Все разом коснулись пальцами чудо-накопителя, на лицах страх и тревожное ожидание.

Я сказал резко:

— Пора!

И прижал кончиком пальца третью пуговицу на рубашке. Изображение мгновенно сменилось ярчайшей вспышкой, тут же исчезло. Фицрой, Рундельштотт и даже Понсоменер все еще тупо смотрели на стену.

Фицрой повернулся первым, глаза вытаращенные, спросил свистящим шепотом:

— Что это было?

— Мина, — сообщил я.

Он вздрогнул, потом радостно заулыбался.

— Такая, какие закладывали на мосту в Ииссор?

— Нет, — ответил я, — то были так, семечки. А эта...

Рундельштотт и Понсоменер молчали, лица потрясенные, а Фицрой сказал с пониманием:

— Такая полгорода разнесет!.. Хорошо, колдуны строят свои башни в стороне даже от мелких деревень, сел и до-рог... От нее ничего не остается! Разве что яма...

Рундельштотт сказал с нервным смехом:

— Да, с тобой в кости играть лучше не садиться.

— Он такой, — подтвердил Фицрой.

— Я уж было поверил, — сказал Рундельштотт, — от сердца отрываешь самое ценное, что у тебя есть!

— Ценное, — согласился я. — Но еще несколько штук захватил. На всякий случай. Жизнь такая тревожная... А теперь уходим! Наша цель — море! Нет, даже океан... Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног.

Понсоменер сказал ровно:

— Оседлаю коней.

— Мои старые мешки, — сказал я, — повезет Фицрой. Те, что я принес сегодня, погрузи на моего запасного.

— Хорошо, — ответил он бесстрастно.

Фицрой собрал чаши и аккуратно завернул в скатерку, а Рундельштотт тяжело поднялся, опираясь на посох.

— Ох, как хорошо сидеть...

— Нужен ковер-самолет, — сказал я. — Не придумали еще?.. Тогда групповое перемещение. Вон маги могут!.. Когда видишь, как они делают, то хоть и не слишком завистливый, но все-таки...

Рундельштотт пробормотал:

— У тебя все впереди. Возможности у тебя... гм... хоть и дикие. Ладно, чем скорее отправимся, тем быстрее.

Понсоменер вскинул на спину своего коня седло, оглянулся на меня.

— Вернемся на прежнюю дорогу?

— Ну да, — ответил я. — Там привычно, дорога накапанная... А что?

— Отсюда можно по прямой, — сообщил он. — В Дронтарию. На пару дней быстрее. И хотя не спешим...

— Как это не спешим? — оборвал я. — Мы спешим жить!.. Веди, Сусанин.

Фицрой сказал бодро:

— Новые дороги — новые люди!

— И новые приключения, — пробормотал Рундельштотт неодобрительно. — Когда вы поймете, что их лучше избегать?

Глава 15

У Понсоменера чутье, как у птицы, что за тысячи миль через полгода возвращается из чужих краев прямо в родное гнездо. Едва только отъехали от нашей поляны, как отыскал довольно сносную, хоть и заброшенную, дорогу в сторону юга.

Некоторое время двигались по двое, потом дорога сузилась, и снова Понсоменер далеко впереди, за ним я и Фицрой, а Рундельштотт то в самом хвосте, то мы его пропускаем в середину, следуя знаменитому приказу Наполеона «Ученых и ослов в середину!».

Лесистая равнина сменилась холмами, но и там ни сел, ни деревень, хотя прекрасная земля, строевой лес, небольшие озера с чистой водой, быстрые и полноводные ручьи, а также множество самой разной дичи от кабанов и оленей до гусей и перепелок.

Фицрой то и дело подчеркивает, какой он охотник, подшибая из лука больших жирных птиц, но я замечал ухмылку Понсоменера, тот скромно помалкивает.

Что-то в этом Понсоменере тревожит, хотя он постоянно доказывает своими поступками преданность нашей группе, однако все равно не могу избавиться от некой смутной неуверенности. Он держится так, словно бывал и в этой долине, однако же все равно я вижу простого молодого мужика. Такие никогда не покидают деревни, живут так же, как их домашний скот, ни о чем особом не помышляют.

Да, именно, Понсоменер как раз таков, ни о чем своем не помышляет. Он идет с нами и служит нам, а для себя за все время ничего не сделал и даже не выказал никаких желаний, что тоже странно и неестественно.

Дорога петляет, поворачивает, делает сумасшедшие развороты, а Фицрой, похоже, перестал соображать, в какую сторону едем, взмолился:

— А нельзя ли напрямик?

— Вообще-то можно, — ответил Рундельштотт, — и даже очень желательно, но здесь, увы, нельзя.

— Почему?

— Справа болото, — сообщил Рундельштотт, — лучше даже не пробовать, слева обрыв. Понсоменер?

Понсоменер подтвердил:

— Совершенно точно, мастер.

— Уже и старый колдун лучше видит дорогу, — сказал Фицрой с тоской. — Что со мной не так?..

— Ты горожанин, — сказал я с сочувствием. — Столичная штучка. Привык к дворцам, толпам слуг, угодливым придворным, толстым бабам, кислому вину... Хотя я вообще-то люблю толстых тоже. Но вино предпочитаю сладкое.

— Эй-эй, — прервал он. — Ты чего мне присобачиваешь?.. Какие толпы слуг? Забыл, где мы с тобой познакомились?

— Орлам случается и ниже кур спускаться, — ответил я многозначительно, — но курам никогда до облак не подняться... орел ты наш сизоносый. Это что там впереди?

Понсоменер, что как будто ждал вопроса, придержал коня и, когда догнали, сказал кратко:

— Город мертв. Я о нем ничего не знаю... почти. Разве что наш мастер?

Кони несут нас бодрой трусцой, а с каждым шагом я видел, что это в самом деле целый город. Зброшенный, пустой, покинутый жителями, и чем ближе подъезжаем к арке городских ворот, тем с большим холодком непонятного страха понимаю, что случилось это не вчера или даже не год-два назад.

Город вызывающе смотрит в небо острыми башенками, стена как новенькая, хотя на месте ворот дыра, а когда проезжали между каменными столбами, рассмотрел под конскими копытами не только труху сгнившего дерева, но и ржавчину от железных запоров.

Камень уцелел, как под копытами, где ни одна плита не треснула, не сдвинулась, так и в стенах самих домов, массивных и мрачных в своей уверенности всегда быть и вечно ждать, когда хозяева вернутся.

Фицрой сказал с нервным смешком:

— Город что, сам за собой присматривает?

Рундельштотт обронил:

— Строили на века... даже на тысячи лет. Раньше умели.

Я трусливо осматривался, чувствуя себя тревожно, и не понять почему, если город пуст. Может быть, потому я весь в мурашках, что город выстроен, как говорит Рундельштотт, сотни, если не тысячи, лет тому, выстроен так основательно, как будут строить разве что через несколько сотен лет?

Понсоменер оглянулся, глаза стали темными.

— Здесь живут, — обронил он кратко. — Но не люди.

— А кто? — спросил я.

Он даже не пожал плечами, голос прозвучал так же ровно:

— Не знаю. Просто чувствую.

Рундельштотт взглянул на меня испытующе.

— Юджин, ты тоже что-то замечаешь, так?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Не знаю, что чувствую, но мне здесь не по себе! Давайте быстрее отсюда.

Едва выбрались, как прямая дорога тут же потеряла серьезность и снова начала метаться из стороны в сторону, подобная даже не змейке, а ленточке на ветру, что ежесекундно меняет направление. Я даже оглянулся разок, проверил, не ушла ли в сторону, заманив нас в дебри.

В небе тучи, странно и страшно плывут жутко фиолетовые на исполинском оранжевом солнце в треть небосклона, ветер набрасывается то справа, то слева, даже Фицрой прикрывается шляпой, а Рундельштотт набросил на голову капюшон плаща.

Понсоменер сказал вполголоса:

— Там впереди человек. На холме.

— Охотник? — спросил Фицрой.

Понсоменер покачал головой.

— Наблюдает за нами.

Фицрой начал всматриваться, Рундельштотт проворчал:

— Ничего удивительного. Если Антриас готовится к вторжению, он должен обезопасить все пути. Конные отряды должны быть разосланы во все стороны. Он на коне?

— На коне, — ответил Понсоменер. — А чуть дальше еще двое.

— Да ладно вам, — сказал я, — Антриас не настолько уж и всесилен, чтобы на всем предполагаемом пути своей армии расставить лазутчиков.

— Но это конный разъезд, — определил Рундельштотт. — Они всегда по трое.

Я покосился с удивлением — говорит так уверенно, словно сам когда-то отправлял такие отряды на разведку местности. Хотя, кто знает, это сейчас Рундельштотт чародей, а кем был в молодости, вряд ли вот так возьмет и скажет, хоть мы вроде бы и друзья.

— Возможно, — сказал я с сомнением, — это гуцары?

— До их земель еще далеко, — ответил Рундельштотт. — Ну, не так чтоб очень, но сюда не выходят.

— Да ладно, — сказал Фицрой беспечно, — местные племена всегда охраняют границы своих земель.

— Тогда мы в безопасности, — предположил я. — Они должны реагировать только на большие массы. Неважно, чужие отряды или переселенцы на их исконные земли.

Понсоменер промолчал, он сообщил о своих наблюдениях, остальное — наше дело.

Фицрой и Рундельштотт тоже не тревожатся, я посмотрел, как красиво и уверенно едут впереди Понсоменер и Фицрой, про обоих все еще ничего не знаю. Особенно Фицрой, темная лошадка, держится открыто и дружелюбно, но кто знает, что в нем еще... Не говоря уже о Понсоменере, что ничего не скрывает, но менее загадочным не становится.

Только мы с Рундельштоттом простые и ясные... хотя, конечно, для Фицроя и Понсоменера мы еще темнее и непонятнее.

Понсоменер за минуту до того, как я собирался крикнуть ему насчет остановки на ночь, придержал коня и указал в сторону.

— Сто шагов.

— Что там? — спросил Фицрой. — Ах да, прекрасное место.

Невысокая скала с плоской с одной стороны поверхностью защитит от ветра, а десяток старых деревьев рядом

обещают как укрытие от возможного дождя, так и множество сухих веток.

Рундельштотт с трудом слез с коня и сел, упершись спиной в толстое дерево. Лицо такое усталое, что я едва не полез за подбадривающей таблеткой, но удержался, за ночь отдохнет... хотя бы наполовину, а там день покажет, что и как.

Фицрой, соскочив, ушиб ногу о корягу и зло зашипел. Мне почудились ругательства, я сказал испуганно:

— Только не в присутствии принцессы!

Он испуганно дернулся, оглянулся.

— Простите, ваше высоко... Тьфу! Ты чего пугаешь?

— Проверяю память, — ответил я нагло. — Здорово вдолбилось, верно? Так намучались с нею, но без нее стало пусто. Мы, самцы, обязательно должны заботиться о самочках. Тихих, нежных, ласковых. Это у нас в крови. А такие, как Гекара, сами о себе позаботятся.

Он передернул плечами.

— Бр-р-р... как вспомню ее взгляд.

— Что, — спросил я с интересом, — глаз на тебя положила? В смысле, заинтересовалась?

Он вздрогнул сильнее.

— А ты думал, чего я по тавернам прятался?

— Она орлица, — сообщил я с сочувствием. — А ты — орел. Так что ничего удивительно. Тебе от нее не уйти.

— Тьфу-тьфу, — сказал он. — Я из Дронтарииноса не высуну, а потом на острова, верно?

После ужина я долго лежал с закинутыми за голову ладонями и смотрел на исполинскую луну, что закрывает полнеба, там чудится кипящий ад, пусть и выглядит застывшим, но это именно ад, весь в багровых углях и раскаленных потеках железа.

Но, если подумать, куда страшнее должен выглядеть мир темной материи, однако человек ко всему привыкает. Я не считаю себя сумасшедшим или даже отважным, но

мой мир настолько приучил к тому, что все мы защищены, потому без страха влезаю в разные приключения... и вот даже сейчас чувствую, как поднимается в душе желание проверить нечто экстремальное.

В темной материи, как потрясенно стараюсь понять и никак не усвою, совершенно нет понятия пространства. Какие-то другие законы наверняка есть... хотя почему есть?.. Могут и вообще не быть, что это я за чмо, что не может жить без законов сверху?.. Но закона пространства нет. Если меня с такой легкостью перебросило из этого мира в мой... Да, с легкостью, это для меня было трудно, но не для этого мира. Мне же нужно только поймать этот момент, это ощущение, что позволяет переходить из мира в мир... или же делать пробой, чтобы отсюда в коттедж, а потом и обратно...

Утром то ли проснулся слишком рано, то ли туман с каждым днем все плотнее, но тарашил глаза и ничего не видел, кроме неприятных серых комков, плавающих в светлом киселе.

Медленно проявился голубой силуэт, приблизился, стал синим, через минуту вместо него из тумана вынырнул Понсоменер.

— Так тихо, — сказал он с восторгом. — Как хорошо!

— Днем тоже тихо, — возразил я.

— Днем? — изумился он. — Днем везде трещит, скрипит, птицы орут, белки носятся над головой и верещат, верещат, верещат, как глупые женщины.

— Ах да, — сказал я, — ты даже топот муравьев слышишь?

Он покачал головой.

— Только на поверхности. Ну, еще и в норах, если не глубже локтя... а дальше, только если сам начну вслушиваться. А так в лесу можно оглохнуть от писка, визга, рыка,

воя, скрипа, треска... но я вообще-то свыкся, почти не обращаю внимания, хотя все и слышу.

— Бедный, — сказал я с саркастическим сочувствием. — Хотел бы я занять такой слух! Потерпел бы как-то.

Он чуть-чуть поморщился, для него это, как понимаю, сильнейшее проявление эмоций.

— Не уверен.

— Почему?

— Слышал о таких, — ответил он кратко, — что не стерпели.

Понсоменер разложил из мешка провизию, молча позавтракали, так же без слов разобрали коней, через пару минут за деревьями открылась старая заброшенная, но приметная дорога.

Похоже, когда-то здесь прокатывались волны жестоких нашествий, разрушительных и кровавых. Я замечал руины, что почти скрылись в кустарнике, а среди разрушенных фундаментов роскошных дворцов видел разросшиеся могучие столетние дубы.

Дважды замечал остатки башен, самая высокая возвышается почти на высоту человеческого роста, иногда удавалось увидеть в высокой траве глыбы, раскатившиеся при их разрушении.

Рундельштотт наконец сообщил, что левее была роскошная дорога, но Понсоменер сказал невесело:

— Не стоит по ней.

— Почему?

— Там выросли деревья, — ответил он. — Теперь что дорога, что не дорога, все равно. Единственное, что не изменилось...

Он умолк, Фицрой тут же спросил быстро:

— Что? Что не изменилось?

— Пещера Мудрого Мантиионосца, — ответил Понсоменер. — Ей что, она под землей. Разве что вход завалило, да и то вряд ли...

Через полчаса дороги, что идет достаточно ровно, он указал в сторону, там чувствуется некое углубление в почве, густо заросшее травой и кустарниками.

— Вход цел, только все заросло.

Фицрой сказал жадно:

— Пещера Мантионосца?

— Мудрого Мантионосца, — поправил Понсоменер, в его бесстрастном голосе я уловил нотку уважения, даже подумал, что Понсоменера с тем мантионосцем что-то да связывало. — Она там глубже.

Фицрой сказал с заблестевшими глазами:

— Я слышал, в таких добывали алмазы, изумруды, редкие сапфиры, топазы...

— Они и сейчас там, — ответил Понсоменер равнодушно. — Но нам стоило бы поторопиться.

— Не останавливаться! — велел я резко. — Нам еще неприятностей по дороге не хватало. Идем мимо и дальше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Ночью равнина выглядит совсем мертвой и пугающей, хотя вообще-то лес ночью еще страшнее, но там страх понятен: кто-то да смотрит из дупла, а здесь тоска и безнадежность бытия, бесконечность, что простирается до самого неба с мертвой луной, на горизонте едва-едва виднеются вершины гор, но до них еще ехать и ехать, хотя да, мы едем мимо.

Конские копыта стучали по твердой высохшей земле, потом шелестели по траве, наконец мы неслись бесшумные, как летучие мыши, по толстому слою мха, покрывшему недавно умершее болото.

На ночь остановились в уютной расщелине, Понсоменер тут же принялся разводить костер, а Рундельштотт щелкнул солнечной зажигалкой, и по сухим веточкам тут же побежали огоньки.

Утро оказалось холоднее, чем я ожидал, к тому же дорога пошла вверх, воздух посвежел, справа и слева теперь утрюмые высокие скалы, по ущелью навстречу попался ручеек, вода настолько ледяная, что заломило зубы.

Ветер встречный, холодный, дергает за волосы и пытается стянуть с плеч плащ, а впереди все те же безжизненные вершины гор, что так и не стали ближе.

Понсоменер послал коня резко влево, я спросил с подозрением:

— Но дорога вроде бы идет прямо?

Он кивнул.

— От нее остался только след.

— И что? Наши кони пройдут легко.

К нам подъехали Рундельштотт и Фицрой, Понсоменер покосился на старого чародея.

— Мастер подтвердит, дорога была между двумя... городами? Или селами, не знаю. Но потом, совсем недавно, буквально вчера, там вдруг что-то сошлось... Не то все луны после полного безлуния, не то еще что-то, не знаю...

Я поинтересовался:

— А когда это случилось?

— Да всего лет сто назад, — ответил Понсоменер буднично. — Или полста, кто такие мелочи помнит. Вон мастер скажет, что...

— Совсем недавно, — сказал я саркастически, — буквально вчера! Там опасно?

Понсоменер посмотрел на меня в сомнении.

— Глерд Юджин, вы же сказали — ни во что не ввязываться? И не останавливаться? Это дорога хоть и прямая, но может оказаться длиннее.

— Но может и не оказаться? — спросил я.

Он кивнул.

— Я думал, вы избегаете приключений.

— Он? — ахнул Фицрой. — Да он сам к ним тянется!

— Я избегаю, — возразил я, — если они сами прут навстречу. Да еще стадами! Такие нашему плановому хозяйству не нужны. Но сейчас насколько велика вероятность, что на прямой дороге потеряем больше времени?

Понсоменер пожал плечами.

— Неведомо.

Фицрой и Рундельштотт, как мне показалось, смотрят на меня с некоторой ехидцей.

— Едем прямо, — сказал я сердито. — Негоже просвещенным людям, это я о себе, быть суеверными в наше почти просвещенное темное время... Вперед, герои песчаных карьеров! Но пасаран!

Понсоменёр кивнул и, не меняя выражения лица, пустил коня вперед рысцой.

— Нравится мне наш командир, — сказал Фицрой Рундельштотту, — такой активный, нопасаранистый...

— Какой-какой?

— Нопасаранистый!

— А что это?

— Не знаю, — ответил Фицрой безмятежно. — Но разве это важно? К нашему Юджину все непонятное подходит так, будто на него скроено и даже сшито.

Рундельштотт хмыкнул, но лицо осталось задумчивым. Я поглядывал на них краем глаза, старый мастер словно даже в словах Фицроя отыскал некую посконную истину, как петух иногда находит, судя по непроверенным, но подтвержденным в письменности слухам, в навозной куче жемчужные зерна.

Особенностью мудреца является возможность видеть скрытый смысл даже в простых вещах, как вот, глядя на ствол дерева, может увидеть стену бревенчатого дома, частокол вокруг города, деревянную мебель, ручки для лопат, вил и многое такое, что можно сделать из дерева, а нормальный человек, глядя на бревно, видит только бревно.

Редкие деревья остались за спиной, впереди только трава, но даже я заметил ее непривычную мясистость, словно целое поле подсолнухов с их толстыми стволами, но короткие и с широкими листьями в два пальца толщиной.

Некоторые растения показались знакомыми, а когда въехали в лес, тоже странный, я вертел головой и все не мог отделаться от ощущения некой знакомости, где-то видел, видел отчетливо...

Фицрой послал коня рядом с моим, спросил тихонько:

— Что-то пугает?

— Не то, — ответил я медленно, — это же... блин... да это же хвощи и плауны!.. А вот те деревья... это же папоротники!

Насчет хвоей и плаунов он явно не понял, но на гигантские папоротники засмотрелся в диком изумлении.

— А в самом деле... похоже...

— Это они и есть, — заверил я, — просто теперь измельчали. Все мы мельчаем. Только ты растешь.

Рундельштотт и Понсоменер прислушиваются, но помалкивают, по сторонам поглядывают часто, я заметил, что Рундельштотт очень быстро охватывает взглядом новые особенности этого странного мира.

Фицрой охнул, ладонь его со стуком упала на рукоять меча. Из зарослей гигантских папоротников выдвинулась морда на длинной змеиной шее, мы остановили коней, готовые удрать в любой момент, а шея все вытягивается и вытягивается, а когда мы в напряжении уже устали ждать, чем все это кончится, следом выступила вытянутая вперед туша с серо-зеленой кожей, абсолютно лишенной волос, голая, как... лягушка, и только тогда я сообразил, что это и есть лягушка тех времен, когда те лягушки назывались иначе...

— Динозавр, — проговорил я с трудом, — а он откуда... Хотя да, если хвощи и плауны, то и динозавры... а как же, так и должно...

Динозавр посмотрел в нашу сторону равнодушно, в его крохотном мозгу нет образа таких хищников, и пошел дальше, срывая сочные верхушки трав и молоденькие веточки кустарника.

Фицрой проговорил шепотом:

— Чего-чего?

— Травоядный, — объяснил я, — что понятно сразу по его крохотной голове и громадному брюху.

Рундельштотт буркнул:

— Я знавал вельмож с птичьими мозгами и громадными животами, что питались только мясом... Уверен, что эта тварь не опасна?

— Абсолютно, — ответил я тоже негромко, — куда ни сунься, одни разочарования. И здесь эти динозавры... Ну когда же что-то новое... Неужели обязательно на другой планете?.. Нет, мне и на диване хорошо. Не пойду на другие планеты.

Фицрой посмотрел вслед чудовищу, за которым еще долго тащился длинный толстый хвост, перевел взгляд на меня.

— Ты таких уже видел?

— Полно, — ответил я. У нас их видимо-невидимо... по хвощам и плаунам бродили целые стада. Ты не туда смотришь...

— А-а... куда?

Я указал пальцем в землю.

— Видишь, муравей прет муху?.. В смысле, тащит, а то еще что подумаешь... Она же раз в двадцать тяжелее, а он не просто тащит, а — смотри-смотри!.. Взвалил на спину и бежит вприпрыжку!.. Вот это чудо. А динозавры... они еле-еле свои жопы носят. Потому и сохранились здесь разве что в воде... там легче... гм...

Он посмотрел на муравья, на меня.

— Так он же на суше!..

— Только ихтиозавры не вылезали наружу, — сказал я, как знаток по этим чудовищам, — а бронтозавры, стегозавры и всякие там плезиозавры частенько вылезали на берег, хотя только в воде им хорошо.

Он покачал головой.

— Но ты чего-то испугался. Признавайся!

— Да подумал, — ответил я нехотя. — Как могло такое место здесь сохраниться?

Понсоменер напомнил:

— Не сохранилось, а появилось. Недавно.

— Совсем недавно, — подтвердил я уже без иронии. — Но... динозавры? Наверняка эти движения планет и сложные траектории трех солнц... гм... иногда как-то искривляют пространство-время... При каких-то неизвестных условиях?

Они молча смотрели на меня в ожидании, вот щас все разложу по полочкам, потом соберем здесь все ценное и отправимся по своему маршруту.

— Ты о чем-то догадываешься? — спросил Рундельштотт.

— Нет, — ответил я честно. — Но, думаю, нам стоит идти мимо и дальше. Иначе не исполним своей великой миссии. Конечно, уши на макушке, но хвост можно крючком.

— Кверху или книзу? — придиричиво уточнил Рундельштотт.

— Узнаю мыслителя, — ответил я. — Вон Фицрой не сомневается, что только кверху.

— Фицрой вообще ни в чем не сомневается, — проворчал Рундельштотт. — Самый несчастный человек на свете...

— Самый счастливый, — возразил Фицрой обидчиво. — Но не зря больше никто через это место не ездит?..

— Люди страшатся нового, — объяснил я. — Здесь так красиво, но красота — страшная сила, а страшное и есть страшное.

— А если здесь что-то пострашнее твоего травоядного? — спросил Рундельштотт.

— Люди всегда находят выход, — ответил я. — Если не могут справиться с чудовищем, то придумывают какие-нибудь отпугиватели... Понс, а ты высматривай по дороге пещеру посолиднее, чтобы все поместились. И чтобы горные породы задержали излучение.

Фицрой спросил:

— Че-че?

— Колдовской свет, — пояснил я. — Колдовской он такой, невидимый, что характерно. Вдруг опять не так небесные светила сойдутся.

— Подлый, — буркнул Фицрой. — Все колдовское подлое. Недаром колдунов...

Он бросил на меня опасливый взгляд, дескать, ты не колдун, никто тебя таким не считает только потому, что дали попользоваться колдовским арбалетом.

Понсоменер вытянул вперед руку.

— Вон там за этими странными... деревьями какие-то горы. Невысокие, со срезанными вершинками. Проедем мимо. Если что, там наверняка пещеры.

Я всмотрелся — за хвощами и плаунами мелькнули оранжевые стены, еще через несколько минут выехали на простор, за поляной сплошная стена из камня высотой в пару сот метров, похожа на гигантский куб, вырубленный неведомыми гигантами и зачем-то оставленный здесь среди хвощей и плаунов.

Мы двигались где рысью, где шагом, солнце светит нам в спину, стена освещена в мельчайших подробностях, нет необходимости подъезжать ближе, удастся разглядеть любую мелкую трещину, огромных стрекоз, выглядывающих из норок то ли рогатых червей, то ли жуков.

Понсоменер крикнул громко:

— Смотрите!.. Там что-то странное.

Прямо в стене вырезаны исполинские лица, даже не барельефы, а настолько умело, что выдвигаются вперед, нависая над заросшей, но все еще заметной тропкой.

— Что за морды, — сказал Фицрой с чувством, — что за морды... Хотя вон та еще ничего.

Я проследил за его пальцем, вкусы Фицроя себя выдадут во всем блеске, по лицу вообще-то можно определить, какое у человека тело, а по этой толстой женской морде можно увидеть, какие у нее вторичные половые...

— Как только и вытесывали, — пробормотал Рундельштотт.

— Возможно, — сказал Фицрой, — вытесывателей спустили сверху на веревках? Это проще, чем строить лестницы.

— Хорошо мыслишь, — одобрил я. — С размахом.

— Чего-чего?

— Не топчешься на месте с «как?», — пояснил я, — а сразу предлагаешь варианты. Быть тебе вожаком.

Он просиял, приосанился, а то как же, это и понятно, что ему на роду написано свершить нечто великое, только еще не понял, что именно, где и как.

Рундельштотт поглядывает на меня изучающе, хотя вряд ли заметил несоответствие, все-таки между динозаврами и людьми дистанция в сотни миллионов лет, но явно видит, что меня тревожит нечто особенное.

Огибая этот исполинский странный куб из цельного камня, я вслед за Понсоменером обратил внимание на каменные статуи в нишах, все гиганты по три-четыре моих роста, вытесаны настолько натурально, что даже по моему хребту прокатилась предостерегающая дрожь.

Фицрой тоже увидел, сказал быстро:

— Смотри, смотри!.. Как почетная охрана у входа.

Я покачал головой.

— Нет, едем мимо. Нас, вольных альбатросов, ждет море. Не приближаться!.. Не приближаться, я же предупреждал!

Фицрой буркнул:

— Ты предупреждал, чтобы не слишком уж с женщинами по дороге... в ночевках, чтоб не задерживали, но это не совсем женщины, хотя вот та и вон левая справа, что посередине, тоже как бы... Вон там даже дыра между ними, да не просто дыра, а дверной проход, малость обвалилось...

— Не нравятся мне эти гиганты, — сказал я твердо. — Хоть и декор, но сторожа. И достаточно опасные.

Он повернулся, посмотрел на меня в недоумении.

— Ты чего? Они же каменные!

— Вот-вот, — сказал я. — И огромные. Представляешь, какие камни смогут швырять?

Он посмотрел на меня, снова на гигантов.

— Но как... они не живые!

— Кремнийорганическая жизнь, — ответил я, — вполне, вполне... Один брошенный камень может разнести корабль в щепки. Такое где-то было, не помню... А что с того, что сейчас их перенесло на сушу?.. Дураки не меняются... Всем держаться подальше!

На меня посматривали в недоумении, но спорить не решились, а Понсоменер уже и вовсе почти забыл о каменных гигантах, как только отъехал от них на безопасное расстояние.

Я старался не смотреть в их сторону, хотя практически ощутил, как двое из гигантов шевельнулись, медленно шагнули в нашу сторону. Один остановился, взял в лапы камень, второй поднял с усилием целую скалу...

Не выдержав, я в испуге оглянулся. Спертое в груди дыхание вырвалось на свободу с натужным всхлипом. Каменные статуи на местах в нишах, ни одна даже не повернула голову в нашу сторону.

На меня посматривают с беспокойством, Фицрой наконец вздохнул глубоко-глубоко, словно не дышал все это время, сказал дрожащим голосом:

— В прошлый раз, значит, ты к таким подплывал сдуру на корабле, а они промахнулись, да?

Я огрызнулся:

— При чем тут я? Это я в старых книгах читал!.. Я вообще-то грамотный и начитанный!

Он сказал понимающе:

— Ну да, конечно. Это ты сидел и читал, ага. Так я и поверил.

Я покосился на глядящих в нашу стороны с подозрением Рундельштотта и даже Понсоменера. На их лицах крупными буквами написано то, что сказал Фицрой: «Рассказывай-рассказывай, что это не ты плавал, не ускользал под градом скал, что бросают такие вот гиганты...»

— Да что вы все, — сказал я недовольно. — Не возлагайте на меня слишком уж надежд!.. Я не ослик, все не повежу!.. Даже если смог бы. Я еще и ленивый, это прерогатива человека интеллигентного и мыслящего. Чем человек интеллигентнее, тем он больший бездельник и больше требует от власти и правительства!.. Так что вперед и мимо!.. Думаю, этот мирок скоро исчезнет.

Все промолчали, только Рундельштотт поинтересовался:

— Почему?

— Задавят, — пояснил я коротко. — Здесь все примитивное, а покрытосеменные намного живучее. И млекопитающие, как и птицы... просто сюда еще не слишком вторгаются. Хвощи и плауны, как и гигантские папоротники — это не еда даже для оленей, а то бы уже сожрали, а динозавры передохли бы с голоду.

Рундельштотт указал под ноги.

— Ты говоришь о таких?

Я мазнул взглядом по одиноко растущему одуванчику.

— Точно. Семечко занесло сюда ветром, а теперь вырастет и уже отсюда будет засеивать... вытесняя примитивные хвощи и плауны. Следующее поколение уже не увидит на этой земле ничего необычного.

Впереди густой влажный туман скрыл землю, странное ощущение, будто облака отяжелели и опустились на траву. Мы мчались по лесной дороге, там торчащие из молочного киселя кусты выглядят вообще чудовишно, и только с восходом оранжевого солнца все это начало таять, растворяться, разве что среди веток остались застрявшие, словно вата, клочья.

— Похоже, — сказал я с облегчением, — мы ту Зачарованную Зону миновали. Как хорошо! И такую длинную петлю срезали.

Фицрой буркнул:

— Да еще на землях гуцаров. Даже не знаю...

— Чего? — спросил я.

— Хорошо или нет, — заметил он меланхолично, — что не подрались с ними?

— Мы уже дрались, — напомнил я.

— Но не в этом составе!

Рундельштотт некоторое время ехал с Понсоменером, теперь отстал, сказал успокаивающим голосом:

— Половину земель гуцаров миновали! Осталось немного...

— Немного, — откликнулся Фицрой сердито, — половина!

— Меньшая половина, — уточнил Рундельштотт, видимо, у чародеев есть большая и меньшая половины, — так что уже скоро.

Понсоменер некоторое время помалкивал, просто едет и едет впереди, но когда заговорил в своей обычной спокойной манере, мороз пробежал не только по моей шкуре:

— Вон там впереди справа от дороги засада... Сразу за кустами прячутся люди.

— Много? — спросил Фицрой небрежно и, явно красуясь, как бы нехотя потащил из ножен меч.

— Много, — подтвердил Понсоменер.

— Человек десять?

— Больше, — ответил Понсоменер. — Точно не скажу, не знаю...

Я вчувствовался, ветерок от нас, запахи не уловить, сказал настороженно:

— Останавливаемся! Ну?

Все настороженно смотрели в сторону кустов, никто не заметил, как в моих ладонях появились рукояти пистоле-

тов. Сцепив челюсти, я открыл стрельбу по кустам, Фицрой дернулся от неожиданности и отпрыгнул в сторону.

Пошел треск, щелчки, на землю начали падать сучья, посыпались листья, одна за другой повалились толстые ветви, перерубленные пулями.

Фицрой и Понсоменер с мечами в руках встали рядом со мной, закрывая спинами Рундельштотта. За кустами раздались крики, стоны, наконец ветви распахнулись сразу в трех местах, в нашу сторону ринулись здоровенные лохматые люди в шкурах и с копьями в руках.

Но до нас еще два десятка шагов, неожиданного нападения не получилось, я хладнокровно всаживал пули, пока все отважные, что в передних рядах, не рухнули на дорогу.

Кто-то попытался попятиться, но и тех пули достали в спины. Я прекратил стрельбу, но пистолеты не опустил, вслушивался, пока Понсоменер не проговорил:

— Больше никого... Если кто и уцелел, то сбежал...

— Никто не сбежал, — уточнил Рундельштотт. — Это гуцары.

— И что? — спросил Фицрой.

— У них нет понятия бегства, — пояснил Рундельштотт. — Но есть понятие стыда. И потери чести.

Я проворчал:

— В шкурах, а тоже мне о чести...

— Шкуры, — сказал Рундельштотт знающе, — это их спесь. У них хватает одежды. А это так... чтобы выглядеть страшнее.

— Понятно, — обронил я. — Борьба за самобытность. Национальная одежда. Петухи на рубахах...

Мой конь медленно двигался по краю дороги, стараясь не наступать на еще теплые тела. Фицрой по-прежнему с мечом в руке двинулся следом, а Понсоменер убрал клинок и, словно ничего не произошло, дела житейские, снова выехал вперед.

Вскоре кусты у дороги исчезли, а затем нехотя отступили и деревья. Открылась во всей грозной красе далекая темная стена из черного с серыми прожилками камня.

Я рассмотрел на поверхности полустертые временем странные знаки. Рундельштотт перехватил мой взгляд, покачал головой.

— Даже не смотри.

— Почему?

— В ответ будут смотреть на тебя, — предупредил он, — а это не для всех проходит бесследно.

Фицрой сказал с видом знатока:

— Старая магия! Я слышал о такой. Никто не знает, как она работает.

Рундельштотт недовольно скривился.

— В магии даже сами маги обычно не понимают, как заклятие работает. Тем более, не знают посторонние. Все видят только результат. А что еще народу надо?

Я промолчал, все верно, тем магия и нехороша, что каждый маг, как гребаный йог, вынужден учиться заново. Нет ступенек развития, по которым развивается наука.

Темная поверхность камня тянулась недолго, перешла в стену уже дикую, неотесанную, привычную для глубокого ущелья, по дну которого идет дорога.

Понсоменер подождал нас, лицо бесстрастное, но я уже разбираюсь в оттенках, рука инстинктивно изготовилась хватать и сжимать рукоять пистолета.

— Наверху, — сказал он.

Я зыркнул на верх стены ущелья, ничего не видно, но там груды камней, за которыми и прятаться удобно, и камнями оттуда сбрасывать легче легкого.

Рундельштотт указал пальцем на выступ в стене, Понсоменер взгляделся, кивнул, ответил что-то шепотом. Фицрой старательно прислушивался, но, судя по разочарованию на его лице, либо не расслышал, либо не понял услышанное, что еще обиднее.

Я остановил коня, слез и вытащил из мешка ящик со сложенной винтовкой.

— А-а, — сказал Фицрой, — понятно... Как в тот раз?

— Да все, как в тот раз, — ответил я, — женщины одинаковые, люди, поступки... Как только живем в таком мире?

Он наблюдал, как собираю винтовку, во взгляде готовность помочь, но и опасения глерда, дескать, нет ничего хуже, чем выказать неумение, потому наблюдал заинтересованно, а когда я передернул затвор, сказал торопливо:

— Можешь опереться о мою спину!

— Да ладно, — ответил я, — мой конь еще тот Фицрой, даже ухом не поведет, а ты весь вздрагиваешь. Интеллигент, наверное, тайный какой. Непротивленец...

— А тебе дам непротивленца. Я еще какой противленец!

Рундельштотт взглянул с одобрением на винтовку в моих руках.

— Догадался?

— Еще бы, — ответил я. — Вообще-то быстро учусь, мастер!.. Все знают, что это вы меня всему такому непристойному выучили. А я что, я не виноват, я просто зайчик, мягкий и пушистый. Сейчас вот смотрю со скорбью и печалью на тех нехороших людей... Вот в тот выступ надо?

Он кивнул.

— Да. Там целый пласт держится непонятно даже на чем.

— Поможем матушке-природе, — пообещал я. — Как ее дети. Именно тот выступ?

— Да, — ответил он с сомнением. — Хотя, конечно...

Я тщательно прицелился, хотя камень и не пытается сдвинуться, плавно нажал на спуск, в ответ получил в плечо совсем не плавно, несмотря на амортизацию.

Рундельштотт и Фицрой вздрогнули и даже присели. Выстрел прозвучал резко и громко. Глыба, которую я держал на прицеле, исчезла в облаке мелких осколков и каменной пыли.

Я ждал, когда все рассеется, но Рундельштотт неожиданно вскрикнул:

— Отступаем... Отступаем!

Когда слышишь в голосе такое, не переспрашивают, я ухватил коня под уздцы и бегом повел за Рундельштоттом и Понсоменером, только Фицрой мужественно прикрывал меня сзади.

За спиной глухо и мощно треснуло, словно молния ударила в землю совсем близко. Рундельштотт остановил коня, повернулся. Лицо стало бедным, глаза расширились.

Тяжелый грохот странно растянулся, вместо быстрого оглушительного треска пошли протяжные бухающие звуки, в каменной стене ущелья возникла и побежала вниз трещина, странно медленно, будто в нерешительности выбирая дорогу.

Под ногами земля не затряслась, а тоже медленно приподнялась, опустилась, снова пошла вверх, а там в стене быстро и страшно возникли еще две трещины.

Вся стена начала наклоняться в сторону ущелья. Рундельштотт крикнул:

— Все назад!.. Еще дальше!

Фицрой сказал с вытаращенными глазами:

— Ну и камешек... Он что, всю гору поддерживал?

— Похоже, — пробормотал я. — Вот бы так научиться замечать слабые места...

— У людей? — спросил он.

Каменная стена рухнула в ущелье, но там дальше осталась другая, свежая, блестящая молодыми сколами, а эта, рассыпаясь на лету, падала и падала на дно ущелья огромными гранитными глыбами.

Рундельштотт пробормотал:

— Сколько там было гуцаров?..

— Много, — ответил Понсоменер. — Но это был их выбор.

— Да, — сказал Рундельштотт, — однако они защищали свою землю.

— А мы свои жизни, — напомнил я. — Все, хватит!.. Как говорит наш мудрый философ Фицрой, есть наши люди, а есть не наши. Дальше, думаю, объяснять не надо. Пока мы на этой земле, то и живем по ее законам... Думаю, сможем пробраться под противоположной стеной. Туда камни не докатились... вроде бы.

Понсоменер обронил:

— Там наверху тоже были с камнями в руках.

— А теперь? — спросил я.

— Убежали.

Фицрой сказал быстро:

— Но арбалет не убирай.

— Зачем? — спросил я.

— Нравишься ты с ним, — пояснил он. — Такой смешной.

Глава 2

На последнем этапе я часто пропускал отряд вперед, а сам оставался и отстреливался иногда с вершин холмов, иногда прямо на скаку из двух пистолетов.

Наконец вершины гор остались за спиной, воздух становился теплее, голые камни уступили место сочной зелени. Кустарники все пышнее, а жесткая трава постепенно перешла в сочную, которую кони на ходу срывают и меланхолично жуют.

Пару раз Понсоменер предупреждал о патрулях гуцаров, но те двигаются только по дорогам, а мы все чаще срезаем углы, высмотрев сверху, как ехать прямее.

Одно время рядом с нами несли бурный поток, заглушая стук копыт, но и не позволяя слышать, что вокруг, и я

вздохнул с облегчением, когда он свернул в сторону, явно обидевшись, что с ним не общаются.

Плоскогорье Темные Камни перешло в долину с тем же названием, настолько широкую, что на ней можно разместить все королевство, и половина останется незанятой, но при всей ее роскоши с зеленой травой и покрытыми лесом холмами она остается незаселенной, только стада оленей и кабанов, да еще изредка попадают лоси.

Понсоменер сказал с заметным облечением:

— Все! Земля гуцаров за спиной.

Рундельштотт пробормотал:

— А вон там на вершине горы не они?

— Они, — ответил Понсоменер, не оборачиваясь. — Им оттуда видно все вокруг на многие мили. Ради нас спуститься не станут. Если не ошибаюсь, вон там за рекой начинаются... да, там какие-то укрепления.

Я выдохнул с облегчением:

— Защитная линия!.. Армия Антриаса пойдет по этой дороге, а здесь его и встретят.

— Уверен? — спросил Фицрой с сомнением. — Кто же лезет вот так прямо на копья?

— Тот, — ответил я, — кто доселе еще не терпел поражений и потому потерял голову от самоуверенности. Армия уламов, это верно, самая сильная в этом регионе. Я имею в виду, среди этих королевств. Так что да, король Антриас убежден, что сломит всех на своем пути. Но, надеюсь, сперва сломит себе шею.

Еще через несколько минут Понсоменер указал на вершину пологого холма, там на гарцующих конях показались с полдюжины всадников под флагом Дронтарии.

Хорошее место, решил я, для кругового обзора. Все верно, завидев нас, навстречу ринулись двое в легкой кожаной броне и на поджарых тонконогих конях.

Один крикнул еще издали:

— Стоять!.. Дорога закрыта!

Я жестом велел своим остановиться, поинтересовался вежливо:

— Что-то случилось?

— Ремонт, — рыкнул он. — Большой ремонт. Сворачивайте, там через десяток миль будет еще одна дорога.

— Будет, — уточнил я, — или уже есть?

Всадник сказал зло:

— Там через несколько миль другая дорога. Так устраивает?

— Да, — ответил я. — Люблю грамотную речь без лишних слов-сорняков. Как я понял, Эверхартер велел? Разумно. Ладно, мы поедем прямо, потому что в курсе, как здесь и зачем.

Фицрой начал сопеть, нагнетая злость, а всадник ментально выхватил меч, вскинул над головой.

Всадники, наблюдавшие за нами с холма, пришпорили коней, те охотно с грохотом копыт ринулись в нашу сторону.

— Всем тихо, — велел я своим. — Фицрой, убери меч. Разберемся.

Нас окружил отряд в два десятка человек, полевые разведчики, легкие и быстрые, кони все без подков, что дает бонус в скорости, всадники с хищными лицами, привыкшие к стремительным схваткам и мгновенному отступлению.

Старший сказал резко:

— Вы под арестом!

— Это ты будешь под арестом, — отрезал я. — Слушай, что тебе говорят, остолоп. Я, глерд Юджин, друг короля Астрингера и приятель командующего армией Стивера Эверхартера. Полагаю, он лично следит за строительством укреплений, не так? Так что либо даете нам свободный проход, либо со всеми знаками внимания и великим почтением провожаете прямым путем к Эверхартеру!

Старший, судя по виду, заколебался, больно я уверен, хотя одет под простолюдина, как и остальные трое, переглянулся еще с двумя младшими командирами.

— Хорошо, — буркнул он. — Вас четверых проводят к командующему. Но если не признает вас, сам повешу на ближайшем дереве!

— А если признает, — отрезал я, посмотрел на него, перевел дыхание и закончил уже мирно: — То... скажу пока за него, что он должен бы сказать лично, но ввиду занятости вряд ли скажет. Вообще-то хорошо охраняете государственную границу, командир. И государственную военную тайну. Никто из посторонних не должен знать, какие укрепления здесь готовы, какие еще будут и какие отряды занимают позиции.

Я повернул коня, Фицрой, Рундельштотт и Понсоменер двинулись следом тесной кучкой. Так ехали с четверть часа, пока за поворотом леса не замаячили с полдюжины шатров, умело упрятанных за стеной высоких деревьев с пирамидальными вершинками.

За это время командир отряда разведчиков то ли добрел, то ли проникся моей похвалой, но охрану постепенно вернул на свои позиции, а провожал лично и в одиночку.

Едва Эверхартеру доложили о нас, он вышел из шатра молодцеватый, бодрый, воскликнул звучным голосом:

— Глерд Юджин!.. Для нас великая честь!.. Заходите, буду рад угостить вином.

Несколько высокопоставленных военачальников остановились, рассматривая нас пристально, кто с интересом, кто враждебно, а у кого, как заметно сразу, что-то на уме гораздо более серьезное.

Я выставил перед собой ладони.

— Спасибо, глерд. Мы торопимся. Нужно сообщить его величеству, что все идет по плану. Да, по плану, вы о нем знаете. И победа, естественно, будет за нами... если сами

не испортим. Хочу особо поблагодарить этого командира разведчиков, что бдительно охраняют район укреплений, а нас провели как можно быстрее к вам!

Эверхартер бросил благосклонный взгляд на смутившегося командира полевого отряда.

— Я сам подбираю людей. Это Зиргерд, сын моего старого друга... Молодец, Зиргерд. Благодарю, можете возвращаться.

Зиргерд козырнул и торопливо отбыл, бросил на меня взгляд, полный благодарности.

— Может, — сказал Эверхартер, — все-таки промочите горло?

Я покачал головой, а Фицрой сказал:

— Разве что в дорогу... У вас найдется лишний бурдючок?.. Так, не самый крупный, чтобы лошадь под ним не упала.

Эверхартер вышел меня проводить, выказывая уважение приближенному к его величеству человеку. Вместе дошли до границы лагеря, в полумиле от него продолжается дорога из Нижних Долин прямо на Шмитберг, столицу Дронтарии.

Я взгляделся, дальше широкую дорогу преграждает высокий вал с тысячами, если не десятками тысяч, вкопанных кольев, все направлены в сторону дороги. Кроме того, небольшие отряды копейщиков прохаживаются хозяйски поверх вала, переговариваются, выглядят беспечными, но в то же время не деревенскими растяпами, а людьми, давно привыкшими обращаться с оружием.

— Вторая линия? — поинтересовался я.

Он кивнул.

— Первую сделали нарочито слабой. Пусть ее возьмет, хоть и с трудом. Обязательно воодушевится, бросит усталых людей дальше, а здесь напорется на эту стену.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Но здесь пока мало-мало отрядов?

Он ухмыльнулся.

— Подходят и накапливаются во втором лагере, отсюда его не видно. Пусть отдыхают и набираются сил. Это еще не все, за копейщиками встанут лучники, как вы и советовали его величеству. Уламрийцы при штурме потеряют не меньше трети армии!

Я поинтересовался шепотом:

— А там... Перед рвом?

Он взглянул остро, ответил так же тихо, едва шевеля губами:

— Волчьи ямы. Глубокие, на дне каждой колья. Мы не знаем, сколько у Антриаса конницы, но самых отважных потеряет в первую же атаку.

Я вздохнул с облегчением.

— Прекрасно. Чувствую, враг дальше не пройдет. Сражайтесь мужественно, глерд!.. Сражайтесь так, словно вы одни защищаете королевство. Хотя на самом деле шепну секретный секрет, армия Антриаса доберется до вас уже растеряв половину состава.

Он сказал понимающе:

— Гуцары?

— И они тоже, — ответил я таинственно. — Мужайтесь, глерд Эверхартер. А я доложу его величеству, что вы прекрасно подготавливаетесь к обороне.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, глерд Юджин. Ваше мнение для меня очень важно. Я чувствую, битва будет тяжелой.

— Вы хорошо подготовились.

Он вздохнул.

— Как могу. И все лучшие силы здесь. Если Антриас сумеет проломить эту оборону, то все, это разгром. В глубинах королевства отпора не дадут. Вся армия здесь, там

только дружины вельможных глердов. А они, сами знаете, умеют ходить только под рукой своего вождя клана. И сражаться будут не за Дронтарию, а каждый только за свой замок.

Глава 3

До Шмитберга, столицы, добирались без приключений, там проехали через город прямо к ограде королевского дворца. Стражи, хоть и новые, все же признали меня, пусть и не сразу, кто-то из знающих гвардейцев подсказал, моментально распахнули ворота.

Вчетвером проехали во двор, там появился кто-то из распоряжающихся, поклонился мне и напросился устроить нам места, где можем остановиться.

— Мы не надолго, — заверил я. — Но поесть и отдохнуть — это да, хорошо. Пошлите кого-нибудь к его величеству. Я вернулся и готов сообщить хорошие новости.

Он поклонился и сказал с чувством:

— Все обожают хорошие новости. Его величеству сообщат немедленно.

Королевский дворец с садом на той стороне площади, а на этой небольшой постоялый двор с большим и роскошным трактиром. Фицрой заметил его еще в прошлый раз, а сейчас мы оставили там коней слугам, велел обтереть хорошо, поводить по кругу, а поить потом, сами же выбрали чистый стол и потребовали хорошей еды и вина.

Двое чистых и опрятных слуг принесли жареное мясо сразу же, как и вино. Фицрой гордо похваливал, словно это его личная таверна, я пробормотал:

— Опрятно, опрятно... И чистенько. Образцово-показательное заведение. Ударники труда.

— А блюда? — спросил Фицрой задиристо.

— Герцогам можно подавать на стол, — согласился я. — Ты что, уже вошел в долю?

— Похоже? — спросил он весело. — Нет, это тебя шевелю. Какой-то ты весь мрачный. Мы уже в Дронтарии, не заметил? А вон королевский дворец! Правда ничего так?

Я ел достаточно равнодушно, хотя и проголодался, но когда душа уже прямо сейчас шныряет по бухте, рассматривая и ощупывая корабли, то весь остальной мир не такой уж и реальный.

Все четверо допивали вино, когда в дверном проеме появился шеголеватый офицер в форме королевской гвардии, постоял на пороге, всматриваясь в полутьму зала таверны.

Фицрой заметил его еще раньше Понсоменера, толкнул меня локтем.

— Хватит переводить вино! Это наверняка по твою душу?

— А почему не по твою?.. С вызовом на дуэль за проигрыш в кости?

— Меня чаще ищут женщины, — похвалился он. — Видишь, какой я нарядный?

Я обернулся, помахал королевскому гвардейцу рукой.

— Пэлс! Меня ищете?

Пэлс Гледжер, младший командир охраны, кивнул и быстро прошел в нашу сторону, ловко лавируя между столами и пирующими.

— Глерд Юджин, — сказал он официальным тоном. — Как вижу, вы уже закончили и с вином?

— С вином закончить невозможно, — сообщил я, — можно только ненадолго прерваться.

— Готовы прерваться?

— Если для аудиенции у короля...

Он поклонился.

— Вы дивно проникательны. Его величество король Дронтарии Астрингер готов принять вас, высокий глерд.

За соседними столами умолкли и, сняв шапки, смотрели на меня с почтением.

— Ведите, — ответил я кратко.

Он развернулся к двери, Фицрой пожелал мне в спину удачи, Рундельштотт и Понсоменер промолчали.

Королевский сад и дворец в глубине, что всего лишь на той стороне площади, мы пересекли быстро и молча. Пэлс поглядывал на меня по дороге, но вступить в разговор не решался, страшась уронить себя неуместными расспросами, больше привычными для простолюдина, а не знатного глерда.

Я сказал с одобрением:

— Во дворце хорошо поставлена служба.

— Глерд?

— Встречать послали единственного человека, — сказал я, — кто со мной общался на воротах в первый раз. Другой бы искал долго. А вы сразу знаете, куда направить стопы в таких дорогах сапогах!

Он сдержанно улыбнулся.

— Это лучшая таверна в городе. К тому же ближайшая к дворцу. Вы не могли предпочесть хуже.

— Не знал...

— Ваш друг знает все в городе.

Ворота перед нами распахнули, как понимаю, для меня, их командир прошел бы и через дверцу. Дальше Гледжер повел по королевскому саду, а у входа в здание передал дежурящим гвардейцам, но и сам отправился следом за ними.

У Астрингера в самом деле служба поставлена лучше, чем в Нижних Долинах. Не знаю, то ли составлены списки особо важных гостей, то ли велено слугам меня запомнить и обслуживать с особой почтительностью, но провели ментально сразу через все кордоны, остановились только наверху у дверей королевского кабинета.

— Минутку, — сказал Гледжер, — доложу.

— Подожду, — ответил я безмятежно. — Здесь уютно.

Он исчез за дверью, что еще не кабинет, а приемная королевского секретаря Курта. Не прошло и пяти минут, как вышел уже с Куртом, тот окинул меня острым взглядом.

— Глерд Юджин? — спросил он деловым голосом и не кланяясь, словно мы сегодня виделись уже раз десять. — Его величество велело, как только появитесь, проводить к нему.

— Спасибо, — ответил я. — Не то чтобы вы мне как-то не нравились, но его величество — это его величество...

Гледжер остался в коридоре, а Курт провел меня через просторную приемную с десятком кресел под двумя стенами, где расположилось с полдюжины глердов самого благородного и внушающего облика в дорогих одеждах и с золотыми цепями на груди.

Распахнув дверь кабинета, Курт сказал с поклоном:

— Глерд Юджин...

Я переступил порог, с середины комнаты ко мне двинулся Астрингер, огромный и с раскинутыми руками великана, сжал за плечи и всмотрелся смеющимися глазами.

— Глерд, — громыхнул он, — вы мне приносили только счастливые вести... Как на этот раз?

— Увы, — сказал я, — не могу порадовать разнообразием, ваше величество. Ваш командующий армией Эверхартер заканчивает сооружение грандиозной линии обороны, о которую Антриас обломает зубы... а вторая новость: ее величество королева Нижних Долин подтверждает, что едва армия уламов с боями пройдет земли гуцаров и ударится о линию обороны Эверхартера, ее войска тут же нанесут противнику удар в спину.

Он вздохнул с облегчением и вытер рукавом камзола вспотевший лоб.

— Фу-у... Против такого однообразия ничего не имею против. Прощу к столу, Юджин. Бумаги подвинем, сейчас прикажу накрыть.

Я запротестовал:

— Только что из таверны «Золотой лось»! Ваше величество!.. Сыт. Хотя от чаши с вином не откажусь. Но так, не слишком большой. Для дипломатического протокола.

Он усадил меня за стол, вдохнул.

— Закрыть ту таверну, что ли?.. Ишь, гостей перехватывают. Подумать только, у самого короля!.. Наглецы. И каковы планы дальше?

— Закончить начатое, — сказал я твердо, — война войной, но работать надо.

По взмаху его руки на стол опустили две золотые чаши с рубинами по ободку. Слуга было остался с серебряным кувшином в руке, но король жестом велел оставить на столе и убраться в коридор.

Когда за ним закрылась дверь, он спросил негромко:

— Зная вас, предположу, что... в ваше отсутствие работа не останавливалась?

— Надеюсь, — признался я.

— Не наломают дров?

— Скоро будут хорошие новости, — заверил я, — ваше величество!.. Я не слишком затруднил вас прошлой просьбой о парусине?

Он переспросил озадаченно:

— Парусине?.. Ах да, вы заказывали толстое и грубое полотно, а также веревки из конопли... гм... такие толстые, что даже и не знаю, но я велел все исполнить в точности.

— Спасибо, ваше величество!

— Ткань, — сообщил он, — которую вы странно называете парусиной, усиленно производят по моему повелению сразу в трех мастерских.

— Трех? — переспросил я. — Хотя бы в тридцати... Ну да ладно, на первое плавание хватит. А они пусть продолжают делать в запас.

Он вздохнул.

— Ох, что-то тревожно мне, дорогой друг... И эта война некстати, и такое рискованное строительство кораблей... Да-да, Вэнсэн докладывает тайными гонцами, иначе что я был бы за король...

— Никто больше не узнает?

— Он пересылает запечатанные свитки, — заверил он. — И не прямо из вашей бухты, а передает курьеру, который понятия не имеет ни о бухте, ни о кораблях.

— Разумно, — сказал я. — Ваше величество понимает, насколько необходимы такие предосторожности.

— Увы, дорогой друг, приходится знать. Вы не против, что я вас называю другом?

— Ваше величество!

— Ладно-ладно, это я так.

— Ваше величество, — заверил я. — Прямо по прибытии мы отправимся на поиск неведомых никому островов в океане!.. И уже оттуда грозить мы будем шведам. Это такое морское ругательство. Как только отыщем, тут же начнем перетаскивать, как муравьи, всю нашу верфь. Что не перетащим, уничтожим! Чтоб и тени не пало на ваше величество! Умоляю, потерпите еще чуть-чуть.

Он вздохнул еще тяжелее.

— Глерд, мне и легче, когда переберетесь на острова, но и тревожнее почему-то.

— Сейчас главное, — сказал я настойчиво, — уберечь бухту в тайне! Даже своих туда не пускать. Вы же знаете, свои не всегда свои.

Он покачал головой.

— Горькая истина.

— Вот еще, — сказал я с неохотой, — к сожалению, даже после того, как построим целый флот, нельзя выпускать пленных... Как-то об этом не подумал сразу! Но не убивать же...

Он смотрел с сочувствием.

— И что придумали?

— Еще ничего, — признался я. — Голова такая тупая... Разве что всех перевезти на новооткрытый остров? Сперва открыть подходящий, а потом перевести?.. Мне же все равно нужна база не только прятаться, но и ремонтировать корабли, а в идеале — строить еще... Так что лагерь просуществует немножко дольше, ваше величество... Спасибо за вино, ваше величество!

Он кивнул.

— Отдыхайте. Новости, как всегда, самые лучшие. И, уверен, почти нигде особенно не приврали.

Я посмотрел с укором, а он улыбнулся, дескать, короли тоже шутят и не совсем не обязательно при этом рубят головы.

Глава 4

Понсоменера я не застал, наверняка либо с лошадьми, либо осматривается в городе, а Фицрой встретил меня у входа в таверну, веселый, хмельной и уже разодетый ярче, чем самые хвастливые придворные.

Я посмотрел с укором, он сказал независимо:

— Ты чего? Мы же у своих. Что, не свои?

— У тебя везде свои, — сказал я с укором. — Космополит безродный, как Диоген какой... А как же патриотизм, патриот о муэртэ, лучше умереть стоя, чем жить на коленях?.. Хотя это не из этой оперы, но все равно тебе должно быть стыдно... Тебе стыдно?

Он посмотрел на меня абсолютно бесстыжими глазами.

— Ага, еще как!.. Вот прямо даже не знаю как. Видишь, уже вместо глаз ямки?.. Все повыедено! И совесть мучает прям не знаю как.

— Где Понсоменер? — спросил я.

— С Рундельштотом, — ответил он словоохотливо. — Обустраивает мастера, тот все-таки в дороге поиздержался здоровьем. А как ты?

— Насчет поиздержался? — переспросил я.

— Ну да, — подтвердил он. — Какой-то весь озабоченный. Вина дать?

— Заботливый ты, — сказал я. — И прекрасный лекарь. У тебя от всех хворей одно лекарство. Верно? Чаша вина — и все!

Он сказал обидчиво:

— Почему это одно? Если хворь цепкая, то две чаши. А лучше три. Но ты в самом деле нахмуренный. Привести девок?.. Или тебе надо обязательно фрейлин?

Я отмахнулся.

— На моих плечах другая тяжесть, птичка ты моя беззаботно-фрейлинная. Утром выступаем. На рассвете... Ты когда-нибудь выступал на рассвете? Или всегда храпишь до полудня?

Он вытаращил глаза в великом возмущении.

— До полудня?.. С ума сошел! Как можно просыпаться так рано?

— Как наша поклажа? — поинтересовался я. — Не растащат?

Он хохотнул.

— Твои мешки считаются хозяйством мудрого лекаря Рундельштотта, потому никто не удивился, что они под постоянной охраной личной гвардии его величества.

— Ого!.. Спасибо!

— Не за что, — ответил он беспечно. — Это не я, Пэлс Гледжер прислал двух гвардейцев.

— Молодец Пэлс, — сказал я. — Блюдет интересы короля. Люблю работников, которым не нужно постоянно подсказывать, что делать.

Он пожал плечами.

— Все во дворце знают, короля удалось излечить именно ученику Рундельштотта бесценными настойками и отварами его мудрейшего учителя.

— Так уж и все?

— Думаю, все, — уточнил он злорадно. — Здесь с Рундельштоттом носятся больше, чем с тобой, его мелким ученичком. А он все не поймет, почему кланяются и стараются познакомиться!

— Пусть, — сказал я. — Мастер знает очень много, но его знания стохастичны.

— А ты знаешь мало? — спросил он с насмешкой.

Против его ожидания я ответил смиренно:

— Мало. Да и то не моя в том заслуга. Ладно, веселись, но надолго не исчезай. Утром выступаем, помни!

— А ты куда?

— Я весь в делах, — сообщил я. — Как бобер какой. Самый старательный.

Остаток для я в самом деле потратил на беготню по цехам столичных ремесленников, встретился с главами гильдий плотников, каменщиков, оружейников и, что важнее, переговорил с ткачами, разместив громадный заказ на плотное полотно из конопли.

Платил я щедро, благо не из своего кармана, перенаправляю счета в казну. И делаю это без всякого зазрения совести, король сам сказал, что обязан мне жизнью, и потому все, что потребую... вот и требую, и совесть не грызет, я ж не для себя, а для счастья всего человечества, будь оно неладно, тупое такое и косное...

Ночь можно было провести, как и Фицрой, но потеряется мой ореол таинственности и загадочности. Женщины сразу теряют уважение к мужчине, как только он снимает штаны. Не понимают, дуры, что хоть в штанах, хоть без штанов — я все тот же грозный и ужасный, потому лучше не буду переть против их накаркального мышления.

Мы заняли пару комнат в гостинице, Фицрой разместился с Понсоменером, это значит, что Понсоменер его там даже и не видел, а мы с Рундельштоттом, как два то ли колдуна, то ли врачавателя, устроились на довольно приличных кроватях и оба почти сразу провалились в сон, так, говорят, засыпают люди с чистой совестью...

Я часто летаю во сне, всегда это восхитительно, хотя теперь уже не пикирую на любую женщину, лишь бы она с вот такими, иначе не успею, теперь выбираю придирчиво, приземляюсь и успеваю сказать пару слов, прежде чем начинаю процесс, но сегодня что-то грозное и опасное подрезало мне крылья, я пытался взлететь с опасной земли, но рухнул на выжженную почву, в страхе дернулся и проснулся.

В полной темноте проступили две голубые тени, передвигаются одна за другой медленно, осторожно, словно плывут в тумане. Сердце начало стучать чаще, холодок пробежал по хребту и просочился во внутренности.

Холодные рукояти пистолетов раздвинули мои стиснутые кулаки раньше, чем, как мне показалось, я возжелал их ощутить в своих ладонях.

Осторожно повернувшись на бок, я слез и встал в сторонке от постели. Дверь с силой распахнулась, в проеме на миг появилась рослая фигура. В следующее мгновение человек оказался у моего ложа и с силой вонзил кинжал в скомканное одеяло, а потом еще и еще.

Второй вбежал вслед за первым. Я выстрелил сперва в него, затем в моментально развернувшегося от кровати в мою сторону первого. Оба зашатались под ударами пуль, один умер сразу, а второй, которому три пули пробили грудь и живот, оперся на стену и, держа мое лицо ненавидящим взглядом, попытался двинуться на меня с ножом в руке.

Я стиснул челюсти и всадил в него еще четыре пули, кто знает их живучесть, есть же всякие с амулетами. Его

отшвырнуло к стене, распластало на ней, кровь плеснула из всех ран тугими струями, как из туго наполненного винного бурдюка.

Ноги подогнулись, начал медленно сползать по стене на пол, однако нож из руки не выпустил и взгляд не опустил.

Вспыхнул огонь, это Рундельштотт трясущимися руками зажигает свечи у своей кровати.

— Кто ты? — спросил я требовательно.

Раненый искривил губы в злой гримасе, ненависть в его глазах плескалась все с той же яростью.

— О тебе уже знают...

— Я красавец, — согласился я. — И живая легенда.

— И за тобой идут, — шепнул он.

— Скоро?

— Узнаешь, — дошептал он. — И возмездие...

В коридоре прогрехотали шаги, Фицрой ворвался в комнату с обнаженным мечом в руке, огляделся быстро и стремительно дикими глазами.

— Еще есть?

— Близо нет, — ответил я. — Я думал, ты, как всегда, с бабами.

— Когда твой друг в беде, — сказал он трубным голосом, — с другого конца света прибежишь. Их было только двое?

— Из восемнадцати ребят, — подтвердил я. — Посмотри, что у них там за амулеты. Второй оказался таким живучим, даже непонятно...

Фицрой наклонился, но не сорвал добычу с груди убитых, а снял аккуратно через головы, бережливый, цепочки сохранил, некоторое время рассматривал на ладони задумчиво и внимательно.

— Станный рисунок...

Рундельштотт хмыкнул и пошел вдоль стен, поочередно зажигая свечи.

— Да, — согласился я, — странный. Но если их вот так...

Он с непониманием смотрел, как я прямо на его ладони повернул оба амулета и придвинул один к другому. Края вспыхнули белым огнем, Фицрой вскрикнул от боли, но удержал на ладони.

Амулеты моментально спаялись в одно целое, а странный рисунок перестал быть таким уж странным: оборванные линии продолжились на другом, но дальше тоже оборвались.

Фицрой сказал изумленно:

— Это же карта!

— Тебе виднее, — согласился я. — Искатель ты мой тутанхаймов... Осталось еще несколько человек убить, чтобы составить карту полностью. Или сотню, если карта большая.

— И убью, — ответил Фицрой с готовностью. — Ради карты, а так я вообще-то и комара не трону.

— Только сперва отыщи, — сказал я злорадно. — Не будешь же убивать всех подряд? Хотя кто тебя знает.

Он подумал, пробормотал:

— А вдруг сами придут? Как и эти?.. Как-то все здесь непросто... Не верю в простых грабителей... Посмотри на их руки. Жилы, мышцы... Точно несколько лет с мечом и копьем упражнялись.

— Да мы управлялись и с такими, — ответил я как можно более ровным и спокойным голосом, но Фицрой посмотрел на меня очень внимательно. — Управимся.

— Управимся, — согласился он. — Но ты не напрягайся так... У тебя самого жилы вот-вот порвутся! Что-то не так?

— Да все так, — сказал я как можно равнодушнее, — просто отвлекают, сволочи. Нужно еще и на них оглядываться, что обидно.

Он кивнул.

— Да, конечно... Но все равно не бери близко так. Где Понсоменер?

Вместо меня ответил скрипучим голосом Рундельштотт:

— Наверняка уже готовит коней. Уже вон рассвет, не видите? Кроме троих запасных, надо еще и под новый груз. Обрастаем добром! Хотя это и не совсем добро, но все-таки добро.

— В наших руках все добро, — заверил Фицрой твердо. — Мы же сами добро с головы до ног! Хоть и недоброе. Местами. А кое-где так и вообще...

Он не договорил, какие это мы кое-где, Рундельштотт закончил обходить комнату, свечи горят все, светло, как днем, критически оглядел оба трупа.

— Что-то я начал привыкать к такому... Хотя под ними точно не вино разлито.

— Вина столько не разлить, — согласился Фицрой. — Я сам такого прибью раньше, чтоб не разливал. Этих ребят не знаете?

Рундельштотт обошел по кругу, стараясь не вступать во все растекающуюся красную лужу.

— Это не по моей части. Сами управляйтесь. Юджин... что-то тревожит?

Я пробормотал:

— Да так... Эти двое сумели пройти так, что стража не учуяла. И, думаю, не учуяли и все прочие.

Рундельштотт в изумлении вскинул брови.

— И что? Есть такие заклятия. Дорогие и ненадолго, но есть.

— Значит, — сказал я, — заказ хорошо оплачен.

— А как насчет вот этой штуки? — спросил Фицрой и протянул на ладони уже сросшиеся воедино половинки амулета. — Этот не?

Рундельштотт бросил беглый взгляд.

— Этот не. Но кое-какие свойства в такие вложить можно. Немного и слабые, но все-таки... К примеру, у группы с такими амулетами можно делиться жизненны-

ми силами. Тот второй держался так долго, что первый ему сразу отдал все.

— А дорогой он теперь? — спросил Фицрой и подбросил амулет на ладони.

— Чары всегда стоят дорого, — ответил Рундельштотт сухо. — И даже очень дорого! Потому Юджин в некоторой степени прав, простому народу лучше о них забыть и надеяться только на свой труд и свои руки.

— А пользоваться магией только королям? — спросил Фицрой язвительно.

Рундельштотт покачал головой.

— Только самим магам.

— Ого!

— И тайно, — уточнил Рундельштотт. — Отвечаю на вопрос, который сейчас задашь: втайне потому, что магам вовсе не нужна ни слава, ни почести, ни золото, ни титулы. Все, что нам интересно, — это сама магия и тот путь, по которому можно пойти с нею. Это недоступно?

— Почему? — изумился Фицрой. — Это те же приключения...

— Что?

— Только не выходя из комнаты, — добавил Фицрой. — Давайте убираться отсюда. Пусть хозяин вызовет городскую стражу, выясняют, что и как, хотя понятно, ничего не узнают, а нам пора к морю! Хотя вот Юджин против, он во дворце ночевал...

— Я те дам против, — огрызнулся я. — Понсоменер наверняка ждет во дворе уже с оседланными конями! Все, уходим.

Они заторопились на выход. Я на пороге оглянулся на тела в лужах крови. Не стоит показывать перед компаньонами беспокойство, хотя какое там беспокойство, страх ползает по спине, как стая холодных ящериц с липкими гекконьими лапами.

Это двое сумели пройти мимо поставленной Пэлсом Гледжером королевской стражи, я сам видел двоих у входа в таверну, а еще наверняка кто-то дежурит внутри. А если так, то кто-то сможет повторить все, только уже с учетом этой проваленной попытки.

Во дворе шум и гам, прибыла целая группа знатных глердов, хамят челяди, требуют самых лучших комнат, а также вина и женщин. Хозяин носится между ними, счастливый и озабоченный, уже забыл про отъезжающих, мы заплатили сполна, а это же прибыли новые деньги.

Я цепко взял его за рукав и оттащил в сторону. Он оглянулся встревоженно на новых гостей.

— В моей комнате два трупа, — сказал я тихо, он сразу посерьезнел, я уточнил: — Двое, вооруженные ножами, пробрались и пытались убить вашего постояльца! Недоработка, плохо охраняете. Так что потихоньку избавьтесь от тел, пока новые жильцы не увидели и не бросились искать другую гостиницу.

Он вскрикнул шепотом:

— Да как же... Это же впервые такое! Чтоб прямо перед дворцом его величества короля...

Я отмахнулся.

— Действуйте.

Понсоменер вывел под уздцы двух коней из конюшни. За ним вышли трое офицеров гвардии в дорожных плащах, под которыми блестит золото мундиров. За гвардейцами тоже бредут сонные лошади в поводу, а на улице, как я заметил, в нетерпении гарцуют в седлах орлы из личной охраны его величества Астрингера.

Двое офицеров поднялись на коней, а один, старший по чину, судя по золотому шитью, передал повод Понсоменеру и подбежал ко мне, молодой, брызжащий энтузиазмом и готовностью ломать и еще раз ломать, чтобы что-нибудь потом снова строить, но уже, конечно, не ему, а кому-нибудь попроще и не такому знатному и нарядному.

— Глерд Юджин, — сказал он звонким голосом, — к вашим услугам Курцер Марфли!.. Младший командир королевской гвардии!

— Слушаю, — ответил я сдержанно. — И не кричите так, всех воробьев уже распугали.

Он покраснел, сказал торопливо:

— Нам велено сопровождать вас в пути!

— Сопровождать? — переспросил я в сомнении. — Как долго?

— До конца, — сообщил он. — А потом поступить под руку Вэнсэна Ваддингтона, как только встретимся. Мы не знаем, где он, но, нам сказали, вам это ведомо и известно. Ибо!

— Ведомо, — согласился я. — Такая охрана... ладно, это хорошо. Глерд Ваддингтон вас знает?

Он ответил счастливым голосом:

— Я и раньше служил под его началом!

Я оглядел его внимательно.

— А почему отправляют именно вас? Как-то трудно представить такого щеголя вне стен королевского дворца. Фицрой, видишь? Теперь вас двое. В смысле, нарядных.

Фицрой угрюмо промолчал в ответ на такой недостойный глерда выпад, а Марфли ответил с неловкостью:

— У меня небольшие затруднения в столице.

— Небольшие? — уточнил я.

— Совсем мелкие, — заверил он. — За последнюю неделю три дуэли с сынками неких вельмож... С неприятным для них исходом. И хотя все по правилам чести, есть свидетели с обеих сторон, но друзья моих родителей сообщили, что мне в столице да еще при дворе оставаться нежелательно. И добились этого назначения.

— Я дуэлянтов тоже не жалую, — предупредил я.

— Глерд, — воскликнул он воспламененно, — но ходят слухи...

— Война, — подчеркнул я, — это не элегантные дуэли. Там не раскланиваются.

Фицрой пробормотал достаточно громко:

— Но убивают точно так же. Наш командир это делает чаще, чем ужинает.

Рундельштотт пробормотал в сторонке:

— А ужинает он, бывает, по три раза в день. А то и по пять.

Я проигнорировал неприличный выпад, вроде бы защищают этого бретера, оглядел Марфли с головы до ног.

— Хорошо, глерд. Езжайте с нами. Возможно, ваш бывший начальник в самом деле будет рад вас увидеть. И не убьет сразу.

Он молча наклонил голову, уже ощутил, что я против какого-либо сближения, хотя и общаюсь с двумя простолюдинами в моей команде как с хорошими друзьями и соратниками, что странно, хотя и объяснимо: в походе различия менее заметны.

— Благодарю вас, глерд! — заявил он твердо. — Все ваши распоряжения будут исполняться в точности!

— Ну-ну, — буркнул я. — И за такую уступку спасибо. Видимо, тут распоряжения старших когда хотят — исполняют, когда не хотят — игнорируют...

Он кивнул двум командирам помладше, втроем выехали на улицу и там ждали, пока мы вчетвером погрузимся и выедем за ворота.

Глава 5

Он в самом деле в приятели не набивался, всю дорогу оставался со своим отрядом позади, только небольшие разъезды отправлял рыскать справа и слева, проверяя близко расположенные рощи и овраги, где могла бы затаиться засада.

За время пути яркие камзолы покрылись серой пылью, на полях шляп целые залежи, только мы четверо как были в плащах цвета дорожной пыли, так и остались такими же.

В предпоследний день он догнал нас, поднял руку. Я медленно повернул к нему голову, нужно держаться солидно и с достоинством, эти столичные щеголи понимают только такое поведение, а если позволить сблизиться, тут же садятся на шею.

— Глерд?

— Глерд Юджин, — сказал он быстро, — впереди дорога раздваивается. Выбираем ту, что на Медвежий Клык?

Я покачал головой.

— Нам хлеба не надо, работу давай... Потому сразу в бухту, если уже слышали о ней. Нет? Вот и прекрасно. Езжайте следом, дорогу укажем.

Он пробормотал озадаченно:

— Бухта?.. Зачем бухта?

— Вы человек военный? — спросил я с подозрением. — Или чей-то сынок при дворе?

Он сказал обидчиво:

— Семь поколений моих предков служили только в армии!

— Тогда какие вопросы старшему по званию? — сказал я резко. — Выполняйте, глерд.

Он козырнул, повернул коня и умчался. Похоже, я выбрал правильный тон.

Через несколько часов пути впереди проступил из жаркого марева и начал приобретать четкие очертания высокий и плотный вал из деревьев.

Я вздохнул с облегчением, вдали от этих мест почти забываю, насколько прекрасно деревья закрывают со всех сторон бухту. Хотя королевские дороги проходят на три десятка миль севернее, все равно добавочная защита от любопытных глаз не мешает.

Фицрой пустил коня рядом, покрутил головой.

— Как же здороворосло здесь все!.. Вокруг почти пустыня с выгоревшей травой, а тут такое.

Рундельштотт подъехал, услышал, покачал головой.

— А то не знаешь, что в заливе пресная вода. Сюда впадают две речушки и с десятков ручьев. Потому и тесно на берегах от деревьев. Ну что, влоимся?

— Понсоменер уже там, — ответил я. — Даже не стал ждать таких задумчивых и рассуждающих черепах.

Конь мой с недоверием направился к стене из толстых стволов. Понсоменер действительно с ходу проскользнул сквозь охранную рошу, у него и конь какой-то не такой, везде пролезет, словно рыба кистеперая, а мой недовольтно фыркает, прядает ушами, тесно, мне то и дело приходится поднимать ноги на седло, и все равно конь задевает деревья обоими боками, но, к счастью, хорошо защищен плотной попоной.

Когда мы с моим тяжеловесом протиснулись на ту сторону, Понсоменер уже почти спустился к берегу. Среди свежестроенных домов, барачков и служебных помещений его начал окружать работающий народ, ухватили коня за повод и даже помогли Понсоменеру покинуть седло.

Но я смотрел не на дома, хотя их прибавилось за наше отсутствие. На середине ровной, как зеркало, бухты — две каравеллы! Одна замерла на якоре, другая медленно совершает осторожные маневры, обучаясь сама и обучая новопеченных матросов, половина которых еще наверняка не научились даже плавать.

Я пустил коня вниз к воде, на пути несколько новеньких барачков для жилья и вспомогательные строения, начиная от кухни и заканчивая кузницей, а также несколько добротных столярных мастерских, при отъезде их строить только начинали, так что все хорошо, разрастается и вширь.

Дальше у самой кромки воды шесть корабельных скелетов, у трех только стеновые жилы, у двух уже и ребра, а

на последнем заканчивают натягивать плотную кожу обшивки. Мачты гордо смотрят в небо, с двух сторон спешно укрепляют растяжками.

В заливе, защищенном не только от волн с моря, но и от ветра стеной деревьев, изумительно ровная гладь, как зеркало, отражается небо, а каравелла, что на якоре, словно стоит на таком же перевернутом красавце корабле.

Понсоменер уже передал кому-то коня, отвечает на вопросы, а ко мне ринулись как мои знакомые, так и отвечающие за бухту, верфь и за строительство кораблей: Ваддингтон, Дорриган, Негрон, Джонадер...

Ваддингтон поприветствовал воинским взмахом руки, выглядит счастливым, хотя чему радоваться, без меня был верховной властью, Роннер Дорриган поклонился степенно, сказал довольным рокошущим баском:

— Глерд Юджин... вроде и недолго вы отсутствовали, но мы заждались.

— Спасибо, — ответил я коротко. — Проблемы?

— Больших нет, — ответил он, сразу посерьезнев. — А малые решаем на месте. Главное, дело новое, все только по вашим чертежам... Многие не верят, что такое возможно.

Я кивнул в сторону середины залива.

— А такое не убеждает?

Он широко заулыбался.

— Все равно находятся всякие, хоть бей по головам... Говорят, это здесь, а в море сразу же опрокинутся. В общем, для всех это... что-то необычное. Потому да, понимаю, такое нужно охранять как зеницу ока. Два корабля готовы, даже команды обучена... почти. А третью готовим заранее. Чтоб, как только корабль спустим, сразу знали, как паруса ставить, как шкоты крепить.

— Все верно, — одобрил я. — Через час все главы гильдий ко мне на совет.

— Будет сделано, глерд Юджин!

— Можете называть меня адмиралом, — разрешил я. — Это такой титул... ну, не титул, а звание, но вы же и к званиям не приучены? Ничего, вся жизнь впереди, надейся и жди, только хвост позади. Сейчас свободны, а пока подумайте, как будете оправдываться и валить вину друг на друга.

Фицрой ухмыльнулся и показал им жестаами, что у меня такой странный юмор, на самом деле вряд ли кого-то сразу вот так повешу, разве что отрублю головы, это не так унизительно.

Марфли, передав коня своим гвардейцам, поспешил к Ваддингтону. Мне показалось, Ваддингтон не слишком счастлив видеть своего бывшего сослуживца, но особо не выказал неудовольствия, гостеприимным жестом указал в сторону воинской казармы и повел туда всех прибывших.

После обеда я вышел в соседнюю комнату, куда уже стянулись не только главы гильдий, но и бригадиры плотников, корабельщиков, оглядел всех строго, тут же разговоры затихли.

— Начинайте, — велел я, — по морскому обычаю, с самого младшего, чтобы на него не давили авторитеты. Что сделано, что не сделано, почему, кто виноват, кого повесить на шелковой веревке, а кого на простой...

Они молчали, здорово ошеломленные, переглядывались, наконец поднялся Дорриган, могучий и массивный, сказал властно:

— Моложе всех у нас Беттанер... так что давай, рассказывай хозяину, почему доски не доставил вовремя.

Я сел и внимательно слушал, Дорриган взял на себя и здесь роль управляющего, поднимает работников одного за другим и заставляет отчитываться. По его виду заметно, что собой доволен, работы идут даже с опережением, что значит все заинтересованы в результате. Как вольнонаемные, так и пленные с вражеских кораблей.

После совещания, когда все расходились, я кивнул Грегору, бывшему корабельному плотнику, бывшему пленному, а потом первому капитану когга, на котором совершили блистательный рейд к берегам Гарна.

Он послушно остановился, отвесил почтительнейший поклон.

— Глерд Юджин?.. Простите, командир?

— Останься, — велел я. — Фицрой, ты тоже, но посиди вон там. В кувшине вроде бы что-то осталось.

Фицрой недовольно проворчал что-то по моему адресу, но послушно отошел в дальний угол и опустился за стол, а Грегор поглядывал то на меня, то на выходящих из помещения, а когда за последним закрылась дверь, посмотрел на меня с тревогой в глазах.

— Что-то случилось, глерд Юджин?

— Случилось, — подтвердил я. — Ты плавал на когге и командовал им достойно. И вообще... я собрал о тебе характеристики с мест... ну, это так говорится, эти места у нас тут на месте, что так удобно.

— Да, командир? — проговорил он все еще встревоженно. — У нас тут все на виду.

— Сейчас ты снова бригадир плотников, — напомнил я, — но ты, как мне сказали, научился управлять и каравеллой не хуже, чем в прошлый раз коггом.

Он сказал с жаром:

— Это такое счастье, глерд Юджин!.. Простите, адмирал. Я полжизни провел на море, я его люблю и, когда только увидел ваш когг, вообще ошалел! А сейчас строим вообще немыслимые гиганты. Я сам не верил, что не утонут, но по бухте плаваем с легкостью!.. Я все сам проверил, а когда Дорриган велел мне учиться управлять... Говорит, это ваше указание?

— Мое, — подтвердил я. — Думаю, догадываешься, у меня кадровый голод. И капитаны нужны в первую очередь.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Адмирал!

— Флагманом буду командовать лично, — сообщил я. — Для второго корабля рассматриваю кандидатуры.

Он выпалил с жаром:

— Если доверите второй корабль мне, у вас не будет более преданного человека!.. Я и так предан, но когда под моим управлением такая громада разворачивается с легкостью, как молодая коза какая-то, я просто шалею от счастья.

Я кивнул.

— Да, назначаю тебя капитаном второй каравеллы. На этот раз за твоей спиной я не буду стоять, так что твоя ответственность выше.

— Но вы же возглавите?

— Мне придется, — объяснил я, — вести первый корабль, флагман.

— Да, адмирал...

— Скажу честно, — добавил я без охоты, — были бы у меня профессионалы, поручил бы им, но что делать... я тоже, кстати, не командовал эскадрой! Будем учиться на ходу. Все мои приказы — закон, понятно?

Он ответил серьезно:

— Это было понятно еще в тот первый рейд на когге. И если кто действовал иначе, тот погибал. Потому у вас не только я, но вся команда будет слушаться беспрекословно.

— Тогда, — сказал я, — осталось главное...

Я сделал паузу, он невольно переспросил:

— Что осталось?

— Подобрать капитана, — пояснил я, — на третий корабль. Редкая ситуация, верно? Когда команду собрать и подготовить проще, чем найти капитана...

Он промолчал, но посмотрел очень внимательно. Дескать, вам знать лучше, наверняка и родились на корабле, по морям и океанам всю жизнь, не зря же знаете так много.

— И сделать надо быстро, — закончил я.

— Насколько, адмирал? — спросил он деловым голосом.

— Два корабля готовы к выходу в море, — напомнил я, — а едва спустим и опробуем третий, тут же отправимся в рейд! Ждать никого не станем. У нас слишком мало времени. Когт пока оставим здесь, в бухте.

Фицрой слушал, не поднимаясь из-за стола в своем углу, а когда я отпустил Грегора, поинтересовался оттуда:

— А почему не предложишь третий корабль мне? Я еще за прошлый раз во всем разобрался.

— Не знаю, — признался я.

— Не доверяешь?

— Другое, — сказал я с сомнением. — Хотя ты и темная лошадка, но я бы не сказал, что подозреваю в чем-то нехорошем. Скорее не хочу твоей ранней специализации. Понимаешь?

Он помотал головой.

— Не понимаю.

— Капитан корабля, — объяснил я, — это капитан корабля. Когда отыщем подходящий остров, то обязательно пройдем вглубь...

Глаза его вспыхнули, прервал быстро:

— Все понял!.. Конечно же, капитаны останутся на кораблях, ремонт, сбор провизии, то да се, а самое интересное будет ждать тех, кто ступит на неведомые земли!

— Соображаешь, — сказал я. — Причем быстро. Ценю. Потому не спеши в капитаны. Пока вот тебе работа попроще, присмотри за нашим мудрым мастером Рундельштоттом. Даже не знаю, как его на корабль... Все-таки возраст. В общем, определи сам.

Он поморщился.

— Я что, лекарь?.. Ладно, пообщаюсь. Но ничего не обещаю.

Роннер Дорриган перехватил меня, когда я отпустил Фицроя, а сам направился к третьему кораблю.

— Глерд Юджин, глерд Юджин!.. Простите, адмирал!

— Слушаю, дорогой Роннер, — произнес я важно и благожелательно, как подобает адмиралу, что тоже отец народа, хоть и той особой его части, что выходит в море под его властной дланью.

— Я слышал, — сказал он торопливо, — недостает капитана на третий корабль?

— Да, — ответил я, — а что, ты подобрал?

Он сказал с затаенной обидой:

— Глерд Юджин, а я?.. Любой из кораблей знаю лучше всех! Я не только строил, я плавал с вами на том когге!

Он смотрел умоляюще, что непривычно для его массивного и всегда нахмуренного лица.

Я сказал с неловкостью:

— Дорогой Роннер... Сожалею, но вы настолько ценный кадр, что я не рискну больше вас потерять.

— Но...

Я прервал неумолимо:

— В прошлый раз вам нужно было убедиться, что такой большой корабль, как когг, не потонет в море! Не потонул. И даже пару штормов выдержал. Ходовые качества, помню, вас привели в восторг... Что еще?

Он пробормотал:

— Да хорошо бы посмотреть, как ходят в эскадре эти каравеллы... Не столкнутся? Большие корабли сразу не остановить, даже не развернуть. В воде копытами не упрешься!

— Это дело флотоводцев, — напомнил я. — И вообще... Есть шанс войти в историю как человек, создававший флот королевства Дронтария! А то и не только Дронтарии... Разве это не лучший выбор?.. В эскадре будете одним из капитанов, а на берегу — первым и самым главным на верфи и в бухте!.. Не-е-ет, ваша голова теперь слишком дорого

стоит. Любым капитаном рискну, но только не вами, мастер Роннер!

Он польщенно улыбался, наконец развел руками.

— Вы правы, командир. Рассуждаете по-взрослому, а я, как мальчишка... Я счастлив служить вам!.. Хотя, конечно, очень бы хотелось...

— Все впереди, — заверил я, — сперва нужно создать флот. А потом уже можно и прокатиться на самом большом из кораблей.

Его глаза чуть расширились, моментально уловил насчет «самого большого из кораблей». Эти корабли, что вот-вот выйдут в море, все три одинаковые, даже те, что сейчас на стапелях, так что я говорю наверняка о таком, что будет еще крупнее.

— Глерд Юджин...

— Угадали, — сказал я шепотом. — Мы построили средние по классу корабли. Есть классом выше и еще выше. Но пока молчок! А то нас забросают камнями.

Он ответил тем же шепотом:

— Если даже я почти не верю, хотя сам строю... то другие точно скажут такое, что лучше не надо.

— Такое скажут, — согласился я. — Такое, что да, лучше не слышать. Идите, Роннер, а то вон наш начальник охраны уже землю копытом роет...

Дорриган ухмыльнулся и ушел, а Ваддингтон приблизился, весь таинственный и торжественный, сказал тихонько:

— Кстати, глерд Юджин...

Он умолк, посмотрел по сторонам. Я кивнул на дверь склада, он вошел за мной следом — никого, плотно закрыл дверь и сказал шепотом:

— На днях приезжала герцогиня.

— Что-что?

— Сиятельная герцогиня, — напомнил он, — Эльжбетта Руммель.

— Блин, — сказал я с досадой. — Половина бухты принадлежит их семье!.. И что хотела?

Он помялся, ответил тише:

— Я так и не понял. Мои люди вежливо не пустили к берегу, вы же сказали, бухта ваша вся.

— Герцог Руммель, — сообщил я, — отдал ее мне. Но это так, слово глерда, документами не подкреплено. Придется съездить к ним, узнать, чем нам грозит такое повышенное внимание... Что-то еще сказала?

Он покачал головой.

— Нет. Сразу потеряла интерес к бухте, как только узнала, что вы отбыли в столицу к его величеству королю Астрингеру. Поговорила о погоде и велела поворачивать повозку обратно.

— Все равно навестить надо, — сказал я. — Пока корабли не выйдут в море, мы все здесь на птичьих правах.

Он не понял, перепросил:

— Это... что за права?

— Глерд, — ответил я, — какие у птиц права? Любой шуганет... Я возьму одного из ваших коней, надо съездить к герцогу и узнать, вдруг неприятности?

Глава 6

Когда дорога знакома, она становится вдвое короче той, что была при первой поездке. Я только начал наслаждаться галопом быстрого жеребца, которому самому нравится нестись на предельной скорости, как впереди над вершинами деревьев поднялась красная крыша замка герцога Руммеля.

Вскоре выросли и сами стены, оранжевые, вдоволь напитавшиеся солнца. Дорога нырнула вниз и ушла за мысок леса, а когда снова выскочила на простор, замок предстал уже во всей блистательной красе, не столько замок, как

добротное поместье с переходом во дворец. Однако что-то застопорилось в строительстве, и теперь это полузамок-полупоместье-полудворец, незаконченное и достаточно с виду безалаберное, хотя чем-то располагающее.

К поместью ведет хорошая и широкая дорога, по краям прочищенные канавки для отвода воды, хорошо здесь работают, молодцы, далеко в поле огромное стадо тучных коров, а дальний холм не зеленый, а белый от множества пасущихся там овец.

Поместье почти утопает в роскошном саду, исключение только для фасада, трава скошена, а перед самым зданием еще и выложена очень тщательно отесанным булыжником.

Я не успел остановить коня по эту сторону ворот, как садовник увидел меня, со всех ног бросился навстречу.

— Глерд Юджин?

— Узнал, — сказал я довольно. — Открывай, не спи.

Он распахнул ворота, а едва я въехал, доложил торопливо:

— А его светлость два дня назад отбыли по торговым делам в столицу!

— Эх, — сказал я с подчеркнутой досадой, — как жаль, как жаль... Я же заехал только сказать, что отбуду на несколько недель, но если светлейшему герцогу понадобится моя помощь, пусть обращается в мой замок. Я предупредил, оттуда сразу вышлют дружину... Эх, ладно, раз уж приехал, пойду поклонюсь ее светлости... Она, надеюсь, дома?

— Дома, глерд Юджин! Позвать?

Я отмахнулся.

— Работайте, работайте... Вам бы только увильнуть от трудовой повинности. Вот заведу у вас демократию, взвосте... Герцогиню найду.

Вздохнув как можно тяжелее, я слез с коня и, бросив садовнику повод, подумал про себя, что вообще-то я ве-

зунчик, если смотреть глазами Фицроя. Для него главное, чтобы везло с вином и бабами, остальное не так важно.

Слуги пугливо отскакивают в стороны и кланяются, я миновал холл и взбежал по лестнице, чутьем отыскивая герцогиню, но вскоре услышал то ли аромат ее тела, то ли еще что-то особенное, сердце застучало взволнованнее, я ускорил шаг и почти вбежал в распахнутую дверь зала.

Герцогиня как почувала мое приближение, резко обернулась. На меня в упор взглянули крупные глаза, что чуть нависают, а угольно-черные дуги бровей приподнялись в изумлении.

— Глерд Юджин?

— Герцогиня, — ответил я, — я только сегодня прибыл от его величества короля и сразу влез с головой в дела. Но хоть вечер могу позволить себе арендовать для себя, для радости?

Она в неловкости опустила взгляд, алый румянец уже медленно проступает на бледной аристократически безупречной коже, крылья красиво вырезанного носа вздрогнули.

— Глерд...

— Герцогиня, — сказал я честно, — сам не знаю, но меня тянет к вам с такой мощью, что даже не представляю! Словно вы нейтронная звезда, а я буриданов ослик Иа великого пророка Валаама!..

— Глерд, — сказала она нерешительно, — я недавно приезжала на вашу стройку...

— Правда? — изумился я. — А мне никто ничего не сказал... Приеду — всех поубиваю. Или даже перевешаю, что-то вешать начинает нравиться больше, чем рубить головы. Не выношу крови. Старею, видать.

Она грустно взглянула на меня, медленно и величаво села на диван, хотя и на самый край.

— Но меня не пропустили, — сказала она с укором. — Сказали, это ваше повеление.

— Что? — ахнул я. — Мое повеление не пускать вас?

— Никого не пускать, — уточнила она.

Я всплеснул руками.

— Как все печально! И неправильно. Куда мир катится, если вот такое недоверие и отчуждение даже к женщинам, что как никто умеют хранить тайны?.. Герцогиня, могу ли я...

Она покачала головой.

— Нет, глерд Юджин, не можете.

Я смотрел, как она дернула за шнур, дверь распахнулась, появился уже знакомый старик-слуга, остановился, глядя в пол.

— Вели подать жареную баранину, — велела герцогиня. — А потом каплуна. И вино, конечно.

Слуга поклонился и вышел, а я сказал с восторгом:

— Вы запомнили, что обожаю мясо на ребрышках?

Она улыбнулась, царственно опустилась на диван.

— Такое запомнить нетрудно. У вас здоровые мужские вкусы.

— Это точно, — сказал я и пересел к ней на диван. — Герцогиня...

Она торопливо вскочила и поспешно пересела в кресло.

— Глерд, сейчас принесут на стол!

— Вы намного лакомее, — признался я. — Хотя, конечно, можно сперва баранину, чтобы разжечь аппетит...

На щеках у нее вспыхнул яркий румянец и начал медленно захватывать территории.

— Глерд, прекратите!

— Молчу, — согласился я.

В комнату вдвинулся повар с таким огромным подносом в руках, что я вскочил и помог перегрузить на стол в тарелки целую гору жареных ребрышек, каплуна в собственном соку, красную рыбу и кучу сдобных пирожков разной формы.

Повар ошалел, глерды никогда не снисходят до такой помощи челяди, а я еще и поблагодарил кивком, после чего сел на стул и сразу же взял в руки нож, сладострастно принялся за истекающие нежным соком ребрышки.

Герцогиня наблюдала с материнской улыбкой, женщины любят смотреть, когда мужчины и животные хорошо едят, что значит, понравилось, оценили, будут здоровыми и довольными.

Спохватившись, я торопливо нарезал мясо и переложил на тарелку для герцогини.

— Если скажете, — предупредил я, — что не хотите есть, не поверю. Такое невозможно не хотеть. И точно скажу, вы сами следите, чтобы повара готовили по вашим рецептам.

Она с осторожностью пересела к столу, кивнула, немного удивленная.

— Как вы угадали?

— По вашему лицу, — сказал я, — по вашим глазам, по вашему внимательному взгляду, вашей лебединой шее, высокой и полной груди...

— Глерд!

— Все-все, — сказал я торопливо, — только ем. Когда я ем, то глух и нем, а когда еще и кушаю, то никого не слушаю... А вина вам в чашу плеснуть можно?

Она поколебалась, кивнула.

— Только чуть-чуть. А то мы слишком порознь, я как будто не хозяйка, принимающая гостей.

— Точно, — сказал я с восторгом и налил ей вина до венчиков. — У вас и вино прекрасное, чувствуется, что вы... умеете выбирать сорта винограда. Сладкий и нежный виноград, как ваши губы...

— Глерд, — сказала она строго, — прекратите. У вас еще каплун и пирожки.

— Я поделюсь, — пообещал я. — С вами я такой добрый, что даже пирожков не жалко. Все, конечно, не отдам, но парочку могу... Вот эти?

Она расхохоталась.

— Глерд, вы невыносимы.

— Герцогиня, — сказал я, — вы называете меня таинственным, но я вижу в ваших глазах столько тайн, что даже и не знаю!.. Давайте меняться тайна на тайну?

— Глерд?

— Я рассказываю вам, — предложил я, — вы рассказываете мне. А то мы хоть и соседи, но какие-то не совсем близкие соседи.

Она посмотрела с недоумением.

— Глерд, куда уж ближе? Если мой муж узнает...

— А зачем ему такое узнавать? — поинтересовался я. — Придется как-то реагировать, а это всегда потери... Во всем потери. Знаю королевство, где нашли выход в подобных обстоятельствах.

Она поинтересовалась настороженно:

— Какой выход?

— Просто не обращать внимания, — ответил я. — Жизнь и так у всех нелегкая, сложная, с проблемами, неприятностями, заботами, зачем взваливать на себя еще и добавочные? Пусть идут мимо. Есть такой вид неприятностей, что если на них не заострять внимания, то они и не существуют.

На ее лице отчетливо видно непонимание, цельная натура, уроки нравственности вбиты в глубоком детстве, что хорошо и правильно, но хорошо и правильно только в одном случае, когда все в обществе праведные, но если заведется хоть один подлый хмырь, то ограбит всех до единого, перепортит благородных девиц и обворует королевскую казну.

— Глерд, — проговорила она в нерешительности, — это звучит нехорошо. То, что другие люди могут поступать нечестно, не развязывает нам руки.

— Золотые слова, — сказал я с восторгом, — никто не имеет права наносить другому человеку ущерб!..

— Вот видите...

— Но, герцогиня, если я украл бы у герцога кошелек, то у него не было бы кошелька, верно?.. А если украду ваш поцелуй, то ваши губы останутся на месте, сколько бы я их ни целовал...

Она попробовала откинуть голову, но я навис над нею, ухватил, сдавил это пышное нежное тело, и та самцовость, что оттачивалась в течение последнего миллиарда лет, заговорила во мне в полную силу, грубо отпихнув щенячий интеллект с его протестами.

Диван достаточно удобная вещь, не так уж и обязательно тащить добычу в кровать, хотя, если честно, нам, самцам, все удобно и везде, если речь идет о выполнении самой Первой и Величайшей Заповеди, которую Всевышний дал человеку напрямую, не прибегая к посредничеству всяких там косноязычных пророков.

Она поспешно отпихнулась, сказала строго:

— Глерд! Мы за столом!..

— Ах да, — сказал я виновато, — простите, герцогиня. Давайте я закончу с мясом, а вы начинайте с пирожков... Кстати, на днях я отправлюсь в долгое путешествие. Поэтому есть у меня крамольная идея.

— Глерд?

— Провести эту ночь в вашей постели.

Она охнула.

— Это невозможно!

— Герцог отсутствует, — напомнил я, — слуги смолчат. Да и не видели они ничего, а догадки не в счет.

Она спросила быстро:

— Путешествие как-то связано с тем, что там в бухте строите корабли?

— Точно, — подтвердил я. — Говорил же, я страстный рыболов и обожаю рыбарить!.. И не только с берега, как простолюдины, а с лодки!.. Чтоб заплывать на середину и ловить там. Вдруг в середине залива рыба толще?

Она сказала в сомнении:

— Но... говорят, корабли выглядят устрашающе огромными.

— Герцогиня, — сказал я с неловкостью, — вообще-то я трус, воды побаиваюсь. То ли родовая травма с тех времен, когда я плавал в околплодных водах и, возможно, наглотался так, что чуть не утоп... или меня в ванну с водой уронили, когда купали... в общем, я воды побаиваюсь. Даже, если честно, боюсь.

Она сказала с пониманием:

— Потому и строите большие корабли?

— Да, — подтвердил я с неловкостью. — Не представляете, как стыдно признаваться в трусости женщине! Перед которой все стараются выглядеть сильными и мужественными.

Она сказала ласково:

— Бедный вы мой... Сколько же вам пришлось натерпеться...

Чисто по-женски, даже по-матерински, она обняла меня и прижала головой к своей груди, той самой полной, мягкой и горячей, некоторое время утешающее гладила по затылку, спросила с укором:

— Глерд... это что вы делаете?

— Мне грустно, — сказал я со вздохом, — стараюсь утешиться. А вы просто спасаете меня из пучины отчаяния.

— Ну уж отчаяния, — возразила она.

— Тогда просто от тоски, — уточнил я. — Однако в ваших объятиях нахожу утешения и силы... Что это у вас за веревочки?.. Ах да, это я не туда полез, как все в жизни сложно.

Она в испуге оглянулась.

— Глерд, нас могут увидеть...

— Не могут, — заверил я. — Я узрю раньше. Или почую. Неважно... Ох, герцогиня... Какая у вас нежная кожа даже здесь...

— Глерд, нельзя же так... ох, оставьте... Зачем платье задираете мне на голову?

— Чтoб не сползало, — пояснил я жарким шепотом, — а так у вас прекрасное лицо, а ваши полные и красные, как спелые вишни, губы я даже во сне...

Она прошептала в ужасе:

— Глерд!.. Как вы смеете, я такое не позволяла даже мужу...

— Ему и нельзя, — ответил я, — а нам, с нашим родством душ, нашей близостью этических констант, позволено самое полное слияние потных тел...

Она охнула:

— Глерд!.. Нельзя так... Это же какой стыд... Как я могу...

— Расслабьтесь, герцогиня, — шепнул я, — весь грех беру на себя.

— Грешить никому нельзя!

— Без прегрешения нет покаяния, — возразил я. — Герцогиня... Ох, я просто с ума схожу на вас... Как вам удастся быть такой чувственно нежной и отзывчивой...

Она шепнула в ужасе:

— Глерд, я ни на что не отзываюсь! Это вы со мной делаете что-то непонятное в угоду своим телесным потребностям, а я нет, я ничего не знаю... и не участвую...

— Поучаствую за нас двоих, — согласился я. — Герцогиня... какое это сладкое безумство...

Жаркий румянец охватил ее лицо, воспламенил розовые уши и даже сполз на грудь. Дивное и возбуждающее зрелище, едва не теряет сознание от стыда и непристойности того, что с нею делают, но мужчине нельзя мешать, а когда я вытерся краем ее платья и опустил его на место, она потупила взор, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— Жизнь прекрасная, — сказал я с чувством. — Потому что вы ее украшаете, герцогиня!..

Она покачала головой.

— Глерд...

— Герцогиня, — ответил я с чувством.

Она покачала головой.

— Глерд, вы не останетесь ночевать в постели герцога. Это непристойно. Я не могу пойти на такое, это будет изменой супружескому долгу.

— Герцогиня!

Она вздохнула, отвела взор.

— Я сама навещу вас. В поместье привыкли, что я, как и мой супруг, время от времени навещаю расположенные вблизи и даже дальние цеха. Герцог обычно ездит в самые отдаленные, а я в те, что ближе.

Я подхватил:

— А бухта почти совсем рядом! Герцогиня, я буду ждать вас, томясь негой сладкой.

Глава 7

Возвращался уже ночью, на фоне звездного неба и двух лун поднялась темная стена деревьев, я протиснулся на ту сторону, там у самой воды полыхают костры, все освещено, работа продолжается и ночью.

Охрана явно передала по цепочке весть о моем появлении, внизу от костра с гвардейцами навстречу мне поднялся Ваддингтон.

— Глерд, — сказал он с беспокойством, — не будет с моей стороны дерзостью спросить, как прошел разговор с герцогом?

Я покинул седло, один из гвардейцев быстро ухватил коня под уздцы.

— Не будет, — сообщил я. — Глерд Ваддингтон, как я понимаю, вы беспокоитесь за стройку?

Он ответил торопливо:

— Простите, адмирал, но... из-за этого я и позволил себе переступить этикет...

Я отмахнулся.

— Неважно, главное, ваше отношение к делу. Так что спрашивайте.

Он, все еще смущенный, торопливо взял себя в руки и спросил:

— Адмирал, о чем удалось договориться?

— Все подтверждено, — заверил я. — Жизнь устроена так, что любые связи и договоренности слабеют, если их не подтверждать время от времени.

Он ответил со вздохом:

— К сожалению, это необходимость.

— Потому, — сказал я, — будем подтверждать стойко и без горестного ропота. Как я и сделал. Вообще без ропота. Ибо!.. У нас великие цели, дорогой глёрд Ваддингтон. А сейчас прощаюсь до утра. Если, конечно, ничего не случится...

Он вытянулся, в голосе прозвучал сдерживаемый вызов:

— Когда охраняю я по своим правилам, ничего не случится!

И все-таки половина ночи прошла для меня в беспокойстве и тревоге. Постоянно чудится, что где-то что-то прошляпил. Слишком быстрый переход от ничегонеделанья к бурной деятельности и непосильной нагрузке. Но, видимо, во мне что-то да есть такое, что еще в том мире заставляло время от времени отправляться на поиски работы, в то время как мои приятели беззаботно и счастливо жили на пособие и не рыпались.

Так что да, страшно и непривычно быть не просто работником, а руководителем, но еще Пифагор сказал, что стыдно прожить жизнь, так и не узнав, на что способны наши ум и тело.

С другой стороны, при всей жажде ломать и строить, как же хочется просто лежать, а чтоб все само делалось...

В конце концов заснул так вот незаметно, продолжал строить корабли, целую эскадру, и только под утро сообразил, что это сон, потому что легко перепрыгиваю с корабля на корабль в открытом море и не могу вспомнить, когда это страна меня послала сюда штормовать. Или штурмовать, не помню.

После короткого завтрака почти на ходу я торопливо покинул помещение, нужно обойти все бараки и мастерские. Заказы мои сложноваты и причудливые, на взгляд местных умельцев, надо следить, чтобы не привнесли своего «как лучше», не поправляли, не доделывали по своему усмотрению, а потом вышел из последней мастерской и замер на берегу.

Хотя и не эстет, но какая же это красотища... Из предосторожности я сразу расположил верфь на своей стороне бухты, как и все строения, теперь там почти тесно, учитывая возрастающее количество стапелей и выдвинутых в залив причалов.

Даже там, где пока нет даже скелетов кораблей, рабочие уже подготавливают место и таскают туда отесанные бревна. Почти вижу, как начнут обрастать деревянным мясом гордые и прекрасные каравеллы, красивые и романтические, навсегда оставшиеся эмблемой самого юного и устремленного в будущее периода мореплавания.

Мастера и рабочие почтительно кланяются издали, а я неотрывно смотрел на бухту, где обе каравеллы медленно маневрируют на середине. Ветер, откуда бы он ни дул, расширяется о стену деревьев и уходит поверху, но малая часть все же опускается вниз, как раз достаточно, чтобы осторожно поднимать все паруса.

Роннер Дорриган подошел тихохонько и остановился в сторонке, не навязываясь, хочу замечу, хочу нет, я же адмирал, державных дум глубоких полн...

Я заметил, хоть и адмирал, милостиво кивнул, приглашая приблизиться.

— Что с третьим?

— Готов к спуску, — доложил он бодро. — Хоть сейчас.

— Экипаж? — поинтересовался я.

— Подготовлен, — сообщил он. — Мы еще на первом, как вы и велели, начали учить всех, кто согласился выйти в море сам... нет, не согласился, а попросился!

— Это кроме тех, — уточнил я, — кто с нами плавал?

— Те все до одного, — заверил он, — и еще на два корабля! Через пару недель спустим на воду четвертый, вон тот видите?.. На него тоже есть люди, но можно укомплектовать добавочно еще и гвардией короля. Обучим быстро, к послушанию те люди приучены.

Я подумал, сказал осторожно:

— Дорриган, кроме кораблей, существует еще и такая важнейшая вещь, как бухта, где верфь и все остальное.

Он пробормотал:

— Адмирал...

— Вот-вот, — сказал я, — ты же знаешь, любая армия сразу превращается в шайку разбойников, если у нее забрать обоз. Но все говорят только об армии... Так что эта верфь и есть наш драгоценнейший обоз, без которого, как без Вероны, нет жизни. Бухту нужно охранять еще строже, чем раньше. Потому с гвардейцами пока погодим.

Он вздохнул, наклонил голову.

— Простите, глерд адмирал. Это я так, увлекся. Все к себе гребу.

— Постарайся набрать добровольцев, — сказал я. — Обещай двойную плату, льготы, а также невиданные сокровища, что лежат там прямо на земле! Придумай. Намекни, что на дальних островах, как пишут в старых книгах, бьют источники вечной молодости и растут яблоки вечной жизни.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Намекнуть? Но все и так уверены, что это там, в неведомых краях...

— Тем более, — сказал я. — Больше набор мотиваций, больше желающих.

Он почесал в затылке.

— У нас вообще-то не так много людей.

— Скоро придут, — пообещал я. — Не сегодня, так завтра.

— Откуда? — спросил он осторожно.

— Король Антриас посылает, — сообщил я. — Вместе с обозом. Не забывает о нас, правильный вообще-то король. А в обозе запасы еды, парусина, канаты... Его величество понимает, что нужно торопиться, если жаждем сохранить все в тайне. Время работает против нас.

В нем как будто засветилась внутри стопудовая свеча, весь засиял, лицо просветлело.

— Как же это, — выдохнул он с чувством, — вовремя! С вашим размахом, глерд адмирал, и этого обоза хватит ненадолго, но, уверен, вы намекнули его величеству, что их нужно посылать регулярно?

— Еще бы я не намекнул.

— Спасибо, глерд адмирал. Пойду обрадую своих, пусть трудятся без опаски, что надо экономить каждый гвоздь.

Я кивнул, отпуская его, прошелся чуть, отвечая на поклоны, настороженно посмотрел на приближающегося генерального охранника верфи и всей бухты.

Он подбежал, почтительно поклонился.

— Глерд адмирал...

— Глерд Ваддингтон, — произнес я легко, — прекрасно выглядите. Новый камзол сидит на вас как влитой.

— Это я просто потолстел, — ответил он чуточку виновато. — Жизнь тут спокойная... Глерд?

— Насколько, — поинтересовался я уже деловым тоном, — насколько доверяете глерду Марфли?

Он изумился.

— Курцеру?.. Да целиком. Даже свою жену бы доверил! Да что там свою, даже чужую, если она моя!

— Гм, настолько хорош?

— Он не совсем хорош, — ответил он уже чуть сдержаннее, — когда ссорится, легко хватается за меч, но честен, верен слову и старшему командиру, всегда держит слово. С ним иногда бывает сложно, однако положиться на него можно полностью.

— Гм, — сказал я, — сможете ему доверить охрану лагеря... на время вашего отсутствия?

Его глаза вспыхнули, как два солнца.

— На время... неужели... глерд, как же хорошо, что вы вернулись! Конечно, все ему доверю. Мы же служили вместе и не раз сопровождали армию, обеспечивая ее безопасность. У него есть опыт в охране и более сложных и капризных объектов.

— Тогда передайте ему свои полномочия, — велел я. — На время вашего отсутствия.

Он сказал с надеждой:

— А нельзя и его взять?

Я покачал головой.

— Увы, будет очень большая удача, если сразу наткнемся на подходящий остров. Но и потом лагерь придется еще долго охранять. Пока все не заберем, а остальное не уничтожим. Не позволим шпионам Гарна реконструировать, что и как мы делали!

— Сколько моих людей брать? — спросил он деловым голосом, хотя почти подпрыгивает от счастливого нетерпения.

— Немного, — ответил я и, увидев, как он чуточку помрачнел, уточнил: — На каждый из кораблей. К сожалению, у нас еще мало умеющих управлять кораблями, каждый на вес золота. Потому если дойдет дело до схваток, то умелых надо беречь.

Он сразу ожил, сказал звонким голосом:

— Сделаю, глерд.. Все выполню, глерд!.. Мои тоже будут выполнять любую работу на корабле, а не только копить силы для битв и красивой гибели!

Политики всегда улыбаются, но на самом деле все до единого твари злобные и подозрительные. Я вот еще не политик, но уже даже Ваддингтона не то что подозреваю, но не хотел бы, чтобы его гвардейцев на кораблях было слишком много.

Гвардейцы подчиняются Ваддингтону, а тот блюдет интересы короля и, если сочтет, что я задумал что-то во вред его величеству, без раздумья поднимет мятеж.

Потому если не могу создать систему противовесов, не из чего, то нужно просто никому не давать слишком много власти. Или даже полномочий.

— Я не знаю, — сказал я откровенно, — сколько продлится плавание. Потому провизии запасем побольше, а едоков возьмем на борт по самому минимуму.

Он переспросил обеспокоенно:

— А гвардейцев?

— Человека по три на корабль, — ответил я. — Готовых работать, как все моряки, подменяя их во всем и не ссылаясь, что они гвардейцы короля.

Он спросил быстро:

— Но если провизии будет недоставать... можно кого-то ограбить на море? Как уже делали?... В море все чужие, дронтарских кораблей просто не существует...

— Увы, — ответил я, — Дорогой Вэнсэн, мы заплывем в такие места, куда каботажные суденышки не заходят. Ни чьи не заходят.

Он посерьезнел, лицо вытянулось. Конечно, от экспедиции на край света не откажется, однако вроде бы поверил, что гвардейцы могут быть лишней обузой.

— Значит, — переспросил он деревянным голосом, — поплывем... в пустоте?

— Поплывем в неведомое, — уточнил я. — Скорее всего, там такие же земли, глерд. Возможно, даже населенные какими-то людьми.

— Или чудовищами, — подсказал он.

— И это возможно, — мирно согласился я.

Он быстро взглянул на меня.

— Вас это не пугает, вижу, но и радости... тоже нет?

— А что чудовища, — ответил я, — вот когда построим дивные города в новых землях, где не ступала нога человека, тогда и начнутся настоящие трудности.

На берегу простучали копыта, вниз на большой скорости спустился на храпящем коне легкий всадник. Конь круто повернул, забрасывая в сторону все четыре копыта, остановился как вкопанный.

Парень соскочил, негоже со знатным глердом разговаривать с седла.

Я смотрел с ожиданием, он выпалил торопливо:

— Сюда направляется женщина на повозке. Ее пока остановили на первой линии. Глерд Марфли просит незамедлительных распоряжений...

— Пропустить, — велел я.

— В бухту?

— Нет, — отрезал я. — Я сам встречу. Коня!.. Глерд Ваддингтон...

Ваддингтон торопливо поклонился, прощаясь, всадник вскочил в седло и ждал, когда поднимусь, когда подведут коня и мне, тут же послал своего в галоп, явно рисуясь его скоростью и легкостью в скачке.

Повозку с четверкой вороных я увидел издали, едва протиснулся через стену деревьев, герцогиня общается через окно с двумя всадниками первой линии охраны.

Меня увидели, я почти услышал облегченный вздох стражей, все-таки останавливать герцогиню и не пропу-

скать без внятных объяснений как-то нехорошо, могут быть неприятности.

От окошка поспешно отодвинулись, я остановил коня на скаку, герцогиня печально улыбнулась.

— Ваша светлость, — сказал и крикнул кучеру: — Гони в замок Медвежий Клык!.. Дорогу указать?

Кучер ответил почтительно:

— Да кто же Медвежий Клык не знает... Мигом домчу.

Не успела скрыться из виду роща, окружающая бухту, как впереди в дрожащем от зноя воздухе проступила грозно нависающая на большой высоте над морем массивная гора, а на самой вершине победно заблестел в оранжевых лучах солнца замок.

Я обогнал повозку, со стен замка не сразу заметили всадника, но ворота открыть успели, а когда я проскочил во двор, ко мне бросились двое со стороны ворот.

— Хозяин!

— Не закрывайте, — предупредил я. — Там еще повозка. Потом запирайте — и никого больше.

Из караулки выскочил Айдан Бревстер, мой начальник гарнизона, трезвый и в доспехах, с мечом в расписных ножнах.

— Глерд Юджин!.. Мы совсем вас потеряли!

В распахнутые ворота вкатила повозка с четверкой взмыленных коней. Я покинул седло и бросился к дверце, торопясь открыть первым.

Со всех сторон выходит народ, на лицах радость и не-притворное изумление. Слышались голоса:

— Ну наконец-то...

— Я думал, он и забыл про нас...

— Что-то у него случилось?

Я открыл дверцу, герцогиня улыбнулась мне, я подал руку. Она вышла, посмотрела по сторонам.

— Вот так вы хозяйничаете?

— Плохой из меня хозяин, — признался я. — Стараюсь остепениться, но что-то не чувствую в себе степенности. Даже на бакалавра не тяну!.. Ну, это такой воинский термин... Позвольте, герцогиня...

Глава 8

Она с улыбкой оперлась на мою руку. Я медленно повел ее в донжон, старательно контролируя шаг, а впереди нас туда шмыгнул народ, спеша убрать, подмести, протереть и вообще привести все в порядок.

В моих апартаментах она остановилась, осматриваясь с любопытством.

— Мне кажется... это не ваша мебель...

Я хмыкнул.

— Здесь все не мое. Хотя и мое. А что, заметно?

Она кивнула, медленно опустилась в кресло, ее взгляд так же неспешно пробегает по обстановке, а на меня оглянулась со смущенной улыбкой.

— Конечно, заметно.

— А какая должна быть у меня?

Она в затруднении слегка повела плечами.

— Не могу себе представить. Такое мерещится, даже страшновато как-то. Глерд Юджин, вы как будто принц из зачарованных земель, здесь только проездом, потому ничего менять не намерены.

Я сказал наигранно бодро:

— Сейчас подадут обед, и вы увидите, что вполне уживаюсь и в этом замке. А за столом меня не отличишь не только от глерда, но и от последнего крестьянина!

Она улыбалась, помалкивала, какое же у женщин чутье, даже непонятно, как ощутила то, что не улавливает даже мудрый Рундельштотт, не говоря уже о Фицрое, а

она вот сразу без всяких умозаключений выдает готовый результат.

Хорошо хоть, ничем не подкрепляет, а то бы вообще караул...

Дверь распахнулась, повар внес на огромном подносе коричневую тушку толстого молодого гуся. Кожа блестит, кое-где уже прорывается под напором только что испеченного нежнейшего мяса, что рвется наружу, струйки одуряющего аромата щекочут ноздри.

Я ощутил приступ голода, даже Эльжбетта вроде бы невольно сглотнула. Двое слуг бережно переложили гуся на блюдо, что в центре столешницы, другие тут же принесли и начали раскладывать по тарелкам ломти жареного мяса, тонко нарезанный сыр, мелких запеченных в соусе птичек.

Эльжбетта посмотрела на меня с интересом.

— И вы сюда редко показываетесь? Да другой и ночевал бы прямо на такой кухне!.. Как для вас стараются...

— Вот такой я бесчувственный, — ответил я опозоренно. — Буду исправляться... когда-нибудь. Позвольте я вам отрежу.

Она внимательно следила, как я разделяваю гуся.

— А вы точно не из провинции, — обронила она тихонько.

— Точно? — спросил я.

— Точно-точно, — заверила она. — Провинциалы, как ни учи, всегда держат нож, как топор. Или, в лучшем случае, меч. А такую виртуозность вижу впервые.

— Здорово, — ответил я. — Значит, я столичная штучка?..

— Не знаю, — ответила она медленно. — Спасибо, глёрд Юджин, но довольно, я столько не съем.

— А кто сказал, — напомнил я, — что мои повара хорошо готовят?

— Они для вас из кожи вон лезут... Нет-нет, больше ничего не нужно... Ладно, вон ту травку. И все...

Некоторое время мы откровенно наслаждались нежным мясом, после гуся я перешел к рыбе и сыру и уже там ощутил, что на пироги во мне совершенно не осталось места, сколько бы я ни расстегивал пояс.

Эльжбетта закончила с обедом раньше, даже сделала два мелких глотка вина, но тут же отставила чашу.

— Юджин...

— Эльжбетта, — сказал я серьезно, — завтра на рассвете отбываю в серьезную командировку... Это такой вояж, поручение короля, очень важное. И достаточно серьезное для людей, страны и вообще.

— Ох...

— Эту ночь проведем здесь, — сказал я решительно. — Герцогу... что-нибудь придумаем.

Она вздрогнула.

— Это... это чересчур дерзко. Я не должна была ехать, но я же пообещала, потому... я даже не знаю, что со мной творится, как во сне все...

Я смотрел на ее пылающее стыдом лицо с нежностью. Любовь, на мой взгляд, начинается с желания защитить некую самочку от всех на свете опасностей и даже трудностей жизни. Насчет безумия любви, что охватывает Ромео и Джульетту, — это придумано. Мы все жаждем чего-то такого необыкновенного, потому охотно верим в живущих по тысяче лет йогов, снежного человека и неистовую любовь.

На самом деле любовь — это предельная забота, это стремление из двух яблок отдать самочке то, что чем-то лучше, это желание сделать этот мир для нее как можно комфортнее.

— Эльжбетта, — проговорил я с чувством, — это я не знаю, что со мной творится, это я как во сне.

Она с неловкостью засмеялась.

— Значит, мы оба лунатики?

Свечи пришлось погасить все, герцогиня наотрез отказывалась раздеваться на свету, хотя с моим зрением для меня любая ночь — день, хоть и бесцветный, так что я не особо протестовал, а она, зарывшись под одеяло, сказала с ужасом:

— Но это же непристойно, глерд!.. Что за нравы в вашем королевстве?

— Да, — согласился я, — у нас было слишком много войн, революций, мятежей, потрясений, слома всяких основ... В общем, у нас не осталось никаких правил, никаких заповедей. И спим с женщинами в одной постели, спим без одежды, свечи не гасим.

Она покраснела.

— Но это же... бесстыдство!

— Да, — согласился я, — но какое-то безобидное. Почему-то я не чувствую ни стыда, ни вины от того, что лежу с вами.

Интересная метаморфоза, меня же тянуло к ней, как к сочной самке, так казалось, даже был уверен, что все так, но как же здорово лежать с нею, когда ее щека на моем предплечье, а когда начала засыпать, то повернулась ко мне спиной и собралась в комок, подгибая колени так, что я едва протиснул руку, чтобы взять в ладонь ее тяжелую горячую грудь.

Так мы и заснули, но где-то с полночи стало жарко, я перевернулся на спину и сбрыкнул одеяло, это помню, но просыпался уже лежа навзничь, ее щека на моем плече, а согнутая в колене нога на моем пузе так высоко, что почти на груди.

Я лежал тихо, пусть спит, а что проснулась, узнал по тому, что она, поняв, в какой бесстыдной позе очнулась, поспешно убрала ногу и голову, отодвинулась и лежит тихо, как мышь, стараясь догадаться, заметил я или не заметил, как разнузданно и порочно она себя вела во сне.

— Доброе утро, — сказал я тихонько. — Как спалось?

Она проговорила с неловкостью:

— Оказывается, это очень... интересно спать с мужчиной. Засыпать и просыпаться в одной постели.

— А что, — спросил я с недоверием, — вы с герцогом вместе не?

Она посмотрела на меня в некотором изумлении.

— Конечно, никогда.

— Здорово, — сказал я пораженно. — Вот настоящая супружеская жизнь! Но как же...

— Как и принято, — пояснила она с удивлением, — он приходит в мою спальню и ложится в мою постель. Я раздвигаю ноги, он входит в меня, а потом, удовлетворив свои нужды, удаляется в свои покои спать. Так везде, а у нас нормальная приличная семья.

— Прекрасные нравы, — сказал я.

Она посмотрела очень внимательно.

— У вас не так?

— Нет.

— У вас... очень бедные? Не могут позволить себе отдельные постели?

— У нас даже короли спят с женами в одной постели, — пояснил я. — Наверное, по нашей дикости. Как сосед? Больше не пытается как-то выказывать свой норв?

Она прошептала:

— Он затих настолько, что даже и не знаю. Будто исчез. Непривычно и даже тревожно.

Я признался:

— Честно говоря, я тоже, можно сказать, за всю жизнь впервые сплю с женщиной.

Она засмеялась.

— Врешь...

— Правда, — ответил я. — Что так смотришь?.. То были не женщины... или не совсем женщины. Прости, это объяснить трудно.

Она проговорила тихонько:

— А ты попробуй.

— Понимаешь, — сказал я, — у нас... в нашем королевстве были трудности... настолько трудности, что женщинам пришлось взяться и за мужскую работу, а потом и за оружие, иначе не выжить... Дрались плечо к плечу, в нашем обществе женщины и мужчины не отличаются ни в работе, ни в учебе, ни в чем-то еще... И потому, опускаясь там в постель с женщиной, чувствовал, что буду заниматься вязкой почти что с мужчиной. А это не всем по нраву, хотя не только разрешено, однако и поощряется.

Она вскрикнула, шокированная:

— Как такое можно?

— У нас трудно, — повторил я с неловкостью. — Женщина не может себе позволить быть женственной, потому что мужчины уже не могут выдержать на плечах всю тяжесть бытия. Женщина поневоле подставляет плечо, становится товарищем в работе и в бою, как если бы стала другим мужчиной. Увы, не всякий мужчина потом может лечь с такой женщиной... это то же самое, что лечь, как уже сказал, с мужчиной.

Она зябко передернула плечами.

— Ужасный мир... Как хорошо, что удалось оттуда спастись. Теперь понимаю, почему без труда выживаешь здесь и даже получаешь замки.

— Наверное, — ответил я, — потому мне так счастливо с тобой, настоящей женщиной, которая не умеет бить с разворота ногой в челюсть, прыгать по крышам домов и драться, не уступая мужчине в умении владеть оружием.

Она проговорила почти с неловкостью:

— Видишь, как многое я не умею.

— Все те умения, — сказал я серьезно, — приходят за счет чего-то. Если умного юношу обучать сражаться

на мечах, через год он станет умелым бойцом, но поглупеет.

— В нашем мире важнее, — проговорила она тихо, — чтоб умел драться. Остальное важно, но не настолько.

— Женщина, — напомнил я, — что научилась драться на кулаках, теряет женственность.

Она проговорила с виноватой улыбкой:

— Да, я совсем не умею драться.

Я подгрел ее мягкое теплое тело ближе, она опустила голову мне на плечо, дыхание едва слышно щекает мне ухо, странное чувство никогда ранее не испытываемого покоя и некой завершенности.

Действительно, мелькнула мысль, если бы я уложил ее на их супружеское ложе, это измена, но когда герцогиня прибыла ко мне, да еще и переступила границу между нашими землями, то да, это совсем не измена. Это совсем другое, и хотя разницы не вижу, но это я, грубый и бесчувственный, не вижу, а тонко чувствующие женщины прекрасно видят, так что все иначе, а мне совсем не обязательно вникать в тонкости, если дело в мою пользу, а нежная герцогиня с доставкой на дом.

Глава 9

Рано утром я все же ненадолго удержал герцогиню, уговорив позавтракать, но потом она бросилась на шею, жарко и нежно поцеловала и почти выбежала из комнаты.

Я догнал уже во дворе, сонный кучер посмотрел с укором, я помог герцогине подняться в повозку, кони с ходу ринулись в сторону ворот.

Айдан вывел из конюшни мою лошадь, уже оседланную, спросил с надеждой:

— Вы ненадолго?.. А то без вас тут все замирает, глерд Юджин.

— Что-то придумую, — пообещал я. — Я вообще-то великий придумыватель, иногда получается даже совсем ничего. Но иногда лучше бы не придумывал.

Ворота по взмаху руки Бревстера распахнули, я послал коня вскачь, в голове уже сотни вариантов, как будем идти через море, чего опасаться, против чего защищаться в первую очередь, и когда навстречу начала приближаться зеленая стена леса, уже почти составил черновик плана, как и что будем делать, когда прилетит «черный лебедь», а то и целая стая.

В заливе работа кипит, как на самой верфи, так и по обеим сторонам бухты. То ли так и было, то ли наше прибытие так взбодрило, но насколько знаю, еще до нашего прибытия из Шмитберга Грегор Негрон по собственной инициативе несколько раз выводил первую из каравелл среди ночи на середину залива и осторожно передвигался там, обучая команду и сам привыкая к мысли, что в плавании ночью нет ничего особенно ужасного.

— Где Негрон сейчас? — спросил я рабочих, не покидая седла.

Двое повернулись к воде и одновременно указали на середину бухты.

— Он и спит теперь на корабле, — сказал один.

— Какой смысл, — пробормотал я.

Рабочий ответил со странной интонацией, то ли с насмешкой, то ли завистью:

— Говорят, вы его назначили капитаном?

— Точно, — подтвердил я.

— Вот он и приучает себя, — пояснил он, — чтобы чувствовать себя там как дома... Ну, на случай, если в море придется быть долго.

Я кивнул, здесь еще никто не догадывается, что переход будет не через море. Что такое океан, здесь еще никто не

знает. Но пока пугать особенно не буду, хотя подготавливать народ как-то надо.

Когда я спустился вниз к воде и отдал коня рабочим, от каравеллы отчалила лодка, матросы работают веслами не слишком умело, но азартно, быстро погнали ее к берегу.

Негрон поднялся на корме во весь рост, улыбаясь во весь рот и рискуя свалиться в воду, помахал мне рукой.

Я молча ждал, он выпрыгнул на берег, радостный и сияющий.

— Глерд адмирал!

— Глерд Негрон, — ответил я, хотя Негрон вовсе не глерд, но скоро буду вправе сам производить в глерды, хотя это право вообще сам и присвою. — Что нового?

— Только то, — сказал он с жаром, — что корабль слушается вообще даже не знаю, как!.. Легче когда, а тот был втрое меньше!.. Мы готовы выйти в море хоть сейчас!

— Вы да, — согласился я, — но нужно, чтобы вся эскадра была готова. Ничего, подготовим...

Он сказал с чувством:

— Мы выполним все, что вы задумали. Да еще с вашей мощью чародея...

Я вздохнул, покачал головой.

— Увы, я не чародей. И даже не колдун. И колдовать не умею. Совершенно!

— Глерд?

— Однажды, — пояснил я словно бы в неловкости, — спас от смерти королевского колдуна Рундельштотта... кто бывал в королевстве Нижних Долин, наверняка о нем слышал.

К Негрону подошли и встали за его спиной прибывшие с ним матросы с лодки, прислушиваются почтительно, один сказал громко:

— Уже и здесь о нем слышали! Это же вы его зельями вылечили нашего короля?

— Да, — подтвердил я. — Можно сказать, это Рундельштотт вылечил, а я что, всего лишь подал его величеству лекарство великого и мудрого Рундельштотта... Так вот, наш великий мастер однажды в благодарность за мою помощь подарил мне один такой арбалет чародеев, что стреляет магическими стрелами.

Послышался завистливый вздох, на меня неотрывно смотрели зачарованными взглядами.

— Конечно, — сказал я, — пользуюсь, а кто бы не пользовался, но это не делает меня колдуном или чародеем, увы. Хотя хотелось бы. Но что делать, если бы свинье крылья, она бы все небо изрыла...

— Ничего, — утешил Негрон, — еще изроете, высокий глерд. У вас железные клыки! Изроете.

— Перекопаете, — сказал и словоохотливый матрос. — Вы такая свинья, которой все нипочем! Если желуди есть на небе, вы их и там отыщете. Мы верим в вас, глерд адмирал. И пойдем за вами на край света.

Я ответил очень серьезно:

— На самом деле придется идти дальше. За край.

Все испуганно притихли. Я улыбнулся, показывая, что это так царственно шучу, но сердце тревожно дрогнуло. Еще неизвестно, как себя покажут, когда столкнутся с действительно неведомым и новым для их мира.

Против ожидания задержаться пришлось еще на трое суток, но за это время третью каравеллу научили ходить по заливу под парусом прямо и галсами, команду дважды пересобирали, и наконец я объявил, что выступаем завтра на рассвете.

День стремительно неся к вечеру, весь в мелочных хлопотах и волнениях, я сидел за столом и тщательно измерял карту береговой линии Дронтарии и Гарна, когда примчался разведчик с первой линии заставы.

Оставив коня у крыльца, он вбежал, запыхавшись, в комнату и сразу прокричал торопливо:

— Глерд Юджин, к вам прибыл его светлость герцог Руммель! В очень дурном расположении духа. Можно сказать, в ярости. С сопровождением.

Я дернулся.

— Чего это он... с сопровождением?.. Мы же соседи!

— Для престижа, — напомнил он. — Все-таки герцог. С ним всего шесть знатных глердов, это минимум для таких визитов. Все в доспехах и при оружии, но так принято.

— Каких визитов? — спросил я с подозрением. — Ах, да, герцог должен быть герцогом всегда и везде... Где он сейчас?

Он замаялся, взгляд скользнул в сторону.

— Глерд адмирал, пришлось пропустить его через первую линию охраны. Здесь знают, половина залива принадлежит герцогу. Да и сам герцог был настолько... гм... тверд, что останавливать не решились.

Я скривился.

— Ну вот и конец нашей секретности!.. Сколько с ним болтунов, шестеро?

Он ответил со вздохом:

— Шестеро. Но мог бы взять и максимум, а это целый отряд. Но, глерд адмирал, герцог оставил их у внешней охраны. Там были готовы вступить в бой, не пропуская дальше, потому герцог... в общем, он сейчас будет здесь. Пригласить сюда?

Я поднялся, помотал головой.

— Нет-нет, дай сообразить... Лучше встречу лично. Все-таки герцог, не хвост собачий, уважение показывать надо, а еще и почтительность носителю высокого титула.

— Собрать сопровождение? — сказал он вопросительным тоном.

— Не будем зеркалить, — ответил я. — Он герцог, а я кто?.. Нужно подумать над асимметричным ответом. Сам встречу. Так больше уважения выкажу.

— Тогда поторопитесь, — сказал он странным голосом и кивнул в сторону распахнутого окна.

По дорожке со стороны окружающей залив рощи быстро спускается на коне рослый человек в черной шляпе с пером, дорожном плаще, расшитом гербами, что указывает на принадлежность к самым высоким титулам, очень удобно, всяк видит издали и уступает дорогу.

Я ринулся к дверям, конь герцога как раз красивой рысью вынес его на берег почти к воде, там рабочие указали на мой домик, я выбежал и на крыльцо, раскинул руки в радостно-удивленном жесте.

— Ваша светлость!

Герцог повернулся в седле, плащ на груди распахнут, камзол блестит подлинным величием герцогского достоинства, с золотой цепью на груди и золотым шитьем, меч на роскошной перевязи, ножны черные с золотом, украшены рубинами и сапфирами.

Черная шляпа, прошитая золотыми нитями, с двумя перьями за лентой, это что-то значит в этом мире, но я не силен в гербариях, заставил себя заулыбаться во весь рот.

— Ваша светлость!.. Как я рад вас видеть!.. Только что собирался сам к вам ехать!

Он заметно опешил, дернулся, взглянул на меня с подозрением.

— Вы?.. Ехать?.. К нам?

— Да, — сказал я радостно и торопливо, — дело в том, что... позвольте, изложу прямо шас?.. Я здесь весь в делах, каждая минута на счету! В общем, я сегодня-завтра отбуду из Дронтарии. Надолго. Очень надолго.

Он запнулся, явно собирался сказать что-то резкое, даже вижу, что именно, заметно по его лицу, проговорил уже медленно:

— Простите, а я при чем?

— Честно говоря, — ответил я, понизив голос, — у меня к вам просьба, дорогой сосед... Вы меня выручите, даже спасете, если честно...

Он насторожился, проговорил сдержанно:

— Слушаю вас, глерд.

— Я боялся, что так и отбуду очень надолго, не решив одну важную проблему... потому, когда не застал вас дома, решил обратиться с просьбой к вашей супруге... памятуя, что муж и жена — одно существо с двумя головами. Одна голова, конечно, побольше, а женская помельче, но тело у вас одно... гм... в общем, это я куда-то далеко взлетел в ассоциациях, а проблема в том, что... ваша светлость, давайте лучше изложу в помещении?

Он покачал головой.

— Нет. Говорите здесь и сейчас. С какой просьбой вы обратились к моей супруге?

— Мне принадлежит замок Медвежий Клык, — напомнил я, — и довольно обширные, как вы помните, земли. Все это и так вне моих забот, а тут вообще отбуду... Вы оказали бы мне громадную услугу, дорогой сосед, если бы присматривали в мое отсутствие за землями и замком!.. Ох, да что это мы так... Простите, ваша светлость, в этой ужасной суматохе перед отъездом я совершенно забыл о приличиях... Прошу вас в дом, изложу подробнее.

Он снова что-то хотел сказать, но остановил себя, лицо выражает крайнюю степень замешательства, наконец проговорил в затруднении:

— Что вы имеете в виду?

— Позвольте вам помочь сойти с коня? — спросил я.

Он недовольно дернул щекой, вид злой и раздраженный, но седло покинул достаточно легко, несмотря на грузное тело.

Я почтительно провел его в дом, указал на кресло, но герцог покачал головой и остался стоять посреди комна-

ты, хорошая позиция, чтобы ничто не мешало размаху его меча.

— Ваша светлость, — сказал я просительно, — вы прекрасный хозяйственник! Все о вас говорят с восторгом. Даже его величество ставило мне вас в пример. Мне просто не найти более надежного человека, которому я мог бы доверить свои земли и своих людей.

— Гм, — проговорил он и взглянул на меня исподлобья, — гм...

— Решайтесь, герцог, — сказал я настойчиво. — И его величество будет довольным, что мой замок и мои земли будут под вашим присмотром! И ваши соседи будут уважать вас больше и трепетать, дабы не вызвать вашего праведного гнева. И мне окажете великую услугу... Кто знает, сколько я пробуду в отсутствии?.. И, честно скажу, мое предприятие очень опасное, герцог. Могу и не вернуться... увы, вероятность слишком велика. Потому у меня надежда только на вас.

Он все еще смотрел на меня с недоверием, враждебное выражение еще не утасло, сказал сдержанно:

— Почему все-таки... предлагаете такое мне?

— Во-первых, ваша репутация, — сказал я, — во-вторых, вы человек чести, для вас это не пустой звук. В-третьих, ваша супруга герцогиня Эльжбетта откликнулась на мою просьбу посетить мой замок и оценить предварительно, стоит ли вам соглашаться на мою просьбу. Честно говоря, ее очень удивило и даже возмутило, что я совершенно не занимаюсь замком! И землями.

Он угрюмо смотрел на меня исподлобья.

— Моя супруга... Она ездила именно осматривать замок?

— Да, — заверил я клятвенно и посмотрел ему в глаза самым честным взглядом. — Осмотреть замок и оценить, брать ли вам его под опеку на время моего отсутствия. Или отклонить мою просьбу.

Он подумал, поколебался, наконец проговорил в затруднении:

— Гм... это несколько ошарашивает...

— Жизнь такая, — заверил я. — Ваша светлость, решайтесь!

В его взгляде подозрение не то чтобы таяло, но уступало иному выражению, которое я пока еще не понял, а сказал он все тем же гроыхающим голосом, но с оттенком сомнения:

— А что герцогиня...

— Она очень хозяйственная, — заверил я с чувством очень заметного уважения. — Осмотрела не только весь замок, но и проверила все хозяйственные бумаги! Полагает, что веду дела ужасающе плохо, меня обкрадывают, и только общее богатство земель спасает меня от разорения.

— Гм...

— Работы было много, — сказал я, — герцогине пришлось остаться на ночь со всем ворохом моих бумаг и счетов, но утром она заверила, что убедит вас взять эти земли под свою опеку, и с тем отбыла.

Он смотрел на меня исподлбья, вздохнул, лицо на мгновение омрачилось, но когда заговорил, голос звучал ровно и без эмоций:

— Глерд Юджин... вы меня несколько ошарашили... но я понимаю ваше положение... Вы человек в этих краях новый, у нас ни друзей еще нет, ни родни, так что да, а люди в замке без присмотра наглеют быстро... Хорошо, даю слово в ваше отсутствие присматривать за вашими землями и замком. С западной стороны у вас соседом глерд Слейн Келли, а на севере Жонд Диксен и Брайт Эндрюс. С землями Брайта Эндрюса и я частично граничу, очень достойный глерд с благородной родословной и прекрасной семьей...

— А Диксен и Келли? — спросил я.

— Степенные люди, — сообщил он. — Я с ними на пирах обычно сажусь рядом, нам есть о чем поговорить, что вспомнить, чем поделиться. В некоторых делах сотрудничаем. Вести хозяйство проще, когда один делает лопаты, а другой вилы. Я не только о лопатах и вилах, а вообще.

Я воскликнул:

— Вот видите! К своему горькому стыду, должен признаться, что до сих пор не познакомился ни с одним из них. Невероятно? Да. Вот такой я плохой сосед и отвратительный хозяин. Потому у меня все надежды на вас, герцог. Вы побываете у Энрюса, Келли и Диксена, сообщите, что и мои земли отныне под вашим протекторатом... уверен, соседи воспримут новость с энтузиазмом, так как вас знают хорошо и наверняка к вам расположены!.. Спасибо, ваша светлость! Вы меня выручили!

Я бросился жать ему руку с таким энтузиазмом, что он даже отступил на полшажка, ошеломленный моим бурным натиском, снова хотел что-то сказать, но я продолжал благодарить и благодарить, наконец он сдался и только кисло улыбался и, как мне показалось, даже начал прикидывать, какие преимущества ему даст хозяйствование и в моих землях.

По моим прикидкам получается, что громадное, а он, как хозяйственник, наверняка видит больше.

— Хорошо, — проговорил он наконец все еще в некотором затруднении, — я сейчас же отправлюсь взглянуть, что у вас там.

— А я пошлю с вами человека, — подхватил я, — он передаст всем моим людям, чтобы выполняли все ваши указания, как мои собственные. Герцог, как я счастлив, что у меня такой сосед! Как мне повезло!.. Как же все здорово!.. Мне просто дико повезло с вами!

Глава 10

Я проводил его во двор, герцог поднялся в седло, кивнул мне, конь привстал на дыбы и вяло помесил воздух передними копытами. Герцог повернул его задницей к воде, конь ржанул и понесся вверх на берег к стене деревьев.

За спиной прошелестели шаги, я узнал Фицроя, тот встал рядом, щеголеватый и пахнувший вином и женщинами, где он их только находит, проводил герцога ошалелым взглядом.

— И что, — спросил он опасливо, — почему он тебя не убил?

— Кто, — изумился я, — герцог? Милейший и благороднейший человек!..

— Вот-вот, — подтвердил он, — он да, а ты нет.

Я сказал уверенным голосом:

— Мы с ним сдружились еще больше. Для мужчин, как ты мог бы догадаться, если бы не был таким стрекозлом, совместная охота важнее всяких там даже с вот такими! Ну, ты понял. Хотя вряд ли. А мы вот поняли.

— Чего-чего, — спросил он с подозрением, — поняли?

— Герцог, — пояснил я, — взялся в мое отсутствие пропалывать мой огород и давить гусениц.

Он отступил на шаг, рассматривая меня как чудо морское.

— Да как ты сумел?..

— Я же дипломат, — напомнил я. — Самое важное свойство человека находить консенсус в важных вопросах.

— Что находить?

— Согласие, — пояснил я, — и оставлять за бортом менее важные моменты. В смысле, не рассматривать их вовсе ввиду незначительности и незначимости.

— Незначительные, — пробормотал он, — могут сильно испортить отношения. Значительно.

— Если на них заострять, — уточнил я. — А если обоим сделать вид, что существуют вопросы только важные? Вот видишь! Сделаем мир лучше. Не будем выставлять друг другу счета по мелочам. Все люди друг другу братья.

— А женщины?

— Что женщины? — спросил я. — Как женщины могут быть братьями? Ты не софистничай, все равно ничего не понимаешь в товарно-денежных отношениях! А они с нашей помощью входят в мир, несут прогресс и культуру!

— Что за... товарно-денежные?

— Ну как тебе объяснить, — сказал я в затруднении. — Это когда прибыль в гору, а товар остается дома! Не понял? Или дома, или при женщине. Это неважно, главное, что мы сами насаживаем эти пока что жалкие ростки, что принесут в этот мир расцвет, просвещение, процветание, религиозные диспуты, борьбу за идеалы, столкновение мнений, войны не ради грабежа, а для переубеждения оппонента и принуждения к миру на условиях прогресса и культуры, стирания сословных различий и полного уничтожения тех, кто против... Лучше скажи, Ваддингтон отобрал своих людей на корабли?.. Сколько?.. Сократи до трех гвардейцев на корабль. А то и до двух. Сам проверь каждого. Брать только тех, для кого мои приказы главнее приказов Ваддингтона!

Он кивнул, сказал с сомнением:

— Попробую. Хотя Ваддингтон обидится.

— Насрать, — отрезал я. — На корабле только один хозяин, командир, судья и вообще все на свете. Капитан всегда считался первым после Бога! Если Ваддингтон начнет выказывать сомнение в моем праве издавать на корабле законы, оставим его на берегу. Здесь тоже много работы. Присмотрись к нему.

Он сказал осторожно:

— Как офицер королевской гвардии, он и должен быть в первую очередь преданным королю... С ремесленниками проще, им все равно, кто в стране король. Хорошо, я тебя понял. Пойду проверю себя на новом поприще.

— Только никого не убивай, — крикнул я вдогонку.

Он хохотнул.

— Без необходимости? Обещаю. Я сегодня такой добрый, самому противно. Кстати, охрана первой линии за последнее время задержала еще несколько человек.

— Случайные? Или не совсем?

Он пожал плечами.

— А кто признается?

— Тоже верно, — согласился я. — Кто признается, что послан госдепом разузнать, что здесь делается и не грозит ли это могуществу их богоизбранных Гарна или Пиксии?.. Разбираться некогда. Запереть всех в надежное место.

Он взглянул в недоумении.

— Но у нас нет тюрьмы.

— Будут, — заверил я с оптимизмом, — с ростом культуры и гуманизма будут! Много. А пока нацепить кандалы потяжелее, приковать к стене, пусть привыкают к прогрессу и гуманизму. Когда вернемся, тогда, возможно, свобода их встретит радостно у входа. Или не встретит. Но сейчас никакие мольбы, никакие просьбы!.. Здесь правительственное учреждение высшей степени секретности.

Фицрой нахально заулыбался.

— Настолько тайное, что само правительство о нем даже не догадывается.

— Нормальная практика, — сказал я сердито. — И нечего хихикать. Король не должен знать, как готовят на кухне!

Он удалился, напевая под нос что-то легкомысленное и весьма игривое, а я спустился к лодкам у причала.

Двое на веслах быстро доставили меня на один корабль, потом на другой. На третьем тоже успел побывать, где, как

ни странно, порядка едва ли не больше, чем на первом, его вылизывают особенно тщательно, а команда отбатывает каждый маневр с парусами до автоматизма.

Вечером Фицрой заглянул ко мне, доложил, как и что, сообщил о Рундельштотте и Понсоменере, оба точно примут участие в плавании, надеются оказаться со мной на одном и том же корабле.

— Это само собой, — подтвердил я. — Можем и тебя взять.

— Свинья, — ответил он сердито. — С другой стороны... Мы уплывем, а здесь разразится грандиознейшая война!.. Я все-таки сомневаюсь, что та просто невероятная линия защиты, что и меня впечатлила, остановит Антриаса. Да, потери у него будут, но... что-то мне подсказывает, что все равно прорвется к столице... Ты точно не хочешь принять участие в битвах? С твоим оружием мог бы переломить ход любого сражения! Это же так здорово!

Я вздохнул, покачал головой.

— Фицрой, я предельно наглый, сам признаю, но эта сила в моих руках... заставляет быть осторожным.

— Чего вдруг так скучно? Осторожность — мудрость трусов. Ну ладно, стариков.

Я вздохнул еще тяжелее.

— Одно дело вмешаться в уличную драку, другое — в битву армий, что перекраивают карту! Я же не знаю, на чьей стороне правда...

— Что-о?

Он вытаращил глаза, на лице патетическое изумление ребенка, который прекрасно понимает, что на свете существует только его правда.

— На чьей стороне историческая правда, — уточнил я. — В моем королевстве были мрачные и кровавые нашествия... когда начисто вырезалось покоренное население и уничтожались города, но в результате именно на тех выж-

женных землях и возникли затем новые королевства, что стали самыми богатыми, цветущими и могучими... А убей, к примеру, этих завоевателей и останови нашествие, было бы лучше? Для тех людей — да, останутся живы, но... для будущего? Не сгнили бы те народы в сытости и разврате?.. Может быть, человечеству для взлета необходимы кровавые бури, уничтожающие целые народы?.. Это как кровопускание у человека, которого хватил удар. Не пустить ему кровь — умрет.

Он смотрел с ужасом.

— Ты что говоришь?

— Сам не знаю, — признался я. — Весь в сомнениях, Фицрой. Потому не буду влезать в местные свары. Как получится, так получится. Возможно, для истории лучше, если бы победил Антриас. Как думаешь, будь мы уламами, на чьей бы стороне воевали?

Он сказал сердито:

— Мы не уламы!

— Но и не дронтарцы, — напомнил я. — Давай начнем строить дивный новый мир, в котором с самого первого дня все будет правильно и справедливо?.. Ну, как сможем.

Он поиграл желваками, глаза сердитые, проговорил с усилием:

— Да, ты прав, хотя прав, как какая-то древняя ящерица, для которой все люди — муравьи...

— Муравьи, — сказал я, — это хорошо. Они тоже люди.

Он ответил сердито:

— Ладно, согласен. Пусть тут все горит пропадом! Отыщем незанятые земли и будем создавать новое королевство на законах справедливости и еще чего-то там умного и красивого, хоть и не понял.

— Это неважно...

— Главное, — подчеркнул он, — на законах, что придумаем мы, а мы разве можем быть неправыми?

— Здесь не сгорит пропадом, — утешил я. — Не один король, так другой. Ничего не меняется, Фицрой!.. А вот мы можем. Ничего, что я так торжественно?

Он зыркнул на меня с недоверием.

— Ничего, хоть и непривычно. Никогда таким серьезным не видел. Будто и в самом деле готов делать то, что сказал!

Я заулыбался, хотел брякнуть какую-нибудь похабную шуточку, но вдруг ощутил, что во мне сейчас в самом деле раскрыло хлебало нечто благородное и возвышенное. Нельзя такому затыкать пасть, а то вообще умолкнет, и стану стандартным чмо, что над всем хорошим погыгивает, оставаясь полным говном.

Он с недоверием следил за выражением моего лица.

— На рассвете, — напомнил я.

Он кивнул и вышел, а я принялся старательно рассчитывать, как будем двигаться на юг, если солнце не стоит на месте, а компасов не существует, то ли изобрести сложные астрономические таблицы, но я точно не Коперник, то ли положить перед штурвалом мой кинжал, в рукояти которого есть и компас, пусть даже в виде черточки на крохотном экране.

Через некоторое время дверь отворилась, я, еще не поворачиваясь, узнал бесшумный шаг Понсоменера, хотя, как мне кажется, почувствовал его еще в коридоре, скоро в самом деле на скрипочке заиграю, а то и петь начну.

Понсоменер, который в последние дни вообще не попадает на глаза, хотя даже не представляю, чем он занят, сказал со спины равнодушным голосом:

— Глерд адмирал, в море последние два дня плавает корабль.

— Там многие плавают, — ответил я, — а что не так?

— Один и тот же корабль, — пояснил он. — Слишком уж прилип к этой части моря. Даже берега. Вчера плавал

чуть восточнее, сегодня на западе. Будто ищет чего-то. Или что-то ждет.

Я нахмурился.

— Пойдем посмотрим. Это может быть случайностью, а может и опасным. А мы такие везучие, что второе куда вероятнее.

Он распахнул передо мной дверь, словно я дама, а когда двинулись по берегу в стороны выхода из бухты, нас заметил и бегом догнал Фицрой.

— Куда вас несет?

— Купаться, — сообщил я.

— Тогда почему не в заливе?

— Вода пресная, — пояснил я, — и вообще неромантично. Нет борьбы с волнами, возможности утопнуть, быть схваченным кальмаром или русалками...

Он оживился.

— Русалками?.. Можно, я с берега посмотрю?

Понсоменер бросил на него равнодушный взгляд, в котором на миг мелькнуло, как мне почудилось, легкое презрение деда к своенравному и дурашливому внуку.

Береговая полоса здесь на несколько миль вдоль воды заросла могучими деревьями, что значит — присутствие пресной воды сказывается во всей мощи.

Приподняв защитную рыболовецкую сеть зеленого цвета, все трое выбрались на самый край, а там настоящие крупные волны набегают на берег, шелестят галькой.

Понсоменер, ни на что не обращая внимания, кивнул в сторону восточной части моря.

— Видите?.. Сейчас на якоре. Даже парус спустил.

Фицрой спросил быстро:

— И что?

Я проговорил с неохотой:

— Мне тоже как-то не очень нравится этот корабль. Что-то в нем какое-то... не одобряемое моей чувствительной натурой.

Фицрой подхватил:

— А как мне противен! Мне вообще все не наши как-то совсем не нравятся. Даже не знаю почему. Только что в этом мелком суденышке особенного?

— Понсоменер заметил, — пояснил я, — что судно барражирует вдоль наших берегов. Туды-суды, туды-суды... Судя по флагу, корабль из королевства Гарн... Да посмотри в бинокль, деревенщина! Вон Понсоменер сразу сообразил.

Он буркнул:

— Понс у нас вообще соображатель.

— Скорее, — уточнил я, — догадист. Догадывается, чувствует...

Понсоменер промолчал, а Фицрой долго всматривался в свой бинокль, проворчал:

— Хочешь сказать, пронюхали?

— Скорее, — ответил я, — что-то смутно заподозрили. Пара кораблей пропала в этой части моря, а когда нет ни войн, ни бурь, такое заметно. А у них море не просто море, а линейное, что значит вытянутое вдоль берега. Остального пространства воды не существует. Так что примерно понимают, где эта вот непонятная гибель кораблей случилась. Теперь выслали корабль, чтобы понаблюдать и проверить, насколько это правда.

— Похоже, — сказал Фицрой, — о бухте не знают?

Понсоменер ответил за меня:

— Скорее всего.

— Тогда что?

— До чьих-то лохматых ушей дошли слухи, — повторил я, — что в этом районе исчезли их корабли. То ли Бермудский треугольник, потом расскажу, то ли еще что, но осторожные люди решили понаблюдать.

— Если и это суденышко исчезнет, — сказал Фицрой, — то в самом деле что-то происходит?

— Да, — ответил я. — Но если вернется цел и невредим, то все эти исчезновения — очередные бредни пьяных моряков. Сам понимаешь, что нам выгоднее.

Он закусил губу.

— Эх... что же тогда? Потопить сможем, если не застрянем, пока будем выбираться... но на его место пришлют эскадру! И нашим вообще не выйти! Или придется раскрываться.

— До этого времени, — сказал я, — много воды утечет. Хуже то, что если враг увидит наши корабли, то сразу же восхочет осмотреть и береговую линию. Откуда-то же эти корабли берутся? Если подойдет к этому вопросу очень тщательно, точно обнаружит наш секретный проход в бухту. И тогда конец всем нашим планам.

— И что? — спросил он.

— Не раскрываться, — отрезал я. — Запомнили? И оба за другими присматривайте.

На обратном пути, поглядывая на красавцы корабли, увидели, как от одного к берегу стремительно несется шлюпка, с разгона проскрипела днищем по песку лодка.

Выскочил Негрон и придержал ее за нос, пока выпрыгивают матросы, что подтащили ее чуть выше, а то унесет обратно и в заливе.

Негрон вытянулся, ест меня глазами, лицо такое, что брось палку в воду — прыгнет и принесет в зубах.

— Вольно, — сказал я, — как самочувствие, капитан?

Он посмотрел преданно в глаза.

— Глерд адмирал... Я справлюсь!

Я улыбнулся.

— Не сомневаюсь. Только не перепутайте: убрать паруса — это поднять и подвязать к реям, а поднять — это развязать и распустить. А то от волнения начнете по старой памяти... Ха-ха.

Он замотал головой.

— Адмирал, я днюю и ночью на новых кораблях, перешупал и перецеловал там все. Даже во сне веду корабль!.. Это величайшая честь в моей жизни! Я о таком корабле даже мечтать не мог. Никто из нас не думал, что такое возможно!

— А когда-то привыкнут, — сообщил я, — и будут бурчать, что маловаты, невместительны, тихходны...

Он посмотрел на меня почти что с возмущением.

— Никогда такого не будет!

Я кивнул, спорить незачем, такое время придет — и все увидят. Понсоменер и Фицрой попрощались и ушли с Негроном, а я вернулся в свой домик.

Глава 11

Ощущение вселилия все чаще сменяют волны чуть ли не паники: слишком большой кусок откусил, могу подавиться. Голова разогрелась от перепуганных мыслей вроде того, все ли предусмотрел, так ли поступаю, все ли нужное беру в поход, не забыл ли что-то важное, а возвращаться будет поздно.

С кряхтением поднялся из-за стола, разминая спину, подошел к окну. Бухта как на ладони, все три корабля смиренно замерли на привязи, ждут ночи, а потом утра.

Не знаю, у кого как, но для меня корабли со спущенными, как говорят, а на самом деле подвязанными к реям парусами выглядят вроде больных и сильно исхудавших людей.

Моряки довольно быстро начинают воспринимать корабли как больших животных, когда послушных, когда норовистых, иногда веселых и беспечных, как дельфины, иногда испуганных штормом, блеском молний и грохотом с неба, а я такими видел еще на стапелях, где сперва появ-

лялся позвоночник, потом ребра, а в конце все обтягивали кожей обшивки.

Сейчас же, худые и смиренные, ждут команды распустить паруса, тогда они во всей красе, вовсе не худые, потому что паруса — это их вздутые мышцы, их сила.

Неслышно приоткрылась дверь, я ощутил это по ворвавшемуся свежему воздуху, вошел непривычно тихо Ваддингтон, без парадного топанья и звяканья металлом доспехов, но я учуял и его по запаху, уже умею, повернулся.

Он поклонился и сказал негромко:

— Глерд адмирал, задержали двух. Прошли через все три кордона. Обнаружили только, когда начали проситься на корабли. Дураки какие-то. Как проходить тайком заставы — умные, а тут совсем идиоты.

Я нахмурился.

— Охрана прохлопала ушами?.. Доставить обоих ко мне!

— Сейчас распоряжусь. Мне присутствовать?

— Нет, занимайтесь своими делами.

— Глерд адмирал...

— Глерд...

Он удалился, а минут через десять в комнату толкнули двух худых голых до пояса мужиков среднего роста и с невзрачной мускулатурой. Руки у обоих туго связаны перед собой, лица испуганные, в глазах настоящий страх людей, которых настолько пугает вид оружия, что даже сами ни за что не возьмут его в руки.

Я оглядел обоих внимательно, жестом велел стражам выйти за дверь. Когда за последним захлопнулась дверь, поинтересовался:

— Ну и почему вы здесь?

Один ответил слабым дрожащим голосом:

— Мы без работы... Услышали, что здесь нанимают, вот и пришли.

— А как охрану миновали? — спросил я.

Тот же мужичонка ответил за себя и приятеля:

— Где ползком, где перебежками... Мы же ночью.

Я обошел обоих вокруг, вернулся и сел за стол. Оба продолжали наблюдать за мной испуганными глазами.

— Ладно, — сказал я. — Дело даже не в том, как именно прошли охрану. Дело в том, что я вижу, кто вы. Можете освободиться от веревок, а потом рассказывайте всю правду.

Оба смотрели на меня с раскрытыми ртами, потом один спохватился, быстро-быстро задвигал руками. Кисти истончились, веревка сползла кольцами и свалилась на пол.

Он тут же развязал второго, тот с облегчением начал разминать застывшие пальцы.

— А второй сам не может? — спросил я.

Первый сказал виновато:

— У него кости уже закалились. Но зато крепче моих.

— Ладно, — сказал я, — теперь давайте правду. Тебя как зовут?

— Серый Мох, — ответил первый. — А это Зеленый Мох.

— Брат?

— Нет, но... родня. Хоть и далекая.

— Как и все вы друг другу, — буркнул я. — Ну?

— В наши земли прибыли люди Братства, — сказал он отчаянным голосом. — От них не укрыться, они сразу видят, что мы не люди. И сразу убивают. У них есть защита от нас и есть оружие, что убивает моментально. Мы бессильны!.. И тогда мы двое решили мчаться к вам, глёрд Юджин.

— Постойте, — прервал я, — почему ко мне?

Серый Мох сказал с надеждой:

— Среди остатков нашего племени прошел слух, что вы, как и люди Братства, тоже узнаете нас сразу, но не убиваете, а напротив — даете защиту!..

— Гм, — сказал я с досадой. — Мне как-то не хочется влезать в местные дразги и разборки.

Зеленый Мох все еще молчит, только смотрит с утробной надеждой, а Серый сказал умоляюще:

— Глерд Юджин... Мы вымираем. Нас осталось совсем мало.

Я поморщился, поинтересовался:

— Знаете ли... чистая благотворительность — редкая вещь. Вы чем-то пригодиться можете?

Серый Мох сказал тихо:

— Мы от вашего замка в Нижних Долинах добежали сюда за ночь. Хотя несколько раз останавливались, спрашивали дорогу.

Я подумал, сказал мудро:

— Ну вот, так лучше. Я дам вам покровительство не из унижающей вас жалости, у химер тоже должна быть гордость, а из чувства личной выгоды. Не знаю еще, где и как, но ваша скорость может пригодиться. Идите к кораблям, будете выполнять подсобные работы, а завтра должны быть на палубе. Нет, лучше в трюме. Мы выступаем в море!.. Да, кстати, имена у вас не очень... Надо подумать... Да что тут думать! Ты будешь Серым, а ты Зеленым. Вполне привычные клички.

Они оба торопливо поклонились.

— Глерд адмирал! Мы изо всех сил будем стараться...

Я жестом отправил их в коридор, где-то уже успели подслушать, что велю называть себя адмиралом, быстро схватывают, морды. Ну да ладно, не думаю, что с ними будут проблемы.

Эти двое самцов угрозу популяции на новых землях не составят, понятно, а остатки их некогда огромного племени можно вывезти на один из удаленных островов, откуда не сбегут. Пусть живут и даже размножаются в новом счастливом мире... ограниченном со всех сторон бескрайним океаном.

В дверь стукнули, заглянул один из стражей.

— Что с ними?.. Зарубить?.. Повесить?

Я отмахнулся.

— Отправить на корабль, что посреди залива. И пусть там сидят в трюме.

Он ответил с готовностью:

— Будет сделано!

Исчез за дверью с таким радостным видом, словно отвезем обоих в море и там обязательно утопим. Как же любит народ развлечения и увеселения, ничем не истребишь эту тягу к счастью.

Еще сутки загружали все три корабля продовольствием, досками, рулонами парусины для ремонта, инструментами. Я лично перенес на флагман ящик со снайперской винтовкой и велел врезать его там в брус на капитанском мостике, чтобы ни водой не смыло, ни вор не стянул, а насчет открыть замок, узнающий меня по капиллярной сетке ладони, тут я спокоен, как три слона.

Наконец все три загружены, капитаны ходят со списками и проверяют, ничего ли не забыли. Я сошел на берег, надо навестить Рундельштотта, что-то старый мастер затих, будто задумал хитрое.

С берега ко мне торопливо спустился на разгоряченном коне всадник в легких доспехах из кожи.

— Глерд Юджин!.. — прокричал он. — Разъезд глерда Марфли остановил двух всадников. Говорят, им нужны вы.

— Что за всадники? — спросил я недовольно. — Если плотники, пусть идут к Дорригану. Нет, Дорриган для простых плотников теперь слишком высок...

Он почтительно прервал:

— Это совсем не плотники.

— Каменщики?

— Глерд адмирал, — сказал он с усилием, — это люди Ордена Алого Света.

Я вздрогнул. Молнией пронеслась мысль, что химеры в чем-то прокололись, а это чревато. Ссориться с этим могущественным Орденом, который вообще-то стоит на защите человечества, как-то вовсе не с руки.

— Не пропускать, — велел я. Подумал и добавил: — Я выеду к ним навстречу. Это будет выглядеть почтительнее и как знак уважения перед Орденом.

Еще издали, только заведя гордую посадку обоих всадников, я ощутил, как неприятно заныло в груди. Чувство поражения стало таким острым, что инстинктивно придержал коня, лучше бы поскорее уйти в море и не связываться...

...но я здесь, не в море, и, тяжело вздохнув, с неохотой послал коня вперед.

Оба всадника держатся с подобающей им властью, посадка в седлах гордая, лица суровые, изрезанные глубокими морщинами, что придает им жесткое выражение.

И хотя на каждом по красивому камзолу, где много места занимают золотые нити, но у того и другого они небрежно распахнуты на груди, а там холодно и победно блистают великолепным металлом кирасы.

Я заставил себя широко и жизнерадостно заулыбаться издали, приветственно помахал рукой.

— Я и есть глерд Юджин!.. С кем имею честь?

Оба всадника даже не поклонились, один произнес холодно:

— Лорд Бревенсток к вашим услугам. Старший командор южных земель Дронтарии.

— Э-э-э, — сказал я, — простите, для меня такой титул... звучит впервые...

Бревенсток сказал так же холодно:

— Это значит, что в этих землях я представляю интересы Ордена Алого Света.

Я сказал как можно радостнее:

— А-а, как же, как же, наслышан!.. Вы ведете долгую и праведную борьбу против химер... Нет, скажем точнее, ведете борьбу за человечество!

Оба переглянулись, Бревенсток сказал чуть благожелательнее:

— Вы прекрасно улавливаете суть, глерд Юджин. Чего не все понимают даже в нашем Ордене. Мы в самом деле боремся не против химер, а за человечество.

Я сказал бодро:

— Счастлив встретиться со столь благородными людьми!.. Могу я предложить вам гостеприимство в моем замке Медвежий Клык? Это близко, если бы не вот тот лес, мы бы увидели его крышу.

Бревенсток покачал головой.

— Нет времени, глерд. Мы идем по следу.

— Химер? — спросил я. — Как же хорошо, что вы существуете!.. Такой Орден просто необходим. Я вообще считаю, что деятельность вашего Ордена нужно не только всячески поддерживать, но и расширить!

Они снова переглянулись, второй смолчал, а Бревенсток поинтересовался:

— Что вы имеете в виду?

— Химеры, — сказал я твердо и с пафосом, — должны быть только одной из целей. Необходимо также искоренять колдунов, магов, чародеев и волшебников! Не секрет, что на словах короли с ними ведут борьбу, но втайне дают приют тем, кто лично им может быть полезен, а это наносит ущерб.

Бревенсток всмотрелся в мое лицо острым взглядом.

— Глерд... вы уверены?

Я изумился:

— Что короли дают приют? Но об этом знают многие!

— Нет, — уточнил он, — что нужна война и с колдунами?

— Абсолютно, — сказал я с жаром. — Колдуны погружают народ в темные суеверия!.. И не выпускают. Им выгодно невежество! Потому нет прогресса, нет движения. Нужно бороться с этим мракобесием, уничтожая всех, кто прибегает к магии!.. Уничтожив по окраинам, можно подступиться и к королям, создав общественное мнение насчет недопустимости... И тогда даже короли не смогут идти против коллективного мнения просвещенных глердов и ваших лордов. Разве вы так не считаете?

Второй молчал, рассматривая меня недобрыми глазами, а Бревенсток проговорил медленно:

— У нас начинают раздаваться и такие голоса.

— Только начинают? — спросил я огорченно. — Почему так осторожно?.. А-а-а, у вас там все старые...

Он кивнул.

— Да, старые и мудрые. Потому руководство полагает, что начинать еще и такую войну пока преждевременно... Нужно завершить сперва более важную задачу.

— Химер?

— Да.

— Колдуны тоже химеры, — сказал я, — хоть и не химеры, но все равно химеры! Борьба должна быть беспощадной и до победного конца.

Он чуть улыбнулся.

— В вас говорит молодость, но я вас, глерд Юджин, поздравляю с верным пониманием!

— Спасибо, — ответил я с достоинством. — Полагал, это очевидно.

Он невесело усмехнулся.

— Очевидно для тех, кто понял. Сейчас же мы просим пропустить нас на охраняемую вами территорию. След беглецов ведет туда.

Я выпрямился и заверил с достоинством:

— Маловероятно, что ушли на мои земли. Тем более в особо охраняемую часть. У нас очень опытная стража!

У всех амулеты, выявляющие нечисть, химер и колдунов. Но, если что вдруг... их тут же казнят самой мучительной смертью! Я не потерплю, чтобы какая-то мерзость приняла благородный человеческий облик! Это оскорбительно и недопустимо.

Бревенсток вздохнул и сказал резким голосом:

— Нам нравятся ваши слова, глерд. Но все же просим пропустить нас через ваши кордоны. Такая у нас работа — выявлять и карать химер.

— Целиком и полностью одобряю вашу деятельность, — сказал я с нажимом. — Химер нужно истребить полностью! Как уже сказал, еще и магию — что зло, причем любая. Однако, скажу честно, мне все же не нравится, что кто-то пытается вершить суд в моей земле, где я отвечаю за все и потому только я могу выносить приговоры. Любое посягательство на суть и расправу в моих землях подрывает, как вы понимаете, мой авторитет. А он должен быть для народа непререкаемым.

Бревенсток сказал мягко, что резко контрастирует с его жестоким лицом:

— Судя по всему, вы бы вынесли точно такой же приговор. Если не жестче, вы так молоды... а молодость склонна к насилию.

— Может быть, — согласился я. — Но меня задает, как вы понимаете, что на моих землях и без моего согласия... Впредь прошу вас сперва информировать меня о своих намерениях.

— Глерд?

— На моей земле, — пояснил я. — И спрашивать моего разрешения. Только так вы можете получить мою помощь и поддержку.

Бревенсток покачал головой, во взгляде промелькнуло снисходительное сожаление.

— Вы не представляете, какие у нас силы. Нам не нужны разрешения и помощь. Мы все делаем сами.

— Я не делегировал вам такие полномочия, — отрезал я дерзко. — Потому запрещаю кому-либо творить суд на моих землях!

Он сказал успокаивающе:

— Мы не враги. Мы, если вам это будет понятно, стоим над королевствами. Нам все равно, кому принадлежат земли: Дронтарии, Уламрии, Нижним Долинам... Везде живут люди, которые нуждаются в нашей защите.

— Стоите над королевствами?

Он кивнул.

— Точно.

— А королевства об этом знают? — спросил я.

Его лицо дернулось.

— Это не обязательно, — ответил он в раздражении. — У королей (вы же их имеете в виду, не так ли?..) свои простенькие цели. У нас другие, гораздо более... высокие.

— Мне это нравится, — сказал я с апломбом. — Должно же быть что-то более высокое, чем просто власть? Глерды, я полностью на вашей стороне. И с жаром поддерживаю вашу деятельность. Готов помочь... но не могу поступиться принципами. Я хозяин на этих землях или не хозяин?.. Это дело чести!

Спутник Бревенстока пробормотал:

— Дружище, а пусть юноша все сделает сам. Нам нужны помощники на местах. Что мы все сами и сами?..

— Вы можете принять меня в Орден Алого Света, — предложил я.

Оба смотрели на меня с интересом, наконец Бревенсток покачал головой.

— Это не в нашей власти. Однако мысль интересная... Что, если передам вашу просьбу Верховному Командору?.. А он решит окончательно.

— А пока можете дать мне ваш Устав, — сказал я, — и Правила. Я подучу, чтобы не осрамиться при собеседовании.

Оба переглянулись уже с улыбками.

— Устав мы с собой не носим, — сказал Бревенсток. — Пересказать тоже не беремся, там слишком много правил и положений... Но, обещаю, вы получите экземпляр.

Второй добавил:

— И еще больше вам захочется быть с нами. Прощайте, глерд!.. Вы нам понравились.

Я смотрел, как оба повернули коней и направились хоть и не в обратную сторону, но все же на запад, где, как я смутно помню, расположены земли моего соседа Слейна Келли.

Ваддингтон, держа полдюжины охраны наготове, оставил их жестом на месте, а сам пустил коня в мою сторону.

Пока оба жеребца ревниво рассматривали один другого, поинтересовался с тревогой в голосе:

— Мне показалось, эти двое не очень дружелюбны?

— Не очень, — согласился я, — но они со всеми так. Это люди Братства, как называют в народе. Братства Людей. Или, по-старому, Ордена Алой Зари.

Он охнул.

— Чего им надо?

— Возжелалось посмотреть, — объяснил я, — что строим в такой тайне. Дескать, им можно, они работают не на правительство, а на идею.

Он сказал возмущенно:

— Еще чего!.. Какие еще идеи?

— Вот-вот, — подтвердил я. — Время идей еще не пришло. Когда решим, тогда и придут. Именно те, что ведут к культуре и прогрессу. А пока никого не пропускайте и впредь!.. Даже если придут с прямым посланием от его величества короля Астрингера.

Он напрягся, лицо отвердело.

— Глерд?

Я смерил его внимательным взглядом. Ишь как ошестинился, за короля готов убить кого угодно и сам умереть, если получится, красиво и на виду знатных дам.

— Мне совсем нетрудно, — объяснил я, — выехать на встречу. И проверить, в самом деле его величество что-то желает сообщить? Или же какой-то хитрый жук таким образом пытается проникнуть в наши тайны?.. А если он работает на Гарн?

Лицо его побелело и вытянулось.

— Ни за что, глерд Юджин! Костями ляжем!.. Спасибо, вы правы, с письмом от его величества могут быть вовсе не люди от его величества! Письмо, страшно подумать, может быть вовсе фальшивым!.. Как вы предусмотрительны, как вы хорошо все учитываете...

Я отмахнулся.

— Дорогой Вэнсэн, я не зря адмирал. Нам, адмиралам, надо учитывать все-все на свете, хотя и требуют от нас больше, чем от простолюдина с сохой. Можете на меня положиться так же, как я полагаюсь на вас!

Он поклонился, ощутив по моему тону, что адмирал все сказал и отпускает, повернулся и удалился почти церемониальным шагом, словно я памятник Неизвестному Глерду.

Глава 12

Флагман я осматривал не то чтобы особенно тщательно, хотя именно отсюда буду рулить эскадрой, но здесь и запас гранат и мин, а также ящик с патронами для новой снайперской винтовки нужно предусмотреть, чтобы никто из любопытных даже не коснулся.

Тем более что любопытные могут быть не просто любопытными, знаю по себе, под кого только не косил, а раз

сам такой, то знаешь или хотя бы предполагаешь, как и что заштитить, а где и поставить ловушки.

Продолжая осматривать, я спустился в трюм, там в темноте в углу скрючились две жалкие фигурки.

— Ну что, — сказал я, — меня видите? Я вас вижу хорошо и четко.

Оба поднялись, встали передо мной, изможденные и худые, на лицах страх и надежда.

Я сказал им негромко:

— Где-то вы наследили. Не умеете прятать концы?.. Что же вы за химеры? Я и то умею, а вы должны вообще... В общем, по вашему следу прибыли двое из Ордена Алого Света.

Зеленый дернулся и в ужасе прижался к стене, а Серый спросил прерывающимся голосом:

— Они... здесь?

Я покачал головой.

— На свои земли никому ступать не разрешаю без моего ведома. Тем более не позволяю творить суд и расправу. Однако не расслабляйтесь! Пока не выйдем в море, вы в опасности. Эти рыцари Ордена могут попытаться проникнуть и сюда. Кто знает их возможности?

Зеленого трясло, я отчетливо слышал, как стучат зубы, а Серый прошептал в ужасе:

— Мы не высунемся из трюма!

— Это ненадолго, — сказал я успокаивающе. — Завтра-послезавтра. У нас почти все готово.

Серый смотрел на меня такими благодарными глазами, что стало неловко. Мелькнула мысль, что ничего зря не дается. Точнее, если что-то и дается, то обязательно за счет чего-то. Можно завидовать силе огров, но это как раз тот ясный случай, когда сила есть — ума не надо, или еще лучше: сила — уму могила. К тому же у огров из-за их огромного роста и мощи повышенная утомляемость, они вынуждены отдыхать втрое больше, чем люди. То же самое

с остальными химерами: все, у кого способности выше человеческих, в чем-то важном да обделены.

Я сказал с сочувствием:

— И вообще старайтесь не высовываться. Я имею в виду, что, и когда выйдем в море, не выказывайте окружающим свои возможности. Но если что — сразу же сообщайте. Я постараюсь защитить вас хоть от Братства, хоть от чего угодно. Возможности мои не беспредельны, однако я сильнее, как мне кажется, своих соседей по глердству.

Серый низко поклонился.

— Вы спасаете нас!

— Спасаемся вместе, — сказал я как можно мягче. — Я такой же, как и вы, только это не так заметно. Вообще между людьми и химерами нет четкой границы. Переход такой медленный и постепенный, что и не заметишь, если смотреть не на крайности... В общем, здесь вы в безопасности.

Он спросил с надеждой:

— А потом на кораблях...

— На кораблях, — заверил я, — вас точно никто не достанет. А еще я рассчитываю отыскать в океане земли, где нет ни Ордена Алого Света, ни вообще никаких законов.

Серый вздохнул с мольбой.

— Только бы это случилось.

— Завтра-послезавтра, — повторил я. — А пока не то что на берег, даже на палубу не высовывайтесь. Вполне возможно, рыцари Ордена могут тайком пройти через все наши заслоны. У них много своих секретов и возможностей, но на середину бухты, как надеюсь, им не попасть.

Зеленый впервые заговорил тонким жалобным голосом:

— Мы из трюма не высунемся!

— Когда-то придется, — возразил я. — Вот что, люди...

Оба дернулись и посмотрели на меня с недоумением и надеждой.

— Вот что, люди, — повторил я, — у команды все равно возникнут вопросы, кто вы и почему здесь, если не моряки и точно не воины... Нет, слушайте сюда!

Серый, раскрывший было рот, захлопнул его и посмотрел виновато, а Зеленый ткнул его локтем в бок.

— Ваша легенда такова, — сказал я. — Некий знатный глерд возжелал изнасиловать вашу жену или сестру, тут сами придумайте, но так, чтобы не запутаться и не противоречить один другому, а вы этого глерда немножко убили.

Серый вскрикнул, глаза выпучились.

— Мы?.. Да мы и муравья...

— Муравьев нельзя, — отрезал я, — людей можно. Муравьев в раю будет полно, всех примут, а вот людей поштучно. Вы убили глерда, а потом убежали!.. Понятно?.. И спрятались здесь, чтобы уйти в океан, где нет вообще никаких глердов... Эта легенда всем понравится. Глердов простой народ не любит, а когда узнает, что один вел себя безобразно, а вы его хрюкнули, вас еще и зауважают. Поняли?

Серый сказал дрожащим голосом:

— А нам поверят?

— Загнанные в угол дерутся даже зайцы, — сообщил я. — Вы как раз такие зайцы. Вы же не нападали, а защищали женщину! За женщину можно убить кого угодно. Как обычно и делается. Так что поверят, обычное дело. Все, теперь сидите и ждите выхода в море. Этот мешок вам, здесь еда.

И, не слушая их жаркие благодарности, я поднялся по лестнице вверх на палубу, а оттуда по ступенькам почище и покрасивше взбежал на капитанский мостик.

Солнце припекает, мелькнула мысль, прыгнуть бы прямо с борта и к берегу где кролем, где брассом, но не поймут, я же глерд, должен только на лодке с гребцами, гордо выпрямленным и с упертой в бок рукой.

Когда лодка причалила к берегу, навстречу уже спешит Фицрой, отвел меня в сторонку, я насторожился, очень уж держится таинственно, а он сообщил тихонько:

— На твоём флагмане в трюме прячутся двое.

Я насторожился.

— А ты с ними... общался?

Он пожал плечами.

— Зачем? Я решил, это каторжники, которых ты определил в такую вот тюрьму, откуда не удрать. Если, конечно, плавать не умеют. Или плавают слабо. А что... с ними что-то особенное?

Я поколебался, говорить не говорить, но Фицрой не тупой деревенский мужичок, взгляды шире, вон и Понсо-мёнер у нас какой-то странный, но с ним дружит, сказал медленно:

— Фицрой... мы в таком положении, что все время нарушаем какие-то законы. Даже законы Дронтарии. Хотя король и в курсе, но если наша затея с кораблями раскроется для общественности, он нас вынужден будет арестовать.

Он сказал в нетерпении:

— Не надо этого виляния. Говори прямо.

— Прямота в том, — сказал я, — что эти двое в трюме — химеры. Прячутся от Братства Людей, что истребляет химер вот уже сотни или тысячи лет, не знаю.

Фицрой нахмурился, некоторое время двигал складками на лбу, удивительное зрелище, еще никогда не видел, чтобы Фицрой так заметно задумывался.

— А может, — спросил он в нерешительности, — люди из Ордена Алого Света правы?

— Может, — буркнул я. — Более того, правы в самом деле. Я их деятельность одобряю. В целом и общем. Но...

Я запнулся, он спросил почти враждебно:

— Что за «но»?

— В моем королевстве, — ответил я, — когда-то истребляли местные племена злых и жестоких людей, которые никак не хотели уживаться. Наши воины убивали мужчин, женщин, детей, а селения сжигали дотла... Так длилось сотни лет, но когда тех остались жалкие остатки, наши внезапно сжалились и, выделив побежденным некие резервации, дальше помогали им существовать, давали еду и одежду... Их уничтожаемую письменность начали собирать, записывать их языческие песни... Понимаешь?

Он покачал головой.

— Что-то чувствую, но не понимаю.

— Сейчас те из химер, — пояснил я, — что не в лесу или пещерах, а стараются ужиться среди людей, кажутся чем-то вроде... вроде калек! Что уже не воюют, а приползли, истекая кровью, к нам за помощью.

Он хмыкнул:

— Хороши калек! Они сильнее нас.

— Но если хотят быть, — возразил я, — как мы, то, значит, не сильнее?

Он поморщился.

— Значит, у нас есть то, чего у них нет. Хотя и не знаю, что у нас лучше. И видят это они, а не мы. Тогда да, им можно покровительствовать. Кто выше нас — тех уничтожать, кто ниже — того защищать.

— Хорошая логика, — сказал я с завистью. — Простая, ясная. Завидую тебе, Фицрой. Ты такой цельный! Как скала из единого камня.

— Без вкраплений? — спросил он и расхохотался. — А я считал себя таким цветным и ярким!.. Ладно, если думаешь их как-то использовать, то они и под моей защитой. И не брешь, что еще не придумал!

— Не придумал, — сознался я. — Но, конечно, их возможности поставим себе на службу, иначе что я за политик?.. Но только о них никому! Я и тебе сказал только

потому, что если окажемся где-то врозь, чтобы ты воспользовался ими как химерами, если прижмет.

Глаза его стали серьезными, он сказал негромко:

— Спасибо.

С двумя разведчиками он продолжал наблюдать за далеким кораблем весь день, вечер и даже ночью. С вечера тот отодвинулся от берега как можно дальше, чтобы только держать сушу в виду, и так торчал всю ночь, а с утра начал лениво ползать взад-вперед, опять же не приближаясь к берегу, но держа его под наблюдением.

Я собрал в своей комнате капитанов на последний для них инструктаж перед выходом в море. Явился даже Рундельштотт, давно отдохнувший, в какой-то мере отолсто-мордевший, вином от него пахло, почти как от Фицроя.

— Все готово? — спросил я требовательно. — Как вы уже знаете, один из кораблей Гарна постоянно курсирует в море. Он вполне может заметить нас еще в момент, когда покидаем бухту. А это конец нашей секретности!

Капитан Негрон поинтересовался:

— Разве мы выходим не в ночь?

— Ночи что-то слишком ясные, — сказал я сердито. — Надо быть наготове и следить за погодой. У нас кто-нибудь есть, чтобы предсказал, когда изменится?

Понсоменер слушал молча, но когда мой взгляд упал на него, проговорил, почти не двигая губами:

— Эти сутки погода будет ясная, а на следующий день тучи надвинутся к вечеру.

— Хорошая новость, — сказал я бодро. — А надолго?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Но первая половина ночи будет темной.

— А потом?

— Не знаю, — ответил он. — Может быть, мастер Рундельштотт скажет?

Рундельштотт язвительно проговорил из своего угла:

— Я тебе что, бабка-шептуха?.. У меня суставы на погоду еще не болят.

— Значит, — решил я, — во второй половине ночи ожидается переменная тучность. В смысле, облачность. Надо успеть при постоянной, не люблю перемены, если не от меня. Сегодня боевые учения!.. Весь день. Будем упражняться ходить в кильватере.

— Что такое... кильватер? — спросил Рундельштотт с таким видом, словно он будет стоять у штурвала.

— Рулевого весла на каравеллах нет, — напомнил я. — Там постоянный киль. Кильватер — это курс другого корабля на бурлящую под килем воду. Ее заметно даже ночью. Но лучше не подходить так близко! Ориентироваться по мачтам флагмана, по корпусу корабля, его на фоне неба увидите...

— А тот корабль? — спросил Негрон.

Я отмахнулся.

— С такого расстояния берег в черноте. Пройдем легко незамеченными, если не наделаете ошибок сами. И, конечно, не зажигать света! За нарушение сразу камень к ногам, глерд не глерд, и в воду.

Глава 13

Всю эту ночь ходили по заливу, отрабатывая маневры, а на следующую, как и обещал Понсоменер, небо затянуло тучами. И хотя Рундельштотт предупредил, что ненадолго, скоро ветер разгонит, но я велел начинать нашу сверхсекретную операцию.

Корабли на канатах подтянули к выходу из бухты, убрали маскировочную сеть. Я всматривался в бинокль в далекий корабль, там все спокойно, стоят на якоре, экипаж наверняка спит.

Как и водится, гарнский корабль на ночь отошел от берега подальше, мало ли, подует ветер и выбросит на камни, что губит кораблей гораздо больше, чем самые страшные ураганы в океане.

Мы вывели один за другим все три корабля, я проследил с капитанского мостика, чтобы Роннер Дорриган с командой рабочих и под присмотром Курцера Марфли самым тщательнейшим образом снова скрыли и замаскировали сеть с веточками тайный проход в бухту, и только тогда, не зажигая огни, в полной темноте осторожно двинулись гуськом вдоль береговой кромки.

Фицрой ныл, дескать, уже прошли мимо, ну чего прячемся, нас не увидят, но я, рискуя навлечь интерес случайных зевак с берега, велел идти еще несколько миль, а потом свернем по моей команде круто на юг.

По моим расчетам, даже когда тучи разойдутся, а они уже начинают раздвигаться, мы и от берега отошли достаточно и проходим вне зоны видимости вражеского корабля.

Ваддингтон почти на ощупь поднялся ко мне на капитанский мостик, щеголеватый и подтянутый, несмотря на позднюю ночь, поприветствовал отточенным жестом королевского гвардейца.

— Пока все идет хорошо? — сказал он полуутвердительно. — Команда нервничает, но паники нет. Все работают, как их учили... Канаты видят, и хорошо. А тот парень на верхушке мачты предупреждает, когда сворачивать, если берег слишком уж выпирает в море.

— Понсоменер хорош, — согласился я, — но и вся команда работает так, что не придраться.

Он напряженно всматривался в темноту в сторону моря, я сказал дружески:

— Не туда смотрите, глерд. Сейчас для нас главное — не чужой корабль, а берег. Не врезаться бы сослепу.

Он пробормотал:

— Глерд адмирал, да я опасаюсь больше Морского Бога...

— Кого-кого?

Он сказал торопливо:

— В такие безлунные ночи, говорят, Морской Бог подплывает к самому берегу. И если не рыбаков утаскивает, то может скотину с берега схватить.

— Что, выползает на берег?.. Как кистеперая рыба?

— У него такие огромные руки... Их несколько!

— Либо восемь, — сказал я авторитетно, — либо десять. Если восемь — осьминог, десять — кальмар, двенадцать — Шива, сорок — сороконожка. У вас сороконожки водятся?

Он смотрел на меня в ужасе.

— Вы... знаете... какой Морской Бог?

— Да я этих кальмаров на обед ем, — сообщил я. — Штук по пять. Иногда и на ужин... Это неважно, у нас корабль великоват для кальмара. Тем более осьминога. Хотя они и растут всю жизнь. Просто завидки берут!

Он прервал меня:

— Глерд адмирал... Простите, но... вы ничего не слышите?

— Вода плещется о борт, — сказал я настороженно, — а что еще... Что там за... дельфины резвятся ночью, что ли?.. Я думал, они умнее...

Он прошептал в ужасе:

— Но если... это он и есть?

Я перешел на другой край мостика, внизу в серых волнах почудилось некое движение. Мороз пробежал по коже, там в самом деле проплыло что-то чудовищно огромное и тут же скрылось.

— Глерд Юджин, — прошептал Ваддингтон, — вы видите?

— Пока ничего не вижу, — пробормотал я, а пальцы правой руки уже открыли ящик с кодовым замком. — Ничего особенно опасного.

Он сказал быстро:

— Да вот же!.. Скрылось...

— Ну вот, — ответил я успокаивающе, — а вы волнительствуете.

— Только бы не вернулось!

— Мы ему не по зубам, — заверил я.

— Оно такое огромное...

Не глядя, я пощупал уложенные в ряд гранаты. Оружие всегда успокаивает, но все равно мандражно. Там же рядом в особом деревянном ящике, который я велел изготовить, на бархатном ложе лежит собранная и готовая к стрельбе оптическая винтовка, но и ее как-то стремно применить в условиях, если монстр вдруг вынырнет в двух-трех шагах.

Ваддингтон охнул.

— Вот оно!

Но теперь я и сам увидел, как из волн рядом с бортом корабля поднялась чудовищно громадная туша. Размером с половину корпуса, и это только на поверхности, из воды выпрыгнули громадные щупальца, толстые, как корни столетнего дуба, с силой хлестнули по борту, проломив ограду, пошли шарить по палубе.

Ваддингтон заорал и, выхватив меч, ринулся вниз. Я застыл, не представляя, куда стрелять и что делать, а тут рядом с капитанским мостиком поднялась исполинская голова с выпученными глазами и клювом, как у совы.

Распахнулась пасть, раздался сиплый страшный крик. Я почти инстинктивно цапнул гранату из ящика, сорвал чеку и швырнул монстру в пасть. Кальмар тут же захлопнул, опустился под воду, продолжая шарить щупальцами, кого-то уже ухватил, судя по отчаянным крикам, и потащил с корабля.

Через пару секунд рядом с бортом раздался глухой взрыв. Вода взметнулась невысоким столбом, волны вы-

несли наверх клочья плоти. На месте взрыва продолжало бурлить, вода наполовину с кровью, куски мяса всплывают и всплывают, а щупальца на палубе перестали цепляться за борта.

Даже то исполинское, что ухватило мачту у самого основания, бессильно соскользнуло через борт и вслед за растерзанным туловищем ушло без плеска в воду.

На палубе суматохи не стало меньше, кто-то продолжает стонать, а по ступенькам по мне на мостик взбежал Ваддингтон, растрепанный, мокрый, со следами слизи на камзоле.

— Глерд Юджин! — вскрикнул он. — Что... что случилось?

— Наверное, передумал, — сообщил я. — Ваш Морской Бог передумал.

Он охнул.

— Как это? Да его разорвало, вон все море в его крови! И ошметки по всем волнам!..

— Да ну, — спросил я с недоверием. — Вы точно видели?

Он покачал головой.

— Меня схватили два отвратительных щупальца и тянули за борт. Я рубил мечом, но мой клинок отпрыгивал от этой скользкой дряни. И тут вдруг этот кровавый фонтан из-под воды!

— Лопнул от жадности, — сказал я. — Все равно не смог бы проглотить наш корабль. Дурак он просто. Да и откуда в воде быть умным? Это же понятно, русалки должны быть только красивыми и послушными...

Он сказал хрипло:

— Но мог перевернуть корабль, а упавших в воду похватал бы! Как гадостно воняет... Пойду переоденусь. А то я сам теперь похож на рыбу.

Я принял.

— Пахнете кальмаром, глерд... Они такие вкусные! Говорю же, когда-то я их ел десятками. Какое было время!

Он не успел спуститься, как на мостик взбежал Фицрой, веселый и чистенький, на ходу красивым жестом, почти не глядя, бросил меч в ножны.

— А ты знаешь, — сказал он ликуяще, — одно щупальце все-таки обрубил!.. Никто не мог, а мой меч с легкостью!.. Ну, не совсем с легкостью, но обрубил!

— Под корень? — спросил я насмешливо.

— Тебе еще и под корень, — сказал он с укором. — Бедный зверь и так взвыл!.. Тебе если отрезать палец, будет больно?.. Вот так и ему. Надеюсь, ты его убил, не ранил?.. А то будет гоняться за мной, мстить...

— Животные не мстят, — сказал я солидно. — Это все выдумки.

— Да ну? — сказал он с недоверием. — А я столько слышал... Ладно, что теперь?

— А теперь будет страшнее, — сказал я зловещим голосом. — Еще чуть пройдем и свернем на юг.

Он поежился.

— Тогда пойду посплю.

— Стоит ли, — сказал я. — Сколько той ночи... Тот корабль видишь?

Он долго всматривался в серое море, покачал головой.

— Нет.

— А они нас, — ответил я, — тем более. Пожалуй, в самом деле можно и поворачивать на юг. В сторону океана.

Он промолчал, стоя плечом в плечо на корме, и всматривался в бинокль, переводя взгляд с проплывающего мимо берега на ползущие в кильватере корабли.

— Опасный маневр, — проговорил он очень серьезным голосом.

— Еще бы, — пробормотал я. — Но вот так... на малой скорости... уйдем за грань видимости шпиона... а там круто повернем в море.

Он шепнул:

— Я не о том.

— Что? — переспросил я. — А что еще?

Он сказал совсем тихо:

— Поплывем через море... Бр-р-р-р, даже подумать страшно. А там, например, команда вдруг взбунтуется и вздумает направить корабль, скажем, к Гарну?.. Не этот, так один из тех двух?

Я продолжал рассматривать идущий следом за нами корабль Негрона, идет уверенно, не рыскает, суеты на мачтах и палубе не видно.

Фицрой помолчал, ожидая моей реакции, я наконец пробормотал:

— Зачем?

Он сказал сердито:

— Чтобы передать королю Гарна Ваннелю Гиллеспаю корабль и все секреты, как такие гиганты строить!.. У тебя же не просто моряки, но и строители!

— Никто не решится, — напомнил я. — Я такой корабль могу подстрелить на приличном расстоянии.

Он покачал головой.

— Ладно, вот нас застанет шторм. Разнесет корабли в разные стороны, так что потеряем их из виду. Кто-то из капитанов воспользуется случаем и направит корабль к Гарну! Или к Пиксии! Что тогда?

— Во-первых, — сказал я, — команда остановит такого капитана.

— А если и команда будет с ним заодно?

— Это маловероятно, — возразил я.

Он сказал настойчиво:

— Ну, а если?.. Это же вся твоя светлая мечта начать королевство с чистого листа рухнет с грохотом!..

Я помолчал, он смотрел твердо и жестко, наконец-то отыскав щелочку, пусть даже узкую, в которую можно сунуть лезвие ножа и достать до сердца моей мечты.

— Не рухнет, — ответил я со вздохом. — Прогресс должен уметь защищать себя от дураков и мракобесов. Я все продумал. Ну, может, не все, но все-таки многое.

— Почему не рухнет? — спросил он настойчиво.

Я повернулся к берегу и мазнул по нему взглядом. Можно и подальше, хотя здесь нет рифов и мелей, но, с другой стороны, капитаны двух идущих следом кораблей не видят в темноте так, как я и Фицрой, они с трудом различают только мачты нашего корабля и смутные очертания его кормы.

— Фицрой, — сказал я тихо, — я принял меры.

Он некоторое время смотрел с непониманием, потом охнул, схватил меня за рукав, сбивая настройку бинокля.

— Что?.. Как с теми колдунами?

Я кивнул.

— Да, без фокусов. Не обязательно прямое предательство... Если даже кто-то из капитанов вздумает тайком проводить свою политику, как он сочтет, более правильную и справедливую.

— Это... какую?

— Плавать к берегам Дронтарии, — пояснил я, — набирать народ, чтобы переселить на новооткрытый им остров, где провозгласит себя королем. Это не только раскроет наши тайны, что само по себе преступление, но это приведет к новым войнам и захватам... Потому такое лучше пресечь сразу. Основание для казни есть — неповиновение приказу на море.

Он смотрел на меня, вздыхал, отводил взгляд, но через некоторое время я чувствовал, что смотрит на меня исподлобья.

— Вообще-то, — проговорил он наконец, — с тобой можно уйти далеко. К вершинам. Не потому, что арбалеты, они всего лишь немножко облегчают жизнь, но дурак и с ними бы сгинул...

— Ну-ну?

— Тяжелая у тебя была жизнь, — сообщил он. — Вон ты весь какой... Сколько же тебя обманывали, чтобы вот так... никому не верил?

— Что нас не убивает, — ответил я кратко, — делает крепче. Меня не убило и не сломило.

— Значит, — сказал он, — ты здесь чего-то да добьешься. Да и мы с тобой.

Я повернулся, крикнул вниз:

— Рулевой!.. Курс строго на юг! Да-да, прямо сейчас и разворачивай... Фицрой, ты же хотел спать?

Фицрой помотал головой.

— Чувствую, не засну.

— А я попробую, — ответил я. — Тогда покапитанствуй, но ничего не трогай и рот не раскрывай. Просто стой с важным видом и посматривай на всех так, как ты умеешь... утром сменю.

Он заворчал, тихо-тихо обзывая меня всякими словами, чтобы команда не услышала, что умалит мой авторитет, а я спустился вниз и вдвинулся в свою каюту, крепко задев при качке плечом откос двери.

Глава 14

Понсоменер вошел без стука, как-то чувствует, когда можно, когда нельзя, сказал с порога:

— Глерд адмирал... Там был еще один корабль. Я рассмотрел его в бинокль. Но не стал сообщать.

Я вздрогнул.

— А он нас?

Он покачал головой.

— Нет.

— Уверен?

— Мы шли темной ночью, — напомнил он, — луны еще не было. Нет, они нас не почуяли, да и мы прошли далеко, я сам едва их рассмотрел... Так что все хорошо.

Я, все еще встревоженный, переспросил:

— Возможно, там был еще и третий? А то и четвертый?..

Фу, от сердца отлегло...

— Глерд адмирал?

Я пояснил:

— Это значит, о нашей бухте не догадываются. Наблюдение установили за всем берегом Дронтарии. И, думаю, даже не потому, что подозревают в чем-то короля Дронтарии, а пытаются понять, что еще ожидать от корабля, прибывшего из дальнего королевства Гаргалот. Возможно, он громит села и города и на побережье Дронтарии?.. Или пристал к берегу и отправился на грабежи?

Он посмотрел на меня внимательными, ничего не выражающими рыбьими глазами.

— Пора поднять на мачте флаг Гаргалота?

Я охнул.

— Ты прав... Эх, не захватили... Всегда что-то да забудем...

— Я не забыл, — сообщил он. — Сейчас принесу и повешу. Пока темно.

— Понсоменер, — выдохнул я с жаром, — ты просто... незаменим! Это я такая ворона, всегда что-то да забуду, потеряю, топор на ногу уроню, а ты просто... безупречен.

Он кивнул.

— Я сейчас. Только корабли у них могут быть еще и по другой причине.

— Какой? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Не знаю. Это только чувство такое вот.

Он ушел, а я тупо смотрел в закрывшуюся за ним дверь. Какая может быть еще причина?.. Конечно же, только мы, крупный и такой опасный корабль из далекого королевст-

ва, что нанес такой ущерб их строениям в порту, сжег все скопище судов у причала, перебил кучу народу...

Не в состоянии успокоиться, вышел из каюты и поднялся на капитанский мостик, где, закутавшись в плащ, все еще стоит в наполеоновской позе Фицрой.

— Расслабься, — велел я, — твои функции не перехватываю, оставайся таким же важным, а я пока поперипатетикствую.

— Чего?

— Были такие мудрецы, — пояснил я, — соображать начинали, только когда ходили взад-вперед. У них застоявшаяся в заднице кровь при ходьбе начинала подниматься и к мозгам. Их так и называли перипатетиками.

Он посмотрел на мачту.

— Чего это он?

— Понсоменер? — переспросил я. — Флаг королевства Гаргалот, забыл?.. Мы так и не придумали ему историю. Давай тебя объявим наследным принцем?

Он зябко передернул плечами.

— Чтобы меня первым повесили, когда команда взбунтуется?.. Нет уж, хотя придумывать помогу. Правда, с тобой не потягаешься, но все-таки...

Понсоменер уже на вершине мачты, прикрепляет гордое знамя Гаргалота, а я то смотрел на него, то в растерянности оглядывался в сторону уже скрывшегося за волнами берега.

Что Понсоменер имел в виду? Нет, ничего не имел, так и сказал, у него только чувство, но я уже знаю, чувствам Понсоменера доверять можно, нужно только умело трактовать, иначе вообще уйдешь в другую сторону, лучше бы и не трактовал.

Когда он спустился с мачты, кивнул мне и скрылся в кубрике, я все еще перебирал разные варианты, старался понять, почему вдруг целая цепочка кораблей из Гарна, в самом ли деле из-за пары исчезнувших кораблей... пока не

всплыла мысль, что это Антриас дотянулся и сюда, перетягивая Гарн и Пиксию на свою сторону, обещая поделиться добычей за помощь или хотя бы нейтралитет.

Думаю, даже если Гарн и не вступит в военный союз с Уламрией, то все равно постарается как-то воспользоваться войной. Осталось понять как.

С клотика донесся крик:

— Впереди справа по борту что-то громадное! Плышет в нашу сторону... то скрывается под водой, то выныривает.

Фицрой прокричал:

— Эй там у борта!.. Следить за чудовищем!.. Самим не нападать, не дразнить...

Я понаблюдал некоторое время, но все утихло, молодец Фицрой, реагирует моментально и правильно.

Джонадер стоит у штурвала, расставив ноги, рослый и несокрушимый с виду, как скала, гордый и надменный подобно глерду, допущенному управлять королевской казной.

Я положил свой кинжал на доску перед штурвалом, указал на светящуюся стрелку.

— Видишь? Держи строго по ней. Куда указывает, туда и правь. Это нетрудно, никаких отклонений, прямо и прямо.

Он сказал с сомнением:

— А если кинжал сдвинется? Кстати, никогда не видел такого... красивого.

— А сдвинь, — предложил я.

Он сдвинул осторожно, всмотрелся, передвинул в другую сторону. Наконец вообще повернул кинжал рукоятью к себе, охнул.

— Это колдовство!..

— Все, что нам на пользу, — пояснил я строго, — не колдовство. Колдовство — если во вред. Понял? То-то. Держи курс на стрелку. Она указывает верно.

— На богатые острова?

— На юг, — ответил я. — А острова там найдем сами.

Он поежился.

— А как же... край земли?

— Ты его видишь?

Он кивнул.

— Отчетливо... Пусть не земли, а воды, но вода тоже как бы земля, хоть и вода, но она тоже земля, потому что там за ней вообще пустота, ничегошень... Вода дальше вообще обрывается... водопадом! Я даже слышу, как гремит!

— Что, — спросил я с интересом, — в самом деле так громко?

— Нет пока, но если прислушаться...

— Как знаешь, — ответил я. — Главное, держи на юг. Фицрой, иди сюда! Присматривай за ним, пока не пройдем край земли. Или воды, что тоже земля. Ты что-нить понял?

Он кивнул.

— Понял.

— Умные вы тут все, — ответил я со вздохом. — Один я красивый.

Рассвет застал нас в момент, когда не только берег исчез из поля зрения, но и плыли пару часов, не видя ничего, кроме серых волн. На меня посматривают с испугом и ожиданием. Тот рейд, потрясший всех, когда мы вдоль берега прошли на когге к пристани Готверга и там побуянили, сейчас уже потускнел в сознании, сейчас творится что-то намного более страшное и грозное.

Я поднялся на капитанский мостик. Здесь, когда рядом ящик со снайперской винтовкой «СУБ-12», уверенности побольше, вообще чувствую себя настолько крутым, что, наверное, даже петь смогу, хотя никогда не пробовал.

— Слушайте все! — сказал я громко и в самом деле уверенно. — Вы лучшие из лучших и увидите то, что не зрел ни один из смертных!.. Вы твердо знаете, что там конец

света, вода кипит, а потом обрушается громадным таким водопадом в бездну, не так ли?

Они продолжали слушать с испугом и явной тревогой, а Джонадер, что и на каравелле стоит у штурвала так же уверенно, как стоял тогда на когге, спросил громко:

— Адмирал... нам казалось, такие большие корабли строим, чтобы воевать с Гарном и Пиксией?

— Нет, — отрезал я и, видя недоумение на их лицах, сказал громко и отчетливо: — Мы не будем воевать с Гарном! Не будем воевать с Пиксией...

Ваддингтон нахмурился, но ничего не сказал, только что-то шепнул одному из своих гвардейцев.

Я сказал властно и убеждающе:

— У нас другие цели. Не такие мелкие.

Ваддингтон поинтересовался несколько зловещим тоном:

— Гарн уничтожил весь наш флот и разрушил все верфи! Неужели не отомстим? Все мы полагали, что ответный удар и есть истинная цель строительства флота! А отправка кораблей на край мира... это так, слушок, чтобы обмануть возможных шпионов. Если тогда с коггтом мы сумели почти разгромить столицу Гарна, то с этими гигантами точно сможем!

Я обвел взглядом испуганные лица. В самом деле верили, вижу по глазам, что экспедиция на край света — ложный след, а на самом деле начнем привычную возню с войнами, нападениями, блокадой с моря, ограблением чужих кораблей, все уж слышаны, как переносили на свой корабль богатства по законному праву войны, и все будет пусть и опасно, но понятно и предсказуемо.

— Нет, — произнес я как можно более веско. — Нет. Во-первых, у меня ничего не рушили, и я не горю жаждой мести. Во-вторых... сам не хочу тратить жизнь на мелкие свары и не хочу, чтобы тратили вы, мои соратники. Теперь, когда мы далеко в море и даже шпионы не

смогут побежать к своим королям с донесениями, скажу всю правду.

Слышно было только, как волна хлупает о борт да кричат чайки, а вся команда превратилась в один ожидающе распахнутый рот.

— Вы эту правду слышали, — сказал я громче, — но не верили. Мы отыщем в океане острова! Там есть мелкие, а есть и такие, что поместится десяток королевств!.. А есть и вовсе материки, что это такое... поймете, когда увидите. На тех островах могут быть несметные сокровища, которые в наших землях остались разве что глубоко под землей, а когда-то были и на поверхности... Там вы можете взять себе земли сколько возжелаете и никому ничего не платить, даже налоги!.. Кто захочет вернуться, тот вернется богачом!

Они все смотрят горящими глазами, лица воспламенились, хорошую струнку я задел, правильную, это не о культуре и демократии хрюкать нечто возвышенно-туманное.

Джонадер сказал задышающимся голосом:

— Мы верим вам, глерд Юджин!.. Мы с вами через такое прошли, что я даже не знаю... Но все-таки как же край света?.. Как мы спасемся в том ужасном водопаде?

Я ухмыльнулся.

— Край света создан только для слабых. Держите курс прямо на этот край, и он сам трусливо отступит при виде нашей отваги! Тот, кто жаждет увидеть тот водопад, никогда его не увидит. А кто боится... гм... того утащит в бездну даже в его постели. А теперь все за дело!

Рундельштотт предпочитает отлеживаться в каюте, зато Фицрой то и дело поднимается ко мне на мостик, на волны смотрит с недоверием и тревогой.

Мы еще не вышли в океан, но частые мелкие волны постепенно и незаметно сменяются крупными, но не так чтобы волна за волной, а между ними теперь почти ровное пространство, а каждая приближается медленно: высокая,

пологая, ощутимо приподнимает корабль, а потом так же медленно опускает.

Это не страшно, даже забавно, я видел, как несколько молодых матросов даже веселятся от этих новых ощущений, словно попали на бесплатные качели, но кое-кто уже побелел.

Даже Фицрой, никогда не видевший огромных водных просторов, ощутил разницу между морем вблизи берега и открытым морем, когда высокие волны незаметно сменились огромными водяными валами, что накатываются медленно и с королевской неспешностью, крупные, не слишком высокие, настоящие холмы из воды, где на самой верхушке кокетливо белеют кружева ажурной пены.

Корабль режет волны с характерным звуком, который не спутаешь ни с чем, а когда приподнимается, то всякий раз кажется, что набирает в грудь воздуха для новой схватки с морем.

Волны в кружевах белой пены, а когда нос корабля зарывается в воду, плеск превращается в странный шелест, будто дерево врезается в песок, но через мгновение корабль поднимается гордо и победно, в клочьях белой пены на выпуклых боках.

Ее тут же срывает ветерком, корабль продолжает переть мощно и победно, дельфины смотрят с огромным любопытством, начинают гоняться наперегонки.

Оба корабля идут за нами неотступно в кильватере, молодцы, и приказ выполняют, и лишний раз демонстрируют хорошую подготовку команды.

Корабль Негрона, что идет за флагманом, на фоне огромного оранжевого солнца просто невероятное зрелище, а когда из-за края земли выскочило белое и помчалось по небу, словно мячик покатился по огромному огненному шару, мое сердце дрогнуло от восторга.

Какой же дивный этот мир, причудливый и прекрасный! Только теперь начинаю в полной мере замечать его неземную красоту.

Фицрой поднялся ко мне на капитанский мостик, потыкал пальцем в далекие волны.

— А это что там мелькает? Вроде блестящие толстые задницы.

— Везде задницы видишь, — сказал я с укором.

— Но там в самом деле задницы! — возразил он. — Присмотришься.

Я отмахнулся.

— Дельфины.

— Морские девы? — спросил он с надеждой.

— Фицрой, — сказал я, — ну ты чего... Если есть девы с хвостами, то есть и мужики с... хвостами. Так что зря мечтаешь.

— А если мы, — сказал он, — интереснее?.. В воде и рыбы могут, а мы на корабле!.. Говорят же бывалые, они моряков завлекают сладкими песнями и ласками!

— А потом поедают, — добавил я. — Вообще-то Господь, велев человеку размножаться, чуточку переборщил. Он не уточнил, что надо только с людьми, как-то не предусмотрел появление Фицроя...

Он сказал обидчиво:

— А я что?

— Да это я так, — сказал я, — чтобы не увлекался. Жаль будет тебя отдать этим мокрым и пахнущим рыбой. Другое дело, на островах вдруг встретим огрих...

— А что огрихи?

— Так можешь пригодиться, — пояснил я. — Для установления дипломатических отношений.

Он с сожалением проводил взглядом блестящие спины, что красиво выныривают и тут же изящно скрываются под волнами, даже хвостов не разглядеть.

— Ну хоть постреляй, — сказал он.

— Какая ты прелесть, — сказал я растроганно. — Что не удастся... гм... употребить, то хотя бы пристрелить! А то что за жизнь без удовольствий?

— Точно, — сказал он. — Ладно, ты какой-то скучный. Пойду по кораблю пройдуся. Ты заметил, меня уже не укачивает?

— Человек ко всему привыкает, — сообщил я. — Господь знал, впереди еще не такие будут качки. Всякие, разные. И делал нас с запасом прочности.

Глава 15

В море волны хоть и огромные, но, к счастью, не идут, как овцы, тесно одна за другой. Каждую отделяет от предыдущей широкое водное пространство, и даже в бурю эта величавость сохранится, разве что волны станут выше, тогда уже не волны, а настоящие водяные горы, но это дальше, в океане, а мы пока в море, где проще, хотя моя команда уверена, что страшнее уже не будет.

Я на мостике кивком подозвал Фицроя, поинтересовался тихо:

— Как народ?... Мне кажется, не сильно оглушило?

— Сильно, — ответил он шепотом. — Но в тебя верят, что странно. Потому как-то приспособливаются. Хотя, конечно, воевать с Гарном им было бы сподручнее, легче и понятнее.

Я поморщился.

— Что за народ... Сражаться готовы насмерть хоть с людьми, хоть с чудовищами, а вот упасть в водопад страшно до жути.

Он сказал с ухмылкой:

— Страшно, но как интересно! Когда нас понесет в водопаде, увидим, как там и что за краем земли... Интересно

же! В самом ли деле звезды внизу или же будем падать и падать целую вечность?

— Интересная мысль, — согласился я. — В самом деле стоит посмотреть... Эй, Джонадер! Ты слышал?

Джонадер откликнулся снизу от штурвала:

— Я слышу вас, адмирал!

— Нет, — ответил я, — глерда Фицроя? Как он красиво расписал, как романтично падать в бесконечную пропасть, у которой нет дна!.. Так что держи строго на водопад!

Джонадер зябко передернул худыми лопатками.

— Ну и шуточки у вас, адмирал. И так всего трясет. Уже и чудовища морские не пугают, что так и шныряют, так и шныряют.

— Кто твой сменщик? — спросил я.

Он пожал плечами.

— А зачем он?.. Я сам доведу.

— Утро только началось, — напомнил я, — а потом день, не знал? А затем и ночь... А, понял, как я сам не догадался!.. В общем, никаких остановок на ночь!.. Даже в самую безлунную. Держать курс тот же, следить за ветром. Где боцман?

За моей спиной раздался густой бас:

— Глерд адмирал?

Я обернулся в раздражении.

— Ты чего подкрадываешься?

Криба Холден, все такой же широкий и медведистый, жилистый и широкомордый, сказал с достоинством:

— А я и стоял тут. Тихо, как мышка. Я сам слежу за ветром. Если усилится, сразу приспустим, подвяжем... да знаем что делать, глерд адмирал!.. Сто раз в заливе пробовали.

— На клотике кто-то должен сидеть всегда, — предупредил я. — Ты тоже не железный, Криба. Ночь разбей на три вахты, пусть те, кому доверяешь, следят за порядком, но корабль не должен останавливаться, пока есть ветер!

Рулевых пусть ночью сменяют чаще. Гвардейцы днем пусть спят, а ночью бдят во все фибры.

Он кивнул, дескать, все будет сделано, но спросил осторожно:

— Мы торопимся?

— Криба, — сказал я с досадой, — нам и так, не останавливаясь, придется плыть, возможно, месяцы. Все в том же направлении. На юг и только на юг!.. Пока не ударимся медными лбами о небесный свод.

Он охнул:

— Вот так в потемках? Ничего не видя?

— Ничего не видя, — подтвердил я. — А если останавливаться на ночь, то сколько нам тогда, представляешь?.. Да и зачем останавливаться? Сесть под деревом и поужиться? Давая отдых коням?

Он сказал с устранимостью в голосе:

— Не представляю... Если бы по суше, то это десяток королевств как бы прошли?

— Десяток? — переспросил я. — Криба, десятки десятков, если не больше!.. Океан — это океан. Не озеро. И даже не море... Хотя да, океана вы еще не видели. Ладно, уже скоро. В общем, корабль не кони, в отдыхе и кормежке не нуждается.

Он смотрел со странной смесью ужаса, восторга и доверия. Когда-то один из пленников захваченного купеческого корабля из Гарна, он сразу же выдвинулся инициативностью, умением распоряжаться среди своих пленных, а потом и в лагере организовал их в группу, где сообща отстаивали свои интересы, а он вошел во вкус стройки, везде всем интересовался, осваивал как новые приемы работы, так и одним из первых начал разбираться в сложной работе с таким обилием парусов.

Его уже можно было бы боцманом или даже капитаном на третий корабль, но я решил поддержать на своем корабле, присмотреться. Потом, если все пойдет хорошо,

то можно поставить на четвертую каравеллу в самом деле капитаном.

— Это же на всю жизнь хватит рассказывать, — проговорил он с торжеством в голосе. — Если, конечно, выживем.

— Вас всех запомнят, — пообещал я. — Будете первыми людьми, переплывшими океан!.. И, конечно, открывшими новые земли. Мы же не просто так плывем, у нас, Криба, великие цели.

Он поклонился.

— Адмирал!.. Я давно не гардец, я ваш до последней пуговицы.

— Тогда гаргалотец, — сказал я.

За нашими спинами кто-то вскрикнул, я обернулся, исполнинская тройная радуга нависла над восточной частью моря, один конец уходит в воду всего в десятке миль от нас, а второй... второй опускается где-то за краем мира, даже я сейчас ощутил с холодком это вселенское величие, а уж на лица матросов лучше не смотреть, все бледные и с вытаращенными в ужасе глазами.

— Хорошая примета! — сказал я поспешно, пока никто не брякнул что-то свое, люди обычно трактуют приметы к худшему. — Нам открыты врата океана!..

Фицрой сказал за спиной нехстати:

— Так ворота же на востоке.

— Это знак, — сказал я громко, — а не сами врата. Знание свыше!.. Нам знак, что прем, закусив удила и подняв паруса, верной дорогой, товарищи! В светлое и страшное будущее к новым трудовым победам и философским свершениям в деле построения! И мы построим. Такое построим — мало не покажется.

Смотрят с уважением, ничего не поняли, но уверенный голос и жесты убеждают лучше, чем слова, что почти всегда ложь, вождями становятся не самые умные, а самые харизматичные.

Ночью я то и дело просыпался, прислушивался, пару раз даже встал и постоял в раскрытых дверях, поглядывал то на темное небо, то на огромную красную луну, при виде которой у меня всёгда мурашки по всему телу.

Утром Джонадер оглянулся, заслышав мои шаги, широкое лицо расплылось в улыбке.

— Глерд адмирал?

— Ты что, — спросил я с подозрением, — всю ночь стоял?

— Нет, — заверил он, — меня Кербак подменял. На целых четыре часа. Но я поспать успел. Можно сказать, вволю.

Я придирчиво посмотрел на компас. Джонадер проследил за моим взглядом, сказал ревниво и почти обиженно:

— Да на юг, на юг... От курса ни на конский волос!

— Точно? — спросил я сварливо. — Или на ночь останавливался? Почему еще край земли все так же далеко?

Он несмело улыбнулся.

— Да что-то не так... Со мной все так, а с ним нет. Мы же плывем или стоим? Я же вижу, вроде плывем... А он все на том же месте. Ничего не понимаю.

— А шум водопада стал громче? — спросил я.

Он помотал головой.

— Да нет вроде... Мне кажется, иногда совсем затихает. Ерунда какая-то. Все не так, как надо.

Я хлопнул его по плечу.

— Как только увидишь край света близко, я тебя сделаю глердом!

Он в изумлении раскрыл рот.

— А вы... адмирал, имеете право возводить в глерды?

— Доплывем, — сказал я таинственным голосом, — буду иметь. Как в глерды, так и в родовитые вельможи. Вплоть до герцогов. Придет время — вы сами получите право возводить в глерды.

Его рот раскрылся еще шире.

— Но... как?

Я ухмыльнулся.

— На новых землях всякий при желании и трудолюбии может стать герцогом!

В полдень ярчайший зеленый луч ударил из глубин моря, пробил волны и достиг низких туч.

Матросы столпились у борта, тыкают пальцами, дивятся, начали гадать, что это значит, однако у всех приметы только для суши, вскрикивали и охали, я сам такое вижу впервые, но сделал вид, что это же обычное дело, на меня смотрят, нужно держать лицо кирпичом, я не просто капитан, я олицетворение нашей победоносной поступи.

Зеленый луч, широкий, как башня, но издали тоньше вязальной иглы, вонзается в темное и быстродвигающееся месиво, а тучи тупо бегут, не замечая, что острый клинок распарывает им внутренности...

— Не отвлекаться, — прикрикнул я, — еще не то увидим. Все приметы, какие увидите, нам на пользу!

На меня оглядываются, но я картинно уверен, и тоже возвращаются к своей работе, хотя и поглядывают, как этот широкий столб трепещущего огня соединяет волны и тучи, единственное, что не двигается в этом непостоянном мире.

Фицрой взбежал ко мне, ясный и выпавшийся, живое доказательство, что человек ко всему привыкает, и потому ему начертаны великие дела.

— Это мне кажется, — поинтересовался он, — или ты начинаешь оживать... можно так сказать?

— Это как? — спросил я.

— Раньше ты был совсем овцой, — пояснил он. — В каменоломне, помнишь, что скажут тебе, то и делал. Даже непонятно, сам ты что-то хотел?..

Я подумал, ответил без уверенности:

— Наверное, это инстинкт стаи?.. Каждый волк что-то приносит в стаю и тем самым крепит ее силу. Моя прежняя

стая была настолько чересчурная, что даже не пытался в ней что-то делать. Все равно не заметят, а мои усилия, будь они за или против, ничего не изменят.

Он посмотрел с интересом.

— А хотелось?

— А кому не хочется? — спросил я. — Зато здесь понимаю и даже чувствую свою силу. Нет, не в магических арбалетах, ты правильно сказал!.. Я понимаю, как сделать мир лучше. Ну, как могу, так и понимаю.

Он поинтересовался:

— А не проще было там... на старом месте? Все готово, все есть. Только кое-что подправить...

— Фундамент не подправишь, — возразил я.

— Ого!.. У тебя и размах...

— Я человек жестокий, — признался я. — Можно сказать, бесчеловечный... Потому намерен отменить нынешнее полукрепостное право и ввести демократию, чтобы каждый рвал жопу на работе, упирался изо всех сил, не думая о развлечениях и отдыхе... И тогда такое построим! Человеку нужно дать волю, но держать в узде! И тогда прогресс просто рванется, как сумасшедший.

Его взгляд скользнул поверх моего плеча, я торопливо оглянулся. По небу медленно плывут, едва-едва двигая громадными, как паруса, крыльями, две огромные птицы.

Обе настолько громадные, что я невольно пощупал замок на ящике с винтовкой. Здесь не настолько плотная атмосфера, чтобы такие чудища даже просто парили, что-то не так...

С клотика Понсоменер прокричал:

— Берегитесь, они поворачивают!

— Добычу узрели, — сказал Джонадер зло. — Дуры набитые...

Обе птицы, если это птицы, а не ящеры, в самом деле заинтересовались кораблями, сделали полукруг, на палубе народ в беспокойстве начал торопливо вооружаться.

Когда эти чудовища начали медленно снижаться, я рассмотрел длинные клювы, а как только одна распахнула пасть для пронзительного крика, я похолодел при виде двух рядов острых зубов.

Фицрой вытащил меч, лицо воспламенилось жарким румянцем, а глаза заблестели предвкушением жаркой схватки.

— Что за дуры, — сказал он с чувством, — здесь нас не достать!.. Запутаются в снастях! Я сам до сих пор как в лесу, а я еще та птица.

— Не знаю, — сказал я раздраженно, — не хотелось бы рисковать. Это птеродоны! Не спрашивай, сам не знаю. Птеродоны, и все.

— Какой риск, — возразил он. — Самое большее, порвут пару веревок! Да и то вряд ли.

— Вертвекки денег стоят, — сказал я.

Замок прочел папиллярные линии на моих пальцах и ладони, нехотя щелкнул. Не отрывая взгляда от медленно снижающихся чудовищ, я на ощупь откинул крышку и вытащил винтовку.

Патрон уже на месте, я присел, опустил длинный ствол на край борта, но так неудобно, Фицрой подбежал, подставил спину.

— Давай!

Я уместил ствол на его плечо, присел, крылатые твари проносятся уже вокруг мачты, тоже поняли насчет веревок и прикидывают, как все-таки прорваться за сладким человеческим мясом.

— Кто с клювом к нам придет, — пробормотал я, — тот по клюву и получит...

Палец дождал скобу, Фицрой охнул и ухватился за ухо. Могучий птеродон продолжал полет, как показалось, но его охватило внезапное пламя, да не просто огонь, а словно расшвыряло снопы искр в разные стороны.

Он пролетел по инерции, зацепил один из канатов и рухнул в волны в двух метрах от борта.

Матросы ликующе заорали, а Фицрой, развернувшись, закричал кровожадно:

— Бей вторую!.. Бей вторую!

Вторая тварь в испуге поднялась выше, сделала широкий круг над кораблем. Я взял ее на прицел, уже почти нажал на спуск, Фицрой застыл в ожидании выстрела над самым ухом, но я убрал винтовку с его плеча.

— Не нападет, — сказал я.

Он изумился.

— Ну и что?

— Пусть улетает, — сказал я.

Матросы смотрели молча и с непониманием, Фицрой сказал негодуя:

— Ты чего? Эта тварь слетает к берегу, принесет и сбросит такой обломок скалы, что сразу затопит и корабль, и нас всех!

— Не принесет, — ответил я. — И не затопит. Во-первых, только люди могут мстить, животные не умеют. Не дано им такое светлое человеческое чувство радости и наслаждения злобным мщением. К тому же эта птичка и свою жопу едва носит, какие уж скалы... Если бы не водород у нее под кожей... или где там у нее накапливается, такая туша никогда бы не взлетела... Ладно, все по местам!..

Фицрой подбежал к борту и с жалостью смотрел на растерзанную взрывом тушу птеродона, что постепенно уходит вдоль борта за корму. В каких-то частях тела водород уцелел, куски будут плавать поверху до тех пор, пока мясо не расклюют морские птицы... хотя да, сюда уже не залетают, ну тогда это хороший корм для рыб. Рыбы все сожрут, они ж рыбы.

— Эх, — сказал он мечтательно, — хотя бы клочок ее кожи!.. Я бы выменял даже не знаю на что!.. Или продал бы за мешок золота.

С клотика раздался уstraшенный крик Понсоменера:
— Море!.. Оно... другое!

Фицрой обернулся, кто-то сразу ломанулся на нос, самые смышленные покарабкались по веревочной лестнице на мачту.

Сердце мое дрогнуло в тревожно-радостном ожидании. Вода все такого же цвета, только сами волны уже не волны, а водяные холмы, что передвигаются по морю с астрономической неспешностью, величавые, как герцоги в королевском саду. В каждом та мощь, что не только с легкостью поднимает корабли, но и топит их, словно мелкие щепки.

Матрос на клотике должен следить за такими внимательно, да и капитан обязан реагировать моментально и кричать рулевому что-то типа: «Право руля, держи носом точно на волну!»

И рулевой должен успевать в условиях дикого ветра, брызг и качки развернуть корабль, чтобы волна не ударила в борт, иначе обязательно перевернет, а именно встретить ее гордо грудь в грудь.

Тогда волна поднырнет под корабль, поднимет на самую вершину водяного холма, а потом милостиво даст возможность стремительно и красиво соскользнуть с этой опасной крутизны в широкую ложбину, откуда видно приближение новой водяной горы.

Фицрой спросил потрясенным шепотом:

— Это... что?.. Там конец света?

— Да, — ответил я торжественно, — конец.

— Так чего... туда прем?

— Там Другой Свет, — сообщил я. — Фицрой, мы всего лишь вышли из моря в океан! Скажу по секрету, ты еще не видел настоящие чудеса. А сейчас как, готов?.. В самом деле готов?

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	133
Часть третья	247

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Орловский Гай Юлий

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 8

КОРОЛЕВСТВО ГАРГАЛОТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *Д. Горобец*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.10.2015.

Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 10 000 экз. Заказ 7981

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-84943-7

9 785699 849437 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

Парящего над замком дракона подстрелю
из снайперской, заговорщиков встречу стрельбой
из двух пистолетов «по-македонски», герцогиню
сумею уломать и без магии, однако против паутины
дворцовых интриг трепбется что-то, чего у меня нет.
Тайны двора лучше всех знают фрейлины королевы,
но бывает легче договориться
с драконом, чем с женщиной.
Однако придется.

ISBN 978-5-699-84943-7

9 785699 849437 >